

ЗИМНЯЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1852 Г. ВЪ ЧЕЧНѢ ¹⁾.

(Воспоминанія очевидца).

I.

Послѣднія станціи къ сборному пункту отряда. Вступленіе въ большую Чечню. Загадочность экспедиціи. Штурмъ ауловъ Автуръ и Гельдыгенъ. Ночлеги. Сюрпризы непріятелю. Бой въ ущельи р. Хулхулау. Взятіе андійскихъ хуторовъ. Отступленіе въ лагерь. Непріятный случай. Движеніе къ мезоникскимъ хуторамъ. Послѣдствіе ложной атаки. Штурмъ аула Салгирей-юрта. Разочарованіе непріятеля. Засада. Потери. Дѣятельность отряда до половины января.

Зимняя экспедиція въ большой ЧечнѢ. Но что же тамъ для насъ предстояло? Занавѣсъ, который скрывалъ ее отъ насъ, поднять, то есть—грозный шалинскій окопъ ушелъ опять въ землю, изъ которой вышелъ, и не оставилъ послѣ себя другаго слѣда, кромѣ длиннаго четырехверстнаго рубца. Остались кулисы, не особенно заманчивыя, какъ намъ казалось: открытая шалинская поляна, кое-гдѣ перелѣски, пощаженные русскимъ топоромъ, да красные цвѣтныя флюгера надъ чеченскими могилами, а затѣмъ аулы—вѣроятно доступные, иначе распорядители судебъ чеченскаго народа не сочли бы нужнымъ отгородить ихъ страшнымъ ретран-

¹⁾ Хотя экспедиція эта была уже описана по официальнымъ источникамъ и напечатана въ т. V «Кавказскаго Сборника», но настоящая статья получаетъ здѣсь мѣсто потому, что авторъ, какъ участникъ, можетъ значительно освѣтитъ или другія событія.

шаментомъ, котораго раззореніе въ пятьдесятъ первомъ году стоило намъ не мало крови, трудовъ и времени. Вопросъ „что тамъ для насъ предстояло“ отзывался разочарованіемъ; но уныніе смѣнялось очень скоро настроеніемъ діаметрально противоположнымъ при одной мысли, что отрядомъ командуетъ князь Барятинскій, генералъ предприимчивый, не любившій зигзаговъ и окольныхъ путей, но смѣло, кратчайшими дорогами наступавшій туда, куда осторожность предписывала подвигаться исподоволь, шагъ за шагомъ. Какая цѣль экспедиціи—этого никто не зналъ, и самая эта загадочность придавала ей нѣчто заманчивое. Вотъ почему бодро и весело шли мы въ отрядъ въ декабрь мѣсяцъ 1851-го года. Занесенные снѣгомъ, промокшіе и продрогшіе, съ бойкими пѣснями и бубнами, вступали въ зимнія сумерки въ станицу Николаевскую четыре эскадрона (второй и третій дивизіоны) Нижегородскаго драгунскаго полка, 31-го числа, въ послѣдній день стараго года. Начальство надъ ними ввѣрено было командиру 3-го дивизіона подполковнику Эттингеру. Подполковнику Эттингеру могло быть въ то время тридцать восемь лѣтъ. Онъ былъ выше средняго роста, плотнаго сложенія; совершенно сѣдые волосы на головѣ и усахъ составляли странный контрастъ съ его моложавымъ, довольно красивымъ лицомъ, свѣжимъ и румянымъ, какъ у юноши съ маленькими, вѣчно смѣющимися голубыми глазками. Сѣдые усы свои онъ густо фабрилъ и носилъ ихъ приподнятыми кверху. Онъ говорилъ порусски правильно, но съ акцентомъ, выдававшимъ его остзейское происхожденіе. Любимою его книгой—единственною, если не считать устава—въ которую онъ заглядывалъ, былъ оракулъ Мартына Задеки; съ нимъ онъ не разставался даже и въ походѣ и вѣрилъ въ него. Выдающеюся чертою въ характерѣ подполковника Эттингера была зависть, и онъ не скрывалъ этого.

Къ сожалѣнію, этого чувства не были чужды многіе талантливые дѣятели того времени, занявшіе видныя мѣста въ лѣтописяхъ кавказской войны. Князь Барятинскій, на-примѣръ, этотъ даровитый генералъ, дѣйствительными заслугами стяжавшій себѣ безсмертіе на страницахъ отечественной исторіи, не могъ равнодушно слышать имени Слѣпцова, и безпощадной критикой и ѣдкими сарказмами встрѣчалъ всякій новый бюллетень о славныхъ подвигахъ доблестнаго партизана ³⁾.

На другой день, 1-го января, около десяти часовъ утра мы выступили изъ станицы Николаевской. Наканунѣ термометръ показывалъ пять градусовъ мороза; за ночь онъ поднялся до нуля, и на всемъ длинномъ переходѣ до Грозной насъ обдавало мокрымъ снѣгомъ съ холоднымъ вѣтромъ, дувшимъ въ спину. Темносѣрыя облака бѣжали по

³⁾ Авторъ настоящаго очерка, по желанію кн. Барятинскаго, сочинилъ для чеченскаго отряда пѣсню, въ которой описываетъ, въ духѣ донесенія, рекогносцировки 6-го и 7-го января къ Автуру и Гельдыгену. Онъ имѣлъ неосторожность въ двухъ куплетахъ вскользь упомянуть о Слѣпцовѣ. Пѣсня должна была пройти черезъ руки начальника отряднаго штаба подполковника Ольшевскаго, игравшаго въ этомъ случаѣ роль цензора. Подполковникъ Ольшевскій просилъ автора выбросить куплеты о Слѣпцовѣ и при этомъ объяснилъ ему отношенія и князя Барятинскаго къ Слѣпцову, не смотря на то, что этотъ послѣдній уже покоился въ то время въ могилѣ, ожидавшей почетнаго памятника, который, по повелѣнію Императора Николая, сооруженъ былъ на счетъ казны, т. е. на средства всего русскаго народа. Въ куплетахъ о Слѣпцовѣ, сохранившихся, по счастью, въ моихъ запискахъ, нѣтъ ничего такого, что могло бы набросить хотя малѣйшую тѣнь на заслуги кн. Барятинскаго, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый. Вотъ эти два куплета:

Отъ шалинскаго завала
 Не осталось и слѣда;
 И на Сунжѣ тихо стало,
 Тихо стало навсегда.
 Нѣтъ нигдѣ о ней ни слова,
 Нѣтъ тамъ больше громкихъ дѣлъ:
 Схоронилъ тотъ край Слѣпцова
 И совсѣмъ осиротѣлъ.

одному направленію съ нами, точно спѣшили также въ отрядъ и боялись опоздать. Не смотря на такую непривѣтливую погоду, мы съ пѣснями прошли по баснословно грязнымъ улицамъ станицы и съ пѣснями вступили на николаевскій мостъ, по которому многіе изъ насъ проходили въ послѣдній разъ. Въ четыре часа пополудни мы прибыли въ Грозную. Сколько разъ бывалъ я въ этой крѣпости, заложенной суровымъ блюстителемъ высокой нравственности и благочинія, и всегда мнѣ казалось, что я попадаю въ самый разгаръ какой нибудь ярмарки или храмоваго праздника. Первый день новаго года, да еще почти наканунѣ выступленія въ походъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ составить исключенія. Ни мокрый снѣгъ, ни холодный вѣтеръ, ни грязь не могли остановить расходившагося разгула; въ сумерки онъ сталъ еще размахистѣе. По всѣмъ улицамъ сновали толпы народа съ шарманками, впереди которыхъ, подъ ихъ визгливые звуки, одѣтые чуть не полѣтному, солдаты отхватывали никому неизвѣстный танецъ, разбрасывая во всѣ стороны брызги холодной грязи; вездѣ раздавались пѣсни, далеко не отличавшіяся стройностью и прерывавшіяся то дикимъ гиканьемъ, то хриплымъ взвизгиваньемъ. Заведенія, надъ которыми красовались мокрыя вывѣски съ надписью „распивочно и навынось“, всѣ были въ этотъ день переполнены, и оттуда доносились голоса, которые ни одинъ знатокъ вокальной музыки не рѣшился бы признать за человѣческіе. Тѣмъ хороша была Грозная, что не скрывала она своего разгула, и тѣмъ хорошъ былъ ея разгулъ, что вѣяло отъ него какимъ-то добродушіемъ. Въ Грозной у насъ была дневка 2-го января, а 3-го на разсвѣтѣ, провожаемые все тѣмъ же мокрымъ снѣгомъ и холоднымъ сырымъ вѣтромъ, мы выступили изъ нея. Пройдя ханкальское ущелье, съ его обнаженнымъ лѣсомъ, мы вышли на оголенную равнину, которую далеко впереди

окаймляла угрюмая гряда Черныхъ горъ, затонувшихъ въ туманахъ вправо и влѣво отъ Аргуна. Въ крѣпости Воздвиженской, со стороны офицеровъ и нижнихъ чиновъ Куринскаго полка насъ ожидало самое широкое, истинно кавказское гостепріимство. Офицеры размѣстились по офицерскимъ квартирамъ; меня подхватилъ одинъ молодой баталіонный адъютантъ, съ которымъ я сошелся еще въ срокъ восьмомъ году на Урусъ-Мартанѣ во время нашихъ прощальныхъ пиршествъ. Онъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы я расположился на полу или на диванѣ. „Вотъ вамъ моя постель“, сказалъ онъ. „Она моя, когда я одинъ; но когда у меня есть гость, она принадлежитъ гостю“. Нижніе чины наши также ни въ чемъ не нуждались; радушные егеря помогали имъ развьючивать и убирать лошадей.

Къ вечеру 4-го января весь чеченскій отрядъ стянуть былъ къ крѣпости Воздвиженской. Онъ состоялъ изъ одиннадцати баталіоновъ и двухъ командъ пѣхоты, по пятидесяти человѣкъ каждая, четырехъ эскадроновъ регулярной кавалеріи, шести съ половиной сотень иррегулярной, полусотни милиціи, двѣнадцати батарейныхъ и двѣнадцати легкихъ орудій и трехъ ракетныхъ командъ—двухъ пѣшихъ и одной конной, сборной отъ линейныхъ казачьихъ полковъ ³⁾. Утро 5-го января было пасмурное, какъ и во

³⁾ Первоначальный составъ чеченскаго отряда въ зимнюю экспедицію 1852 года: три баталіона Куринскаго егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка (1-й, 2-й и 4-й), три баталіона Кабардинскаго егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка (1-й, 2-й и 4-й), два баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка (2-й и 3-й), два баталіона Навагинскаго пѣхотнаго полка (3-й и 4-й), сводный баталіонъ отъ кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ №№ 9, 10, 11 и 12-го, пятьдесятъ человѣкъ гальванической команды отъ 3-го резервнаго сапернаго баталіона, пятьдесятъ человѣкъ кавказскаго стрѣлковаго баталіона; четыре эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка (2-й и 3-й дивизионы), по одной сотнѣ отъ 5-й и 6-й бригадъ линейнаго казачьяго

всѣ предшествовавшіе дни; оно такъ мало давало свѣта, что скорѣе походило на сумерки. Вѣтеръ стихъ, снѣгъ продолжалъ падать, но уже не мокрый, за то частый, непрерывный, и притомъ большими хлопьями, и таялъ уже послѣ паденія на землю. Съ появленіемъ утра въ крѣпости раздались первые звуки генераль-марша, которые тотчасъ подхвачены были всѣми баталіонами, расположившимися лагеремъ подъ стѣнами ея. И наши трубачи, не подозрѣвая, вѣроятно, диссонанса, который производятъ, принялись будить эхо погруженныхъ въ раздумье Черныхъ горъ пронзительными, далеко не мелодическими нотами кавалерійскаго генераль-марша. Въ лагерь началось обычное движеніе и суэта: снимались и свертывались мокрыя палатки и укладывались на мокрыя подводы, и все это дѣлалось проворно, какъ будто нервы кавказскаго солдата не подчинялись вліянію погоды. Когда все было готово къ выступленію, отрядъ переправился съ лѣваго берега Аргуна на противоположный, непріятельскій, и къ десяти часамъ войска уже выстроились въ неполное карре изъ трехъ фасовъ, обращенное четвертой, свободной своей стороною, на сѣверъ, къ милой родинѣ. Въ середину карре внесли аналой съ истертымъ газетовымъ покровомъ, почтеннаго вида требникомъ, маленькаго формата евангеліемъ и полинявшимъ серебрянымъ крестомъ. Около половины одиннадцатаго отъ

войска, по одной сотнѣ отъ линейныхъ казачьихъ полковъ—Горскаго, Моздокскаго, Гребенскаго и Кизлярскаго, полсотни грозненскихъ казаковъ и полсотни чеченской милиціи; по одному дивизиону отъ батарейныхъ: № 1 батарея кавказской гренадерской и № 3 батареи 19-й артилерійскихъ бригадъ, по одному взводу батарейныхъ ор. б. № 4 б. 20 артилерійской бригады и конно-артилерійской донской № 7 батареи, взводъ легкихъ орудій батарейной № 4 батареи и дивизионъ легкой № 5 батареи 20-й артилерійской бригады, дивизионъ конно-артилерійской легкой № 15 батареи, взводъ легкихъ орудій донской конно-артилерійской № 7 батареи, пѣшія ракетныя команды отъ двухъ егерскихъ полковъ, конная ракетная команда отъ полковъ линейнаго казачьяго войска. Пятьдесятъ повозокъ составляли перевозочныя средства отряда.

кр. Воздвиженской отдѣлилась кавалькада, окружавшая коляску, въ которой сидѣла невѣстка нашего намѣстника, княгиня Воронцова, жена командира Куринскаго полка. Молебень служилъ священникъ съ сѣдыми волосами—обстоятельство, придававшее трогательной церемоніи особенную торжественность. Во время колѣнопреклоненія, когда не только генералы, начальники частей и офицеры, но даже и солдаты преклонили только одно колѣно и не рѣшались прикоснуться къ холодной грязи, глубокимъ слоемъ покрывавшей землю, княгиня Воронцова стала на оба колѣна прямо въ грязь и молилась такъ усердно, какъ будто готовилась вступить въ монастырь и навсегда прощалась со свѣтомъ.

Послѣ молебствія войска опять стали развернутымъ фронтомъ, и по рядамъ проѣхалъ начальникъ отряда князь Барятинскій, поздравляя каждую часть отдѣльно съ новымъ годомъ и съ предстоящими военными дѣйствіями. Это былъ уже не тотъ князь Барятинскій, котораго мы знали четыре года тому назадъ командиромъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка (Кабардинскаго), молодой, стройный флигель-адъютантъ, изящный, требовательный гвардейскій офицеръ. Четыре года разомъ перенесли его въ другой возрастъ и выработали изъ него настоящаго кавказскаго генерала, добродушнаго и снисходительнаго тамъ, гдѣ излишняя взыскательность не имѣетъ подъ собою разумной почвы; стройность его смѣнилась дородностью, лицо обросло густыми бакенбардами; усы, едва прикрывавшіе верхнюю губу, теперь захватывали и нижнюю; глаза, все еще прекрасные, утратили свою прежнюю ясность и казались отуманенными. На немъ было сѣросинее пальто, теплое, но безъ мѣха, и фуражка; башлыкъ, небрежно переброшенный на спину, довершалъ его походный костюмъ. Онъ держалъ себя совершенно просто, какъ человѣкъ, для

котораго власть уже не составляет новости. Онъ казался теперь на высокомъ посту гораздо доступнѣе, нежели прежде, въ болѣе скромной обстановкѣ; онъ только не могъ отрѣшиться отъ привычки прищуриваться, когда говорилъ съ подчиненными; она, напротивъ, росла въ немъ по мѣрѣ того, какъ онъ взбирался наверхъ, и вмѣстѣ съ нею росло и число его недоброжелателей, которымъ имя было легионъ, когда онъ былъ въ апогеѣ своего поприща. Мы не можемъ не относиться съ благоговѣніемъ къ памяти чело-вѣка, положившаго конецъ войнѣ, которой конца никто не могъ предвидѣть, и на которую западная Европа смотрѣла какъ на разсадникъ боевыхъ генераловъ и офицеровъ, съ великими жертвами поддерживаемый самимъ правительствомъ. Кто изъ историческихъ дѣятелей, не исключая и Юлія Цезаря, не имѣлъ своей обратной стороны; и нѣтъ разумаго основанія скрывать ее отъ потомства, для котораго исторія служить нравственнымъ кодексомъ.

Было безъ четверти двѣнадцать, когда казаки, провожавшіе княгиню Воронцову обратно въ Воздвиженскую, вернулись за Аргунъ, и отрядъ, перестроившись въ боевой порядокъ и перемѣнивъ фронтъ авангардомъ на сѣверъ, двинулся правымъ берегомъ рѣки внизъ по ея теченію къ урочищу Бани-юртъ. Недалеко отъ раззореннаго аула того же имени, отъ котораго кромѣ имени ничего и не осталось, онъ въ три часа пополудни расположился лагеремъ такъ, что эта первая наша позиція составляла правый уголъ равнобедреннаго треугольника, лѣвый уголъ котораго приходился въ Воздвиженскую, а у вершины стояла Грозная. Унылая мѣстность: надъ нами темносѣрыя тучи, не перестававшія осыпать насъ снѣгомъ; кругомъ—обнаженная, безжизненная равнина, усѣянная бѣлыми пятнами задержавшагося во впадинахъ снѣга; противъ передняго (восточнаго) и лѣваго фасовъ кое-какіе перелѣски съ оголенными

деревьями, казавшимися растительными скелетами. Саженыяхъ въ двухстахъ позади лагеря Аргунъ катилъ свои мутныя воды, напоминавшія графитъ своимъ темносѣрымъ цвѣтомъ, такъ какъ въ нихъ смотрѣлось такое же мутное графитовое небо. Тишина, наблюдавшаяся на позиціи, увеличивала уныніе, производимое видомъ мѣстности. Даже лагерь разбивали молча, точно дѣлали мы что нибудь запрещенное и боялись быть застигнутыми на мѣстѣ преступленія. Только шумъ рѣки глухо доносился до насъ, да изрѣдка кто нибудь окликнетъ дежурнаго, и то сдержаннымъ голосомъ, а между тѣмъ ни отъ кого никакихъ инструкцій относительно соблюденія тишины мы не получали. Можетъ быть, унылый видъ мѣстности и унылая погода были единственными причинами такого настроенія; давно мы не видали солнца и яснаго неба, а тутъ еще эта глушь непроглядная. Къ тому же никто ничего не зналъ о намѣреніяхъ начальника отряда.

Черезъ часъ или полтора вся кавалерія въ полномъ составѣ и въ полномъ вооруженіи, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ и одной пѣшей ракетной командѣ, отправилась на водопой. Къ этой колоннѣ примкнули пѣлыя команды съ ушатами, ведрами, баклагами, гигантскими ротными котлами и маленькими мѣдными котелками. Съ лѣваго берега Аргуна по водопою сдѣлано было нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Магическое дѣйствіе произвели эти выстрѣлы на нашъ отрядъ: отъ нихъ повѣяло надеждой на нѣчто лучшее, болѣе оживленное, нежели тишина, окружавшая насъ, и эта непривѣтливая, безотрадная пустыня. Къ сумеркамъ, наступившимъ въ этотъ день очень рано, палатки были уже разбиты и въ нѣсколькихъ мѣстахъ взвились первые столбы дыма, одного цвѣта съ облаками; а когда мракъ, сомкнувшись, окружилъ нашу позицію черною, непроницаемою

стѣною, по всему лагерю уже пылали костры, придававшіе ему нѣкоторое оживленіе и уютность, которыхъ ему такъ недоставало въ первыя минуты. Было около трехъ часовъ пополудни, когда кто-то пробрался въ мою палатку, и я почувствовалъ, какъ меня схватили за ногу. Я открылъ глаза; въ палаткѣ было темно. Я только-что собирался окликнуть страннаго посѣтителя, какъ услышалъ хорошо знакомый мнѣ, хотя сдержанный, голосъ моего взводнаго вахмистра: „ваше благородіе, сейчасъ выступаемъ“. Я былъ готовъ прежде, нежели мой товарищъ, недавно переведенный изъ Россіи, успѣлъ сообразить—зачѣмъ его потревожили. Я выглянулъ за палатку, и первымъ предметомъ, представившимся моимъ глазамъ, былъ небольшой просвѣтъ между тучами. Снѣгъ продолжалъ еще падать, но уже не такой частый; по всему замѣтно было, что онъ скоро прекратится; тучи раздвигались, просвѣты между ними становились все шире, и когда въ четыре часа мы выступили изъ лагеря, почти все небо искрилось звѣздами ¹⁾. Соображая направленіе, котораго отрядъ держался по выступленіи изъ лагеря, мнѣ все казалось, что мы идемъ къ сторонѣ Герменчука, куда за годъ передъ тѣмъ, въ двадцати-градусный морозъ, предпринимали съ Козловскимъ усиленную рекогносцировку, т. е. къ сѣверо-западу; но, переправившись черезъ Басъ, мы повернули прямо на востокъ. Это было первое ночное движеніе на моей памяти, при которомъ не соблюдалось обычной тишины и вообще не принималось никакихъ мѣръ предосторожности; даже курить не было запрещено. Фантастическое зрѣлище

¹⁾ Въ Бани-юртѣ оставлены были, подъ начальствомъ полковника Карева: 3-й и 4-й баталіоны Навагинскаго пѣхотнаго полка, сводный баталіонъ отъ кавказскихъ линейныхъ №№ 9, 10, 11 и 12-го баталіоновъ, дивизіонъ батарейной № 3 батареи 19-й артилерійской бригады, взводъ легкихъ орудій батарейной № 4 батареи 20-й артилерійской бригады и два орудія донской конно-артилерійской № 7 батареи.

должна была представлять изъ себя на нѣкоторомъ разстояніи эта движущаяся темная масса, со множествомъ крошечныхъ огоньковъ, безпрестанно мѣнявшихъ силу свѣта, то угасавшихъ, то ярко вспыхивавшихъ. Странное поведение начальника отряда и нѣкоторыя другія обстоятельства, сопровождавшія наше движеніе въ ночь на 6-е января, казались намъ очень загадочными; но въ послѣдствіи все объяснилось. Я не ошибся въ своемъ предположеніи: мы дѣйствительно проходили черезъ шалинскую просѣку, но куда же? Неужели на Автуръ ^{б)}? Вправо у насъ оставался разоренный аулъ Шали, влѣво—Герменчукъ, впереди лежалъ Автуръ, одинъ изъ большихъ центральныхъ ауловъ большой Чечни. И мы шли къ нему открыто, тогда какъ въ прикрытіе водопоя, отстоявшаго отъ лагеря на полверсты, высылались два баталіона съ артилерією. Это очень странно!

Прошло едва двадцать минутъ послѣ того, какъ мы миновали Шали, ночной мракъ прорѣзали три короткихъ красныхъ молній, сопровождавшіяся столькими же глухими, отрывистыми выстрѣлами. Этими выстрѣлами стоявшіе на пикетѣ въ одномъ изъ перелѣсковъ съ правой стороны чеченцы давали знать о приближеніи нашей колонны. Мы ожидали тревоги. Близость густо населенныхъ предгорій и большихъ центральныхъ ауловъ давала намъ осно-

^{б)} До отпаденія Чечни, т. е. до 1840 года, Автуръ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ хуторовъ, которые, послѣ возстанія, сомкнулись въ одинъ большой аулъ для лучшаго сопротивленія нашимъ колоннамъ. Вотъ почему за нимъ до послѣдняго времени, особенно между нижними чинами, сохранилось то же названіе во множественномъ числѣ. Въ малой Чечнѣ наоборотъ: до возмущенія она заселена была большими аулами, которые послѣ возстанія разбились на множество мелкихъ хуторовъ, чтобы развлекать наши силы при нападеніяхъ—слѣдовательно, также въ видахъ лучшей обороны. Причина діаметрально противоположныхъ мѣръ для достиженія одной и той же цѣли лежитъ въ характерѣ мѣстности той и другой Чечни: почти открытой въ большой и совершенно закрытой и пересѣченной въ малой.

ваніе рассчитывать на большіе непріятельскіе сборы и на торжественность готовившейся намъ встрѣчи; но ожиданія наши не оправдывались: день быстро шелъ на смѣну ночи, уже совершенно разсвѣло, а никто еще не показывался. Утренняя заря окрасила въ нѣжный розовый цвѣтъ опущенныя недавно выпавшимъ снѣгомъ Черныя горы, тянувшіяся впереди насъ длинною грядою, разорванною во многихъ мѣстахъ темными ущельями; высокій лѣсъ, провожавшій подножіе Черныхъ горъ такъ далеко, какъ только глазъ могъ видѣть, также слегка зарумянился на своихъ вершинахъ. Вправо отъ дороги, на открытыхъ площадкахъ, стояли два кладбища; ихъ раздѣляли сады, обнесенные плетнями. Безмолвіе и отсутствіе живаго существа придавали какую-то таинственность окружающему насъ ландшафту. Но безмолвіе было нарушено, когда съ нами поровнялся начальникъ кавалеріи, наказный атаманъ казачьяго войска генералъ-маіоръ Круковскій. „Здорово, драгуны“! крикнулъ онъ громкимъ голосомъ, привѣтствуя своихъ старыхъ сослуживцевъ. Не знаю, раздавалось ли когда нибудь въ этомъ заповѣдномъ углу русское „здравія желаемъ, ваше превосходительство“; но оно, должно быть, понравилось, потому что отчетливо было повторено лѣсомъ и горами. „Поздравляю васъ съ походомъ“, продолжалъ атаманъ тѣмъ же громкимъ голосомъ. „Мы здѣсь, въ большой Чечнѣ; кавалеріи есть гдѣ развернуться; покажите же свою удалъ“. На всѣ обращенія даны соотвѣтственные отвѣты; но когда онъ спросилъ: „отточены ли у васъ шашки“, то воцарилось краснорѣчивое молчаніе, длившееся секунды двѣ. Вдругъ кто-то въ 6-мъ эскадронѣ крикнулъ: „были когда-то отточены при полковникѣ Круковскомъ“. Круковскій улыбнулся, но промолчалъ и бойкой иноходью направился къ головѣ колонны.

Годъ тому назадъ Круковскій смотрѣлъ какъ-то иначе и одѣтъ былъ иначе. Тогда на немъ была шуба, кры-

тая темнокоричневымъ сукномъ, вся изъ чернаго курпея, и черная папахъ съ бѣлымъ верхомъ; въ посадкѣ выражалась удалъ, и она шла къ нему: сидѣлъ онъ наклонившись нѣсколько направо, лѣвая нога была вытянута по путлицу, правая согнута, такъ что правое стремя болталось совершенно свободно около желтаго чевяка. Теперь на немъ была шуба бѣлая, крытая голубымъ сукномъ, папахъ бѣлая съ голубымъ верхомъ; сидѣлъ онъ прямо; лицо было угрюмо, какъ въ былые годы, когда онъ командовалъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ; на губахъ играла насмѣшливая улыбка; бѣлый, статный, но уже не молодой конь, неизмѣнный его товарищъ, былъ подъ нимъ въ эту и въ предшествовавшую экспедици. Говорили, что характеръ Круковского нѣсколько измѣнился къ худшему; что въ дѣла его стали вмѣшиваться всѣ—„и вѣрующіе и невѣрующіе въ Бога“, какъ онъ самъ выражался; что всѣ благія его начинанія по введенію реформы въ линейномъ казачьемъ войскѣ, съ цѣлью поднять его на болѣе высокій уровень, встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны командующаго войсками генерала Заводовскаго (невѣрующій) и начальника главнаго штаба генераль-адъютанта Коцебу (вѣрующій); что прежде у него только лицо было угрюмо, а теперь и въ обращеніи съ подчиненными стала проглядывать нѣкоторая угрюмость. Только съ казаками, особенно бѣдными, обездоленными, онъ оставался обходительнымъ и привѣтливымъ попрежнему. Гвардейскіе офицеры сторонились отъ него: ихъ пугалъ ѣдкій тонъ его замѣчаній.

Сначала отрядъ держался направленія перпендикулярнаго къ рѣкѣ Басу, одному изъ притоковъ Сунжи съ правой стороны, очень широкому въ среднемъ теченіи, но маловодному и неглубокому. Мы даже думали, что станемъ здѣсь на позицію для вырубки лѣса на правомъ его берегу; но нѣтъ. Не останавливаясь мы продолжали двигаться

впередъ и никѣмъ не тревожимые переправились черезъ рѣку, которая въ прошломъ году всегда охранялась сильными партіями съ артилеріей. На этотъ разъ только вода въ Басѣ была отведена. Мы все шли дальше, никого не встрѣчая, прошли еще двѣнадцать верстъ, затѣмъ проникли въ глубь Чечни и у слѣдующаго притока Сунжи, у Хулхулау, остановились. Было одиннадцать часовъ утра. Чудное весеннее солнце обсушило, обогрѣло и ободрило нашихъ солдатъ. Отъ раззореннаго аула Шали, гдѣ мы открыты были пикетомъ, до Хулхулау ни одного выстрѣла не было сдѣлано по колоннѣ, и ни одинъ человѣкъ не показывался на всемъ пути. Мы только удивляться могли этому, отнюдь не радоваться, потому что всѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали встрѣчи съ непріятелемъ. Прежде Басѣ составлялъ границу, черезъ которую не иначе можно было переступить, какъ съ очень сильнымъ отрядомъ, а теперь мы стояли на Хулхулау, въ самомъ сердцѣ большой Чечни. Влѣво отъ того мѣста, гдѣ намъ предстояло переправляться черезъ рѣку, нѣсколько впереди виднѣлся Автуръ, огромный центральный аулъ, любимая резиденція Шамиля во время пребыванія его въ Чечнѣ. Сюда съѣзжались къ нему обыкновенно всѣ наибы и вліятельные люди для совѣщаній; здѣсь на джаматахъ ⁶⁾, собиравшихся въ опредѣленные сроки, обсуждались дѣла, касавшіяся всего края; здѣсь же казнили всенародно нашихъ проводниковъ и лазутчиковъ въ тѣхъ рѣдкихъ, конечно, случаяхъ, когда они попадались ⁷⁾. Переправлять артилерію черезъ Хулхулау, рѣчку не быструю, но узкую и глубокую, оказалось дѣ-

⁶⁾ Мірская сходка.

⁷⁾ Въ Чечнѣ во время владычества Шамиля строго воспрещены были табакъ и крѣпкіе напитки. Всякаго чеченца, отъ котораго пахло табакомъ или виномъ, тотчасъ же арестовывали какъ измѣнника, ходившаго на русскую границу.

ломъ не легкимъ: спусковъ нигдѣ никакихъ не было замѣтно, да ихъ и не существовало, такъ какъ у Автура вода въ рѣкѣ бѣжитъ наравнѣ съ берегами. Мы выступили изъ Бани-юрта налегкахъ, какъ по тревогѣ, а потому тяжестей никакихъ съ собой не брали; не было слѣдовательно и подвижнаго моста съ нами. Однако, благодаря усиліямъ пѣхоты, не останавливающейся ни передъ какими преградами, черезъ полчаса намъ удалось перебраться на другой берегъ съ незначительными поврежденіями нѣкоторыхъ деревянныхъ частей у нѣкоторыхъ орудій. Еслибы непріятель былъ налицо—какъ бы дорого мы заплатили за право перешагнуть черезъ узкую трехаршинную полосу проточной воды; но непріятель не показывался: мы точно вступили въ заколдованную страну, гдѣ все погружено было въ летаргическій сонъ на время нашей экскурсіи. Генералъ Крюковскій со всею кавалеріей и конною при ней артилеріей, съ тремя баталіонами егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка и двумя взводами пѣшей артилеріи—однимъ батарейнымъ, другимъ легкимъ—занялъ позицію на Хулхулау впереди нашей переправы, противъ хутора Ахмета. Передовой колоннѣ, подъ начальствомъ командира Куринаскаго егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова, флигель-адъютанта полковника князя Воронцова, отдано было приказаніе занять Автуръ.

Отсутствіе непріятеля по всѣмъ пройденнымъ нами дорогамъ, хуторамъ и переправамъ явно указывало на присутствіе его въ большихъ массахъ въ центральномъ аулѣ, главномъ административномъ пунктѣ края. Князь Воронцовъ выстроилъ въ линію всю имѣвшуюся въ его распоряженіи артилерію и началъ громить аулъ. Ни одного отвѣтнаго выстрѣла со стороны аула не послѣдовало. Тогда князь Воронцовъ скомандовалъ пѣхотѣ „на ура“. Съ крикомъ „ура“ и съ барабаннымъ боемъ бросились солдаты къ вы-

сокому, земляному валу, которымъ обнесенъ былъ Автуръ. Та же тишина. Подозрѣвая засаду, которая у кавказскихъ горцевъ доведена была до совершенства, и приготовившись схватиться съ непріятелемъ грудь съ грудью, колонна, не разбрасываясь, въ стройномъ порядкѣ вступила въ аулъ. Но никого тамъ не было; улицы были пусты, сакли также оказались пустыми. Никого не нашли наши солдаты въ славившемся многолудствомъ Автурѣ, кромѣ двухъ старухъ и нѣсколькихъ экземпляровъ растерявшейся домашней птицы. Нашли, правда, огромные запасы кукурузной муки, которой съ избыткомъ бы достало на продовольствіе всего нашего отряда во все продолженіе зимней экспедиціи. Старухи взяты были въ плѣнъ, хотя по мнѣнію Крюковского, высказанному имъ начальнику отряда совершенно серьезно, ихъ бы можно было отпустить и только обязать подпискою не воевать больше противъ русскихъ. Эта острота въ тотъ же день облетѣла весь отрядъ. Когда мы вечеромъ поздравляли нашихъ боевыхъ товарищей, они отъ души вмѣстѣ съ нами смѣялись. Думали ли мы въ то время, что черезъ двѣнадцать дней у всѣхъ чиновъ отряда страшно вытянутся лица, и что многіе изъ насъ горько и безутѣшно будутъ плакать. Князь Барятинскій приказалъ освободить плѣнныхъ старухъ и на остроту Крюковского отвѣтилъ также остротой: „я ихъ отпустилъ на честное слово“. Ровно въ полдень резервная колонна, состоявшая подъ начальствомъ Крюковского, присоединилась къ отряду. Съ позиціи, которую мы занимали на Хулхулау, намъ видѣнь былъ одинъ только уголъ восточнаго фаса Автура; мы увидѣли его весь только когда обогнули лѣсъ, маскировавшій его отъ насъ, и выровнялись на большую дорогу. Мы ожидали увидѣть его охваченнымъ пламенемъ со всѣхъ сторонъ, какъ это обыкновенно дѣлалось по взятіи непріятельскихъ ауловъ и хуторовъ; но, къ немалому удивленію на-

шему, ничего этого не было. Все въ этотъ день было ново для насъ, все казалось намъ страннымъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха отряда у самаго Автура, князь Барятинскій, оставивъ въ аулѣ флигель-адъютанта полковника князя Воронцова съ тремя баталіонами его полка, четвертымъ баталіономъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка и всѣми батарейными орудіями, съ остальными войсками двинулся къ другому большому аулу Гельдыгену, находившемуся въ семи верстахъ къ сѣверу отъ Автура. Въ полуверстѣ отъ аула, отрядъ остановился. Здѣсь князь Барятинскій поздравилъ бывшіе съ нимъ два баталіона кабардинцевъ съ полковымъ праздникомъ и, указавъ на Гельдыгенъ рукою, торжественно поднятою, сказалъ имъ: „дарю вамъ на праздникъ этотъ аулъ“. Кабардинцы, не ожидая другой команды, взяли ружья на перевѣсъ и съ крикомъ „ура“ бросились впередъ. „Сумашедшіе, куда вы бѣжите!“ закричалъ имъ Крюковскій. „Стойте, остановитесь!“ Затѣмъ, обращаясь къ начальникамъ частей, „господа офицеры—сказалъ онъ имъ—остановите вашихъ людей. Вѣдь они могутъ загорѣться: куда мы ихъ денемъ, кто за ними будетъ ухаживать?“ Барону Николаю, принявшему начальство надъ баталіонами, бѣжавшими за полученіемъ подарка, съ трудомъ удалось образумить своихъ ретивыхъ подчиненныхъ. Князь Барятинскій издали смотрѣлъ на эту сцену съ снисходительной улыбкой, которая, казалось, говорила: кому бы слѣдовало сдѣлать выговоръ, такъ это мнѣ. Крюковскій былъ правъ: на солдатахъ были полушубки, сумки съ полнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ, пятидневный запасъ сухарей, безъ котораго они шагу не дѣлали изъ лагеря, тяжелыя ружья того времени; съ трехъ часовъ пополудни они были на ногахъ, прошли не менѣе тридцати верстъ по грязи довольно глубокой, иногда глинистой, очень

вязкой; къ тому же и день былъ теплый, почти весенній. При такихъ условіяхъ, пожалуй, многіе изъ нихъ могли загорѣться и сдѣлаться тяжелой обузой для отряда, выступившаго безъ тяжестей. Въ Гельдыгенѣ, выказавшемъ такое же миролюбивое настроеніе, какъ и Автуръ, нашли всего одну старуху и обильный запасъ кукурузной муки и проса; все остальное имущество заблаговременно увезено было въ лѣсъ; туда же отогнали чеченцы крупный и мелкій рогатый скотъ. Черезъ нѣсколько минутъ Гельдыгентъ запылалъ мѣстахъ въ двадцати одновременно,—кукурузная мука оказалась превосходнымъ горючимъ матеріаломъ; высоко надъ нимъ поднималось пламя съ оранжевой окраской, быстро разносившее пожаръ по аулу. И такъ, кабардинцы сожгли подарокъ, доставшійся имъ на полковой праздникъ, и послѣ этого добраго дѣла поспѣшили присоединиться къ отряду. Солнце садилось, когда мы начали отступать отъ Гельдыгена. Мы нѣсколько разъ оглядывались на пожаръ огромнаго аула; отдѣльныя огненные пирамиды скоро слились въ одно общее пламя, и зрѣлище было страшное и величественное. Когда на небѣ показались первыя звѣзды, мы подошли къ Автуру. Здѣсь, въ самомъ центрѣ непокорной земли, окруженные горами и лѣсами, за которыми скрывались непріятельскіе аулы, мы должны были переночевать. Что дальше будетъ—мы не знали. Событія и явленія этого дня часть отъ часу становились загадочнѣе. Мы только одно пока понимали—почему пощаженъ былъ Автуръ. Но ему суждено было только до слѣдующаго утра пережить своего злополучнаго сосѣда, который цѣлую ночь далеко отбрасывалъ отъ себя зарево къ потемнѣвшему небу, и къ утру представлялъ уже одни развалины.

Вечеромъ объяснилось наконецъ все, что казалось намъ непонятнымъ въ этотъ чреватый сюрпризами день. 2-го января Шамиль, находившійся въ то время въ Ичкеріи, въ своей

резиденціи, получилъ извѣстіе изъ Дагестана, что одно изъ обществъ по сосѣдству съ обществомъ Карата, въ которомъ наибомъ былъ сынъ его Кази-Магома, возмутилось, отказывается платить дань и начинаетъ волновать сосѣднія общества. Онъ отдалъ приказъ немедленно собрать всѣхъ способныхъ носить оружіе въ Ичкеріи и большой Чечнѣ, и съ ними бросился кратчайшими дорогами по головокружительнымъ горнымъ тропинкамъ къ Кара-Койсу для усмиренія возмущившихся. Только на Мичикѣ оставлено было не болѣе двухсотъ человѣкъ, подъ начальствомъ мѣстнаго наиба, молодаго и отважнаго Эски, для охраны переправы черезъ эту рѣку и для наблюденія за подвижнымъ резервомъ, стоявшимъ на Качкалыковскомъ хребтѣ, въ укр. Куринскомъ, подъ командою полковника Бакланова. Оставлено было также нѣсколько доброконныхъ всадниковъ для содержанія пикетовъ на шалинской просѣлкѣ по дорогамъ въ глубь Чечни. На обязанности этихъ послѣднихъ лежало—сигнальными выстрѣлами давать знать о приближеніи русскихъ отрядовъ, для того, чтобы остававшіеся въ аулахъ престарѣлые и неспособные имѣли возможность заблаговременно скрыть въ лѣсу свои и своихъ отсутствующихъ односельчанъ семейства, имущество, лошадей и рогатый скотъ. Что касается до нѣкоторыхъ продовольственныхъ запасовъ, въ томъ числѣ и кукурузной муки, то ихъ приказано было бросить на произволъ судьбы, такъ какъ перевозка ихъ потребовала бы всѣ имѣвшіяся въ наличности подводы и нѣсколькихъ сутокъ безостановочной работы. Свѣдѣнія объ этомъ получены были княземъ Барятинскимъ 4-го января; но 4-го только къ вечеру прибыли къ сборному пункту отряда послѣднія части войскъ, входившія въ его составъ. 5-го онъ выступилъ изъ Воздвиженской къ Бани-юрту, а 6-го предпринялъ рекогносцировку къ центральнымъ ауламъ большой Чечни. Вотъ чѣмъ объ-

ясняется вопервыхъ, не обставленное никакими предосторожностями ночное движеніе нашего отряда черезъ шалинскую просѣку; вовторыхъ, отсутствіе непріятеля даже и послѣ произведенной стоявшими на пикетѣ тревоги не только по дорогамъ и на переправахъ, но даже и на такомъ важномъ стратегическомъ административномъ пунктѣ, какъ Автуръ, передовой изъ центральныхъ, и наконецъ, третьихъ, жалкіе трофеи въ двухъ такихъ большихъ аулахъ, какъ Автуръ и Гельдыгенъ.

Ночь на 7-е января прошла совершенно спокойно. Насколько былъ великъ аулъ, можно судить по тому, что въ немъ для всѣхъ чиновъ нашего отряда нашлось помѣщеніе: для лицъ высокопоставленныхъ, съ ихъ штабами и канцеляріями, и для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ. Нижніе чины расположились вокругъ огромныхъ костровъ, которые поддерживали всю ночь. Сильные форпосты, разставленные вокругъ аула, и два баталіона пѣхоты, стоявшіе подъ ружьемъ на двухъ дорогахъ, ведущихъ къ аулу—одной отъ шалинской просѣки, другой отъ Гельдыгена—охраняли безопасность нашего контрабанднаго ночлега. Едва разсвѣло, на одномъ изъ уступовъ горы, прямо противъ аула, показалось нѣсколько всадниковъ и при нихъ два значка; за ними стали прибывать и другіе всадники поодионокѣ и цѣлыми партіями. Число ихъ росло съ каждой минутой, а менѣе нежели черезъ полчаса весь уступъ, опоясывавшій гору отъ одного водораздѣла до другаго, всего около четверти версты въ длину, былъ усыянъ непріятельской кавалеріей; между другими значками красовался зеленый парчевой имама. Влѣво отъ кавалеріи, противъ праваго фланга нашей позиціи, точно изъ земли выросла, показалась толпа пѣшихъ чеченцевъ, которые тотчасъ же принялись рубить лѣсъ и устраивать заваль. Какъ они могли пройти по горѣ мимо всего аула никѣмъ незамѣченные—это для

насъ осталось загадкой. Можетъ быть, они пробирались уступомъ выше; но въ такомъ случаѣ должны были спуститься на слѣдующій уступъ по тропинкѣ, которой слѣдовъ мы не могли нигдѣ открыть, не смотря на то, что деревья были обнажены и не переплетались паразитными растеніями. Работа по устройству завала подвигалась настолько быстро, что прежде, нежели мы узнали что нибудь о дальнѣйшихъ предположеніяхъ начальника отряда, изъ за завала показался бѣлый клубъ дыма, и надъ нашими головами прошипѣла граната. За этимъ первымъ выстрѣломъ тотчасъ же послѣдовалъ другой—и въ стогъ сѣна, стоявшій въ нѣсколькихъ саженьяхъ влѣво отъ насъ, ударилося и въ немъ зарылося трехфунтовое ядро. Въ отрядѣ засуетились; адъютанты и ординарцы скакали по всѣмъ направленіямъ, передавая приказанія.

Князю Барятинскому еще наканунѣ принесли извѣстіе, что Шамиль съ частью своего сборища выступилъ изъ Дагестана и форсированнымъ маршемъ идетъ въ Чечню; но съ какой стороны онъ явится—со стороны ли Гельдыгена, или же, обогнувъ Автуръ, зайдетъ намъ въ тылъ и, связавъ завалами отдѣльные хутора, мимо которыхъ мы проходили наканунѣ, преградитъ намъ обратный путь къ шалинской просѣлкѣ—этого лазутчики, конечно, не могли знать. Шамиль прошелъ горными тропинками и появился у насъ съ фронта, гдѣ менѣе всего ожидали, такъ какъ, по свѣдѣніямъ тѣхъ же лазутчиковъ, онъ захватилъ съ собой въ Ичкеріи три полевыхъ орудія, кромѣ одного горнаго, ходившаго съ нимъ въ Дагестанъ. По всему было замѣтно, что князь Барятинскій не ожидалъ такой развязки и надѣялся окончить рекогносцировку прежде, нежели слухъ о движеніи нашего отряда дойдетъ до Шамиля; но онъ ошибся въ расчетѣ на цѣлыя сутки по обстоятельствамъ, которыхъ никто не могъ предусмотрѣть. Такимъ образомъ,

Шамиль засталъ насъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія, расположившимися на ночлегъ въ одномъ изъ его любимыхъ ауловъ. Барятинскій не любилъ терять людей—въ этомъ нельзя не отдать ему справедливость, особенно на рекогносцировкахъ, которыя онъ не считалъ за самостоятельныя военныя дѣйствія. Движеніе 6-го января не имѣло другой цѣли, кромѣ обзрѣнія важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ и дорогъ къ нимъ, слѣдовательно было рекогносцировкой, съ которой начальникъ отряда надѣялся вернуться безъ потерь; но въ войнѣ, особенно малой, въ гористой мѣстности, судьба самыхъ глубоко обдуманыхъ предначертаній зависитъ нерѣдко отъ непредвидѣнныхъ случайностей, иногда ничтожныхъ—напримѣръ, нечаянно спустившійся курокъ у солдата во время набѣга можетъ повлечь за собою неисчислимыя бѣдствія для цѣлаго отряда. Надо было отступить, но такъ отступить, чтобы по возможности развлекать силы непріятеля и не позволить ему всѣмъ своимъ скопищемъ занять лѣсъ, который съ большими и малыми перерывами тянулся по всему десятиверстному протяженію между Хулхулау, съ ея лѣвыми притоками, и Басомъ, и котораго мы не могли миновать.

Въ восемь часовъ утра отрядъ предпринялъ обратное движеніе къ Хулхулау. Не успѣли войска выбраться изъ аула, какъ надъ нимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ взвились густые черные столбы дыма, озаренные первыми лучами прелестнаго зимняго утра. Минутъ черезъ десять весь аулъ залитъ былъ огненными волнами, которыя, колыхаясь по всѣмъ направленіямъ, пожирали все встрѣчавшееся имъ на пути. Отрядъ, переправившись черезъ Хулхулау почти съ тѣми же затрудненіями, что и наканунѣ, раздѣлился на двѣ колонны: одна, изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты—двухъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка и одного егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка—

съ частью кавалеріи, при легкихъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника князя Воронцова, должна была сдѣлать диверсію къ ущелью рѣки Хулхулау; другой, изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, всей остальной кавалеріи и артилеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Крюковскаго, приказано было занять позицію на лѣвомъ берегу Хулхулау, противъ той, которую мы занимали 6-го января передъ вступленіемъ въ Автуръ. Хотя Шамиль очень хорошо понималъ, что не только съ тремя, но даже съ десятию баталіонами ни одинъ генералъ не отважится проникнуть въ Ичкерію черезъ ущелье Хулхулау, тѣмъ не менѣе онъ отрядилъ часть своего сборища для наблюденія за дѣйствіями малой колонны, а самъ съ главными силами остался на прежней позиціи и открылъ по главной колоннѣ огонь изъ двухъ орудій. Такъ какъ глубокій строй представлялъ слишкомъ заманчивую цѣль для артилерійскихъ снарядовъ, то Крюковскій приказалъ кавалеріи стать развернутымъ фронтомъ, а пѣхоту вывести изъ подъ выстрѣловъ и спрятать въ лѣсу; въ прикрытіе же артилеріи оставлены были только двѣ роты. Въ сущности, она не нуждалась въ прикрытіи, такъ какъ единственнымъ пунктомъ, съ котораго чеченцы могли бы вредить артилерійской прислугѣ мѣткими выстрѣлами изъ своихъ винтовокъ, былъ Автуръ, который стоялъ теперь охваченный со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Такъ какъ артилерія наша дѣйствовала на плоскости противъ орудій, стоявшихъ высоко на горѣ, за высокимъ заваломъ, то она никакъ не могла заставить ихъ замолчать. Это нисколько не мѣшало ей на каждый непріятельскій выстрѣлъ отвѣчать залпами изъ трехъ и четырехъ орудій—что всегда благотворно вліяетъ на нравственный духъ солдатъ всѣхъ остальныхъ родовъ оружія. Кто изъ бывавшихъ въ дѣлахъ противъ непріятеля не знаетъ, что даже самыя лучшія войска, оставаясь въ бездѣйствіи

подъ артилерійскимъ огнемъ, невольно поддаются чувству безпомощности, если своя артилерія молчитъ, за которымъ неизбѣжно слѣдуетъ деморализація. Послѣ седьмого или восьмого непріятельскаго выстрѣла, одному молодому казаку кизлярской сотни трехфунтовымъ ядромъ оторвало нижнюю челюсть, ударившись справа. Замѣчательнѣе всего въ этомъ печальномъ эпизодѣ то странное обстоятельство, что раненый не сейчасъ упалъ: нѣсколько мгновеній онъ оставался совершенно неподвижнымъ на своемъ конѣ и потомъ разомъ, какъ снопъ, повалился на руки стоявшаго съ лѣвой стороны товарища.

Долго ждали мы возвращенія малой колонны; намъ, по крайней мѣрѣ, показалось долго, потому что мы стояли на мѣстѣ и единственнымъ развлеченіемъ нашимъ было слѣдить за полетомъ каждаго непріятельскаго снаряда. На самомъ же дѣлѣ диверсія продолжалась съ небольшимъ часъ. Это была въ то же время и рекогносцировка къ верховьямъ Хулхулау, такъ какъ по ущелью этой рѣки извивается дорога въ Ичкерію къ аулу Ведено, резиденціи имама. Князю Барятинскому хотѣлось удостовѣриться, дѣйствительно ли эта дорога такъ неприступна, какъ о ней постоянно говорили лазутчики и передавшіеся къ намъ чеченцы. Она оказалась на высотѣ своей репутаціи: чрезвычайно затруднительная для движенія нашихъ отрядовъ при входѣ въ ущелье, чѣмъ дальше, тѣмъ она становилась недоступнѣе, потому что тѣмъ ближе сходились горы, образуя мѣстами настоящіе горные корридоры, по которымъ движеніе войскъ безъ громадныхъ потерь немыслимо. Колонна князя Воронцова далѣе двухъ верстъ по ущелью не заходила и затѣмъ начала отступать. Тогда чеченцы съ крутыхъ обрывовъ, по которымъ провожали войска, спустились въ самый оврагъ, на дорогу, и близко стали подъѣзжать къ арріергарду. Одинъ разъ они даже намѣревались

броситься въ шашки, но картечь образумила ихъ, и они принуждены были ограничиться перестрѣлкой на почти-тельномъ разстояніи. Еслибы Шамиль, вмѣсто кавалеріи, отрядилъ для преслѣдованія малой колонны часть пѣхоты, диверсія обошлась бы намъ не безъ урона. Гулъ отъ выстрѣловъ по ущелью только изрѣдка доносился до насъ, и то довольно глухо, потому что мы сами все время вели оживленную перебранку съ непріятельской артилеріей; но когда малая колонна стала дебушировать изъ ущелья, выстрѣлы ея гораздо явственнѣе начали выдѣляться изъ общего грохота. Такъ какъ разстояніе между колонной князя Воронцова и нашей было довольно значительное, то эта картина двухъ совершенно отдѣльныхъ и одновременно происходившихъ битвъ была для насъ новая и очень характеристичная. Вотъ, наконецъ, показалась изъ ущелья и арріергардная цѣпь, съ гарцовавшею вразсыпную на хвостѣ ея непріятельской кавалеріей. Едва мы вступили въ лѣсъ, начинавшійся у лѣваго берега Хулхулау, какъ скопище Шамиля, увеличившееся новыми партіями, налетѣвшими изъ Ичкеріи вслѣдствіе поднятой въ ущельи Хулхулау тревоги, всею своею массою бросилось вслѣдъ за нами—и тутъ-то началась та грандіозная симфонія, которой никогда ни одному композитору не передать ни на какомъ инструментѣ. Сначала, но только короткое время, можно было различать отдѣльные залпы и даже отдѣльные выстрѣлы; но потомъ все слилось въ одинъ гулъ, протяжный, непрерывный, оглушительный, за которымъ ничего нельзя было слышать, ни командныхъ словъ, ни даже сигналовъ. Повременамъ въ этотъ гулъ врывался шумъ, напоминавшій пыхтѣнье локомотива,—это были орудійные выстрѣлы. Декораціи въ торжественности своей не уступали разыгравшейся среди нихъ сценѣ. Онѣ состояли изъ высокаго, прямого и, должно быть, очень стараго лѣса, те-

равшагося вершинами своими въ сплошномъ облакѣ пороховаго дыма, сквозь которое солнце казалось янтарнымъ шаромъ безъ лучей.

Мы отступали по другой дорогѣ, кратчайшей, мимо Сади-юрта и Беной-юрта, все къ тому же раззоренному аулу Шали, который, до открытія просѣки черезъ шалинскіе лѣса, имѣлъ важное стратегическое значеніе для непріятеля и теперь еще служилъ стратегической станціей то для насъ, то для нашихъ противниковъ. Хуторъ Муртузали, не уступавшій въ размѣрахъ любому аулу и носившій скромное названіе хутора, въ давнопрошедшія времена, когда онъ дѣйствительно былъ хуторомъ, оставался у насъ теперь далеко влѣво, тогда какъ наканунѣ стоялъ недалеко вправо отъ нашей дороги. Нашей диверсіей къ верховьямъ Хулхулау и канонадой съ лѣваго берега рѣки мы дали непріятелю время приготовить къ оборонѣ хутора, находившіеся на пути нашего наступленія, въ томъ числѣ и хуторъ Муртузали; но такъ какъ этотъ послѣдній мы миновали, то довольно значительная конная партія, приготовившая въ немъ засаду, бросила его, заскакала впередъ и заняла стоявшіе влѣво и очень близко отъ нашей дороги андійскіе хутора, родственные только по имени хуторамъ, разбросаннымъ по сѣверному склону андійскихъ высотъ, но выстроенные совершенно почеченски, съ высокими плетнями изъ орѣшника вокругъ каждой сакли, которыя наружнымъ видомъ своимъ напоминали пчелиные улья. Два часа шли мы лѣсомъ, имѣвшимъ не болѣе пяти верстъ до перваго перерыва. Промежутки между деревьями были до того равномѣрны, точно лѣсъ насаженъ былъ рукою человѣка; расположеніе деревьевъ такъ близко подходило къ шахматному, что въ общемъ они составляли непроницаемую для глаза завѣсу, за которой цѣлыхъ два часа, пока мы не подошли къ опушкѣ, ни мы не могли видѣть не-

пріятеля, ни онъ насъ не видѣлъ. Только изрѣдка мелькнетъ въ дыму значокъ, или сверкнетъ гдѣ нибудь дуло винтовки. Больше всего доставалось отъ выстрѣловъ деревьямъ, не принимавшимъ никакого участія въ борьбѣ нашей за существованіе. Наконецъ-то гулъ отъ неумолкаемой перестрѣлки замѣтно сталъ ослабѣвать; опять можно было различать отдѣльные выстрѣлы. Между деревьями стали показываться широкіе просвѣты, въ лѣсу становилось свѣтлѣе. Мы приближались къ перерыву, за которымъ до новаго лѣса дорога, по нашимъ соображеніямъ, должна была проходить версты двѣ по открытому пространству; по крайней мѣрѣ отступленіе ощупью, такъ сказать съ завязанными глазами, должно будетъ на время прекратиться, а, можетъ быть, прекратится и самое преслѣдованіе.

Вдругъ, въ лѣвой цѣпи перестрѣлка совсѣмъ смолкла; въ правой же наступившую затѣмъ тишину прерывали рѣдкіе, одиночные выстрѣлы. Послышался безпорядочный конскій топотъ, отрывистые возгласы, какая-то суматоха, и все это завершилось неожиданно для всѣхъ насъ залпомъ изъ нѣсколькихъ сотъ ружей, прямо противъ лѣвой нашей цѣпи; вслѣдъ за нимъ раздалось громкое родное „ура“. Залпъ изъ винтовокъ повторился; „ура“ то прерывалось, то опять возобновлялось, а затѣмъ все въ той же сторонѣ, на лѣвомъ флангѣ, завязалась жаркая перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ. Мы все еще ничего не понимали, и только когда стянулись къ опушкѣ лѣса и перестроились впереди ея въ боевой порядокъ, нарушенный переходомъ черезъ лѣсъ, узнали въ чѣмъ дѣло: наша лѣвая цѣпь наткнулась на завалы, которыми замаскированы были андійскіе хутора. Командовавшій лѣвою цѣпью флигель-адъютантъ полковникъ князь Воронцовъ, вмѣсто того, чтобы вызвать артилерію на позицію и окропить сидѣвшихъ за завалами ближнею картечью, прямо бросился на завалы съ первымъ

баталіономъ своего полка, не давши даже опомниться нашей артилеріи, такъ что между первымъ непріятельскимъ залпомъ и нашимъ „ура“ почти не было промежутка. Это была ошибка, которая, къ счастью, обошлась намъ не слишкомъ дорого. Завалы—ихъ было два въ одну линію—однако удержались. Внезапность нападенія не слишкомъ озадачила непріятеля: онъ далъ новый залпъ по егерямъ, на который эти послѣдніе отвѣчали бѣглымъ огнемъ. Четвертый баталіонъ того же князя Воронцова полка, находившійся на другомъ концѣ цѣпи, не дождавшись приказанія, которое къ нему было послано, бросился впередъ къ сторонѣ тревоги, въ нѣсколько минутъ перебѣжалъ пространство, отдѣлявшее его отъ хуторовъ, и едва вступилъ въ линію огня, какъ устремился вмѣстѣ съ первымъ баталіономъ на завалы, не успѣвши даже устроиться, запыхавшись, вразсыпную, съ крикомъ „ура“, для котораго отъ быстрого бѣга не доставало голоса. Въ такомъ безпорядкѣ можно только бѣжать съ поля сраженія; онъ, напротивъ, поспѣшалъ на поле сраженія, чтобы выручить своихъ неосторожныхъ товарищей. Рванулись неустрашимые куринцы на не менѣе неустрашимыхъ чеченцевъ. Хотя послѣдніе втораго штурма не выдержали и очень скоро были выбиты изъ заваловъ, но, отступая къ хуторамъ, они рукопашнымъ боемъ старались замедлить наступленіе нашихъ двухъ баталіоновъ. Ожесточеніемъ, съ которымъ они отстаивали свои позиціи, они превзошли самихъ себя. Давно русскіе не встрѣчали въ большой Чечнѣ такого истинно геройскаго сопротивленія. Не андійскіе хутора были имъ дороги; ихъ наэлектризовало только-что вынесенное впечатлѣніе отъ неизгладимаго зрѣлища двухъ исчезнувшихъ съ лица земли ауловъ, двухъ столицъ края; ихъ одушевляло присутствіе и примѣръ имама, который даже обнажилъ шашку, порываясь принять участіе въ общей схваткѣ. Его однако

удержали мюриды. Шамиль принужденъ былъ уступить и ограничиться ролью распорядителя все сильнѣе разгоравшагося боя. Правѣ нашей правой цѣпи, на довольно далекомъ разстояніи отъ дороги, стояли еще хутора. Начальникъ отряда отправилъ къ нимъ два баталіона пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, съ приказаніемъ занять ихъ и уничтожить. Войска наши пробрались къ нимъ незамѣченныя непріятелемъ, не сдѣлали по нимъ ни одного выстрѣла, чтобы не привлечь его вниманія, и такъ какъ никого въ нихъ не застали, то безпрепятственно исполнили возложенное на нихъ приказаніе. Когда они вернулись къ колоннѣ, бой на лѣвомъ флангѣ, длившійся около часа съ перемѣннымъ счастьемъ, былъ уже оконченъ. Андійскіе хутора были въ нашихъ рукахъ и съ веселымъ трескомъ, напоминавшимъ въ меньшихъ размѣрахъ только-что происходившую въ нихъ перестрѣлку, пылали со всѣхъ четырехъ сторонъ. Непріятель скрылся въ лѣсъ по направленію хутора Муртузали, а колонна наша, послѣ получасоваго отдыха, отступила къ Бани-юрту безъ выстрѣла.

Кавалерія въ этотъ день не имѣла дѣла; не было даже случая развернуться ей; только небольшая часть ея ходила въ ущелье Хулхулау съ княземъ Воронцовымъ. Но мы не унывали. Впервые, насъ обнадеживали слова Круковскаго, сказанныя намъ наканунѣ утромъ; во вторыхъ, въ самый день 7-го января мы не были бесполезнымъ придаткомъ къ колоннѣ или украшеніемъ ея: благодаря присутствію кавалеріи, Шамиль не отважился спустить съ Черныхъ горъ свою артилерію и ужъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы приблизиться съ ней на картечный выстрѣлъ къ арріергарду или придвинуться къ андійскимъ хуторамъ. Слѣдовательно, и мы играли извѣстную роль въ общей драмѣ и, въ ожиданіи лучшаго, утѣшали себя пока этимъ. Если принять во вниманіе диверсію къ верховьямъ

Хулхулау, канонаду на лѣвомъ берегу этой рѣки, двухчасовое отступленіе черезъ лѣсъ и почти часовой бой у андійскихъ хуторовъ, то убыль въ нашей колоннѣ 7-го января можно назвать ничтожной: одинъ нижній чинъ убитъ, одинъ умеръ отъ раны (казакъ съ оторванной челюстью) и двадцать три ранены. Князь Барятинскій былъ очень доволенъ незначительнымъ урономъ, понесеннымъ его отрядомъ при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій: это всегда считалось хорошимъ предзнаменованіемъ. Конечно, для него было бы гораздо пріятнѣе, еслибы онъ могъ отступить безъ всякаго урона.

За то, въ лагерѣ его ожидалъ сюрпризъ, испортившій ему впечатлѣніе послѣднихъ двухъ дней. Тамъ случилось то, чего начальники отрядовъ всего больше опасались и противъ чего принимали самыя энергическія мѣры. Одинъ изъ ротныхъ командировъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, съ вѣдома или безъ вѣдома начальника лагеря полковника Карева—это осталось неразъясненнымъ—отправилъ команду въ ближайшій лѣсъ за хворостомъ. На команду бросились притаившіеся въ засадѣ чеченцы, двухъ нижнихъ чиновъ изрубили, четырехъ тяжело ранили шашками и безнаказанно скрылись по направленію къ аргунскому ущелю. Одинъ изъ нижнихъ чиновъ въ моментъ нападенія успѣлъ сдѣлать выстрѣлъ, который поднялъ въ лагерѣ тревогу. Баталіонъ, посланный къ мѣсту происшествія, засталъ только два трупа и четырехъ изувѣченныхъ, которые только нѣсколькими часами пережили своихъ убитыхъ товарищей. Князь Барятинскій, никогда не выходившій изъ предѣловъ самообладанія, на этотъ разъ до того забылся, что, не стѣсняясь присутствіемъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, буквально съ грязью смѣшалъ полковника Карева и на другой же день выслалъ его изъ отряда съ колонной, сопровождавшей раненыхъ, въ крѣпость Воздвиженскую. Онъ

хотѣлъ войти съ представленіемъ объ отрѣшеніи его отъ командованія полкомъ, но принужденъ былъ переложить гнѣвъ на милость, благодаря энергическому заступничеству Круковского, который, такъ же какъ и покойный Слѣпцовъ, уважалъ скромность и дѣйствительныя военныя дарованія Карева, и не могъ примириться съ мыслью, что одинъ несчастный случай долженъ пресѣчь карьеру достойнаго штабъ-офицера. Полковникъ Каревъ больше не возвращался въ отрядъ. Результатъ рекогносцировки нашей къ Автуру и Гельдыгену былъ тотъ же, что и всегда: подрывъ вліянія Шамиля на умы подвластныхъ ему народовъ, вліянія, которое падало съ каждымъ новымъ шагомъ нашимъ на пути покоренія края ⁸⁾).

Дни 8-го и 9-го января ничѣмъ выдающимся отмѣчены не были. Погода стояла почти весенняя. Въ лагерѣ шла усиленная чистка, точно готовились къ смотру. За часъ или полтора до заката солнца по всему лагерю раздавались пѣсни, которыя заслуживали, въ формѣ поэтическихъ преданій, перейти въ потомство въ родѣ блокады укрѣпленія Зыряны Хаджи-Муратомъ. Два раза на лѣвомъ берегу Аргуна показывались незначительныя непріятельскія партіи человѣкъ въ двадцать или тридцать, и оба раза онѣ ограничивались мирнымъ созерцаніемъ нашего суетливаго водопоя. Чеченцы говорили, смѣялись между собою, кричали что-то, чего за шумомъ воды нельзя было разслышать,

⁸⁾ За движеніе чеченскаго отряда къ Автуру и Гельдыгену кн. Барятинскій, представленный намѣстникомъ къ ордену св. Георгія 3-й степени, произведенъ въ генералъ-лейтенанты; флигель-адъютантъ кн. Воронцовъ получилъ орд. св. Георгія 4-й степени. Отношеніе главнокомандующаго къ военному министру оканчивается слѣдующими словами: «что касается до представленія генералъ-маіора князя Барятинскаго о пожалованіи командиру имени моего полка флигель-адъютанту полковнику князю Воронцову ордена св. Георгія 4-й степени, то, какъ отецъ, не излагаю свое мнѣніе, но смѣю только препроводить оное при семъ въ подлинникъ на Всемиловѣйшее благоусмотрѣніе. (12-го января № 2).

дѣлали какіе-то непонятные жесты и потомъ расходились— одни къ сторонѣ аргунскаго ущелья, другіе, напротивъ, внизъ по теченію рѣки, къ востоку отъ Бани-юрта, въ глубь Чечни. Ихъ не трогали, и спокойствіе въ лагерѣ ничѣмъ не нарушалось. 10-го января, часу въ четвертомъ пополудни, я былъ разбуженъ холодомъ. Угли въ ямѣ, нагрѣвавшей мою палатку, давно потухли и подернулись остывшимъ пепломъ. Небо было безоблачное, и на дворѣ становилось свѣжо. Я плотнѣе закутался и собирался опять уснуть, какъ въ это время услышалъ за палаткой разговоръ вполголоса. По всему лагерю начиналась та осторожная суeta и тотъ сдержанный шумъ, за которыми скрываются обычныя приготовленія къ ночному движенію; лошади начали также фыркать и переминаться на коновязяхъ. И дѣйствительно, пола моей палатки приподнялась, и остановившійся передъ входомъ въ нее дежурный по эскадрону громкимъ шопотомъ произнесъ: „ваше благородіе, велѣно сѣдлать“. Минуть черезъ десять я былъ уже въ эскадронѣ.

Въ четыре часа мы выступили. Легкій морозъ успокоительно дѣйствовалъ на нервы. Тишина, нарушаемая мѣрнымъ конскимъ топотомъ по сгустившейся грязи, и тѣмъ осторожнымъ шумомъ, отдававшимся мѣрнымъ тактомъ, который сопровождаетъ ночныя движенія колоннъ, невольно располагала ко сну. Прямо изъ лагеря мы взяли вправо. Сначала колонна двигалась безъ дороги, но мы шли не особенно медленно, благодаря ровной и открытой мѣстности; потомъ вступили въ лѣсъ. Вмѣстѣ съ лѣсомъ начинался подъемъ, очень, правда, постепенный, но довольно чувствительный для отяжелѣвшихъ ногъ пѣхоты, все время ступавшихъ по сгустившейся отъ мороза грязи, такъ что движеніе колонны замѣтнымъ образомъ замедлялось. Не трудно было догадаться, что мы повернули къ Чернымъ горамъ, грозныя массы которыхъ вставали передъ нами,

заслоняя нижній край неба. Въ лѣсу баталіоны не могли уже идти въ ногу, кадансь движенія колонны нарушился; изрѣдка хрустѣлъ подъ ногами мелкій валежникъ, но тишина, окружавшая насъ; никакимъ постороннимъ звукомъ не прерывалась. Когда же показались первые признаки разсвѣта, и авангардъ сталъ выравниваться изъ лѣсной опушки на открытую поляну, окрестность вдругъ освѣтилась тремя ружейными выстрѣлами чеченскаго пикета. Чары были разрушены, и таиться болѣе не было основанія: одни закурили, другіе заговорили. Куда дѣвался сонъ. Даже лошади слегка заржали, привѣтствуя наступленіе утра. Далеко вправо слышался лай собакъ—вѣрный признакъ поднявшейся въ аулахъ суматохи. Такъ какъ мы были открыты, то съ минуты на минуту ожидали, что жители выйдутъ къ намъ на встрѣчу, конечно, не съ хлѣбомъ-солью; но ожиданія наши были напрасны: полчаса прошло и даже болѣе, и никто не показывался. Чеченцы не торопились; они знали, что мы не уйдемъ отъ нихъ; имъ нужно было вывезти въ безопасное мѣсто свои семейства, убрать имущество и перегнать скотъ въ какую нибудь трущобу, чтобы никакой добычи не досталось нашимъ войскамъ, кромѣ голыхъ стѣнъ, крытыхъ кукурузной соломой, которыя—они знали—будутъ обращены въ пепелъ. Когда уже совсѣмъ разсвѣло, противъ нашего лѣваго фланга, на горѣ, впереди лѣса, стали появляться всадники, по одному и по нѣсколько разомъ, но значка при нихъ не было; слѣдовательно, сборищъ никакихъ по близости не было, и мы видѣли передъ собой пока только мѣстныхъ жителей.

Колоннымъ начальникомъ въ этотъ день былъ генералъ-маіоръ баронъ Меллеръ-Закомельскій, начальникъ пѣхоты чеченскаго отряда ⁹⁾. При немъ состоялъ въ каче-

⁹⁾ Въ колоніи находились: три баталіона егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, ракетная команда того же полка, два баталіона Нава-

ствѣ проводника не какой нибудь жалкій оборванецъ въ загрязненныхъ чевякахъ и протертыхъ ноговицахъ, какъ это почти всегда бываетъ, но прилично одѣтый всадникъ, на бѣлой лошади, родомъ чеченецъ, перешедшій за средній возрастъ, высокій ростомъ, очень плотный, чтобы не сказать тучный, и не смотря на то хорошо сложенный, какъ и всѣ горцы. Широкое лицо его съ красивымъ арабскимъ профилемъ заканчивалось внизу густою, черною какъ смоль, бородою; черные глаза свѣтились умомъ. На немъ была бѣлая черкеска поверхъ черной курпейчатой шубы, черная папахъ съ бѣлымъ верхомъ и на рукахъ бѣлыя перчатки (у проводника-то!); на груди болталась массивная золотая цѣпочка съ компасомъ, въ видѣ брелока, оправленнымъ въ золото. Онъ говорилъ порусски не только правильно и свободно, но даже совершенно чисто, безъ малѣйшаго акцента. Мы еще никогда не встрѣчали въ отрядахъ не только проводниковъ подобныхъ этому, но даже переводчиковъ и милиціонеровъ, давно состоявшихъ у насъ на службѣ, и потому только-что описанная личность сильно заинтересовала всѣхъ насъ. Мѣстность, окружавшая четыре аула, въ виду которыхъ остановилась наша колонна, и которые, по имени рѣки, бѣжавшей между ними по оврагу, извѣстны были подъ названіемъ мезоинскихъ хуторовъ, была вся изрыта глубокими лощинами; со дна ихъ поднимались узкіе водораздѣлы съ острыми гребнями, крутыя покатости которыхъ поросли лѣсомъ, взбиравшимся на самыя вершины. По дну одного изъ овраговъ, самаго глубокаго и наименѣе доступнаго, бѣжалъ ручей, по обоимъ берегамъ котораго

гинскаго пѣхотнаго полка, команда саперъ, два дивизіона драгунъ, пять сотень сборнаго полка линейнаго казачьяго войска, того же войска ракетная команда, дивизіонъ батареіной № 3 батареі 19-й артилерійской бригады, дивизіонъ легкой № 5 батареі 20 артилерійской бригады и дивизіонъ конно-артилерійской казачьей № 15 батареі.

далеко внизу лѣпились сакли пятаго аула. Надъ правымъ обрывомъ оврага почти въ одну линію стояли: Чунгурой, Цонторой и Юсупъ-ауль; нѣсколько въ сторонѣ, позади Цонторой-юрта, стоялъ четвертый ауль Салгирей-юртъ; хуторъ, притаившійся на днѣ оврага, носилъ названіе Джалия. Черезъ ручей перекинутъ былъ мостикъ, узкій, но прочный. Спуски по обрывистымъ берегамъ оврага, которые вели къ мостику, не совсѣмъ удовлетворительные даже для привычныхъ горцевъ, были крайне затруднительны для движенія регулярныхъ войскъ и ихъ непривычныхъ лошадей. Всѣ мѣстности по уступамъ Черныхъ горъ, какъ въ большой, такъ и въ малой Чечнѣ, на которыхъ жители свили себѣ гнѣзда, такъ были приспособлены самой природой для упорной обороны, что только благодаря распорядительности колонныхъ начальниковъ, присутствію духа и находчивости начальниковъ частей, мы могли почти безнаказанно разорять эти гнѣзда. Успѣхамъ нашихъ набѣговъ въ Чечнѣ не мало содѣйствовали также: растерянность жителей вслѣдствіе внезапнаго появленія нашихъ отрядовъ, не смотря на то, что всѣ аулы постоянно были насторожѣ, и недостатокъ единства въ ихъ дѣйствіяхъ. Это послѣднее имѣло для насъ особенную важность. Нельзя сказать, чтобы у горцевъ не было дисциплины; она была и довольно строгая, но только не на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи. Жители, напримѣръ, выходившіе въ поле, повиновались сотеннымъ начальникамъ, признававшимъ въ свою очередь власть наибовъ; но наибы неохотно подчинялись другъ другу. Иногда въ самый рѣшительный моментъ боя между ними выходили несогласія, дававшія въ результатъ или полное пораженіе, или уронъ равносильный пораженію.

Жители мезоинскихъ хуторовъ, хотя предупрежденные сигнальными выстрѣлами о приближеніи русскаго отряда, такъ были озадачены смѣлымъ нашимъ вторженіемъ въ

ихъ переплетенныя цѣлою сѣтью овраговъ трупобы, что даже не сѣумѣли отстоять своей крѣпкой позиціи, на которой, не смотря на наше численное превосходство, могли бы продержаться до тѣхъ поръ, пока жители сосѣднихъ ущелій не подоспѣли бы къ нимъ на помощь, или Шамиль не выслалъ бы къ нимъ партіи изъ своего отряда, остававшагося въ сборѣ до конца зимней экспедиціи. Въ первый же моментъ боя они вдалились въ ошибку, поправить которую уже не представилось случая, такъ какъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, самъ подготовившій ее однимъ ловкимъ маневромъ, тотчасъ же воспользовался ею съ тою проницательностью, которая отличала всѣ его тактическія комбинаціи. Подступиться безъ огромнаго урона къ ауламъ, которые начальникъ отряда приказалъ истребить, не представлялось никакой возможности. Всѣ эти острые гребни, оцетинившіеся лѣсомъ, завалы, набросанные по берегамъ овраговъ, и самые овраги заняты были жителями; ихъ было не особенно много, но позиція ихъ была надежная. Мѣстность, пока названныя преграды были въ рукахъ непріятеля, не благопріятствовала ни развернутому, ни даже разсыпному строю, а при глубокомъ строѣ, подъ перекрестнымъ огнемъ, убыль въ нашихъ рядахъ не окупилась бы истребленіемъ десяти такихъ группъ, какъ мезоинскіе хутора. Случай, это провидѣніе нѣкоторыхъ избранниковъ судьбы, помогъ колонному начальнику выйти изъ затрудненія. Противъ лѣваго фланга нашей позиціи изъ лѣса стали показываться всадники; значка при нихъ не было, слѣдовательно это были мѣстные жители. Баронъ Меллеръ-Закомельскій сообразилъ, что если поставитъ въ опасное положеніе гарцовавшую противъ насъ партію, то остальные жители поспѣшатъ къ ней на выручку. Когда всадники, отдѣлившись отъ лѣсной опушки, сгруппировались на открытой площадкѣ, онъ приказалъ произвести противъ нихъ

фальшивую атаку. Одинъ эскадронъ драгунъ и двѣ сотни линейныхъ казаковъ понесли къ лѣсу. Встревоженные жители необдуманно покинули свои позиціи и побѣжали къ лѣсу прикрыть отступление своей кавалеріи. Такимъ образомъ аулы были демаскированы. Выждавъ, когда разстояніе между жителями и завалами настолько увеличится, что позволить ему отрѣзать ихъ отъ хуторовъ, баронъ Меллеръ приказалъ третьему баталіону Навагинскаго пѣхотнаго полка стать на лѣвомъ флангѣ нашей колонны, на сообщеніи опушки лѣса и непріятельскихъ верховъ, такъ, чтобы чеченцы не могли вернуться на прежнія позиціи. Что касается до нашей боевой позиціи, то всѣ командующія высоты, входившія въ ея районъ, тотчасъ же заняты были артилеріей, съ небольшими прикрытіями, которая немедленно открыла огонь по ауламъ, на случай, еслибы въ нихъ оставались еще жители. На одной изъ высотъ фронтомъ къ ауламъ расположилась кавалерія съ дивизіономъ конно-казацкой артилеріи; на правомъ флангѣ, приходившемся по условіямъ мѣстности нѣсколько въ тылу колонны, поставленъ былъ четвертый баталіонъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, съ четырьмя батареинными орудіями.

Теперь вся неприступная позиція была въ нашихъ рукахъ, благодаря находчивости барона Меллера-Закомельскаго; и еслибы четыре такихъ колонны, какъ наша, и съ такими же мужественными войсками, пришли завладѣть ею, онѣ признали бы такое предпріятіе неосуществимымъ. Обезпечивъ своимъ войскамъ свободу дѣйствій, колонный начальникъ приказалъ флигель-адъютанту полковнику барону Николаи—съ остальными двумя баталіонами егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, баталіономъ Навагинскаго пѣхотнаго полка и четырьмя легкими орудіями, атаковать аулы. Планы барона Меллера-Закомельскаго

всегда отличались полнотою, законченностью; никогда нельзя было замѣтить въ нихъ пробѣловъ. Они создавались мгновенно; детали же ихъ развивались по мѣрѣ того, какъ онъ отдавалъ приказанія. А отдавалъ онъ ихъ суетливо, скороговоркой, точно боялся, что слова не поспѣютъ за мыслью; но разъ отдавши, не отмѣнялъ ихъ, пока не вынуждали его къ тому новыя осложненія боя. Тогда онъ отдавалъ новыя приказанія, и всегда лично, не довѣряя ни ординарцамъ, ни даже адъютантамъ. Онъ всегда зорко наблюдалъ за всѣмъ, что происходило у него на глазахъ, и если гдѣ замѣчалъ малѣйшее уклоненіе отъ данныхъ имъ инструкцій, то также точно, не обращая вниманія ни на препятствія, ни на опасности, всегда самъ отправлялся туда съ своей немногочисленной свитой предупредить ошибку. Одѣвался онъ всегда щеголевато и, не смотря на свою далеко непривлекательную наружность, былъ довольно эффектенъ на конѣ, въ генеральской папахѣ и въ мѣховыхъ сапогахъ, вершка на два не доходившихъ до колѣнъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе стоять отдѣльно, на видномъ, и если возможно, на возвышенномъ мѣстѣ, преимущественно въ центрѣ поля битвы, и потому свита его, относительно безопасности, находилась въ одинаковыхъ условіяхъ съ людьми, стоявшими въ цѣпи, съ тою только разницею, что эти послѣдніе могли отстрѣливаться, а свита оставалась въ бездѣйствіи. Всѣ распоряженія барона Меллера-Закомельскаго 10-го января такъ быстро были приведены въ исполненіе, что не успѣли мы осмотрѣться и занять указанный намъ пунктъ, какъ штурмовая колонна, подъ начальствомъ барона Николаи, уже скрылась въ лощинѣ, отдѣлявшей ее отъ того глубокаго оврага, по дну котораго бѣжалъ ручей. Прошло не болѣе десяти минутъ, какъ мы снова увидѣли ее на гребнѣ противоположнаго берега, съ котораго она опять скрылась. На этотъ разъ переправа была затрудни-

тельна, орудія пришлось на рукахъ спускать и руками все время поддерживать при подъемѣ. Мостикъ оказался до того узкимъ, что ѣздовые для безопасности должны были спѣшиться и вести лошадей подъ уздцы. Непривычныя животныя пугливо озирались по сторонамъ, храпѣли и упирались; прислуга артилерійская слѣдовала вся за орудіями. Баронъ Николаи не могъ смотрѣть безъ тревоги въ душѣ на эту опасную переправу. Къ счастью, она происходила вѣ выстрѣловъ. Всадники, противъ которыхъ направлена была ложная атака, скрылись въ лѣсу прежде, нежели жители, бросившіеся къ нимъ на выручку, успѣли добѣжать до нихъ. Тогда только эти послѣдніе поняли стратегему барона Меллера-Закомельскаго и свою ошибку; они повернули къ ауламъ занять свои прежнія позиціи, но было уже поздно: отступленіе было имъ отрѣзано, такъ что они принуждены были окольными, неизвѣстными намъ тропинками пробираться къ своимъ ауламъ съ противоположной нашему фронту стороны. Когда они добѣжали до нихъ, первые три аула—Чунгурой, Цонторой и Юсупъ-ауль были уже заняты нашими войсками. Тогда они засѣли въ Салгирей-юртѣ, гдѣ заняли всѣ плетни, а выходы и перекрестки укрѣпили баррикадами.

Въ занятыхъ трехъ аулахъ баронъ Николаи оставилъ четвертый баталіонъ Навагинскаго пѣхотнаго полка съ четырьмя легкими орудіями, т. е. со всею имѣвшеюся въ его распоряженіи артилерією. Этотъ баталіонъ долженъ былъ служить его колоннѣ опорнымъ пунктомъ при отступленіи. Первому баталіону князя Чернышева полка онъ приказалъ спуститься назадъ въ оврагъ и уничтожить притаившійся въ немъ ауль Джалия; самъ же, съ однимъ только баталіономъ—вторымъ князя Чернышева полка—безъ артилеріи, двинулся къ Салгирей-юрту. Это было неблаго-разумно; но, впервыхъ, онъ не могъ поступить иначе,

имѣя всего три баталіона; вовторыхъ, онъ зналъ, кого ведетъ въ бой. Къ Салгирей-юрту не было дороги, если не считать дорогой гребень горы до того узкій, что по немъ, и то съ большимъ трудомъ, могли проходить два, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ три человѣка въ рядъ; остальные должны были пробираться по чрезвычайно крутымъ скатамъ, придерживаясь за деревья, чтобы не слетѣть въ обрывъ. Еслибы непріятель могъ анфилировать изъ одного или двухъ орудій настильными выстрѣлами эту горсть отважныхъ людей, онъ бы произвелъ въ рядахъ втораго баталіона Кабардинскаго полка страшныя опустошенія,—но къ Салгирей-юрту не иначе можно было подвезти орудіе, какъ на выюкѣ. Вотъ почему баронъ Николаи не взялъ съ собой артилеріи. Саженьхъ въ семидесяти впереди аула, за деревьями, стояли чеченцы, и когда кабардинцы подошли къ нимъ на довольно близкое разстояніе, они стали поражать ихъ мѣткими выстрѣлами. Кабардинцы продолжали идти, не отвѣчая на выстрѣлы, такъ какъ знали, что пули ихъ будутъ попадать въ деревья, а между тѣмъ патроны надо было беречь: ящиковъ же съ запасными боевыми зарядами баронъ Николаи не рѣшился взять съ собой, и они были оставлены при Навагинскомъ баталіонѣ. Даже двухъ раненыхъ своихъ товарищей кабардинцы не тотчасъ подобрали и только перенесли ихъ въ безопасное мѣсто, откуда они не могли скатиться въ обрывъ. Чеченцы, ободренные тѣмъ, что на ихъ выстрѣлы не отвѣчаютъ, сдѣлались назойливѣе. Тогда кабардинцы, какъ были вразсыпную, пошли въ штыки. Чеченцы подались назадъ, продолжая стрѣлять, и заняли плетни. Кабардинцы продолжали подвигаться не останавливаясь передъ плетнями, изъ за которыхъ ихъ приняли залпомъ изъ нѣсколькихъ десятковъ винтовокъ. Все это мы отчетливо видѣли съ нашей возвышенной позиціи, благодаря прозрачной атмосферѣ; но за-

тѣмъ, когда въ аулѣ завязалась оживленная перестрѣлка, мы уже ничего не могли разобрать за дымомъ—ни того, какъ брались и разбирались баррикады и плетни, лабиринтомъ опутавшіе аулъ, какъ штурмовались нѣкоторыя сакли, и какъ упорно отстаивали горцы свою мечеть, служившую цитаделью аула. Сверкнетъ иногда на солнцѣ сквозь пороховой дымъ русскій штыкъ или дуло винтовки, и опять набѣжитъ густое облако дыма. Выкрикивалось нѣсколько разъ русское „ура“ густыми грудными голосами, да два раза пронзительно гикали чеченцы, такъ что подробности боя мы узнали уже послѣ. Онѣ почти всегда бываютъ однѣ и тѣ же, съ нѣкоторыми незначительными варьянтами, и распространяться о нихъ бесполезно и утомительно. Баронъ Николаи, не смотря на свои молодые лѣта, выказалъ хладнокровіе стараго кавказскаго генерала. Что касается до офицеровъ и нижнихъ чиновъ Кабардинскаго полка—они были тѣмъ, чѣмъ были прежде и впослѣдствіи: примѣромъ отваги и полнѣйшаго презрѣнія къ опасностямъ всякаго рода. Бывало, смотришь на нихъ—съ такимъ дѣловымъ спокойствіемъ наносятъ и принимаютъ они удары, точно заняты какой нибудь мирной работой въ родѣ уборки хлѣба или молотбы. Черезъ часъ съ небольшимъ Салгирей-юртъ былъ въ нашихъ рукахъ, и тотчасъ же запылали стога сѣна, разбросанные по его площадкамъ; огонь быстро распространялся по всѣмъ плетнямъ и саклямъ, и скоро передъ нами въ менѣе грандіозныхъ размѣрахъ и не менѣе близкомъ разстояніи повторилась картина, которую мы уже видѣли въ Гельдыгенѣ, Автурѣ и у андійскихъ хуторовъ.

Передъ самымъ отступленіемъ барона Николаи отъ Салгирей-юрта, въ тылу пылавшаго аула, со стороны Черныхъ горъ, показалась партія нѣшихъ чеченцевъ, которые почти бѣгомъ спустились съ ближайшей террасы, обогну-

ли аулъ съ двухъ сторонъ и, присоединившись къ жителямъ хуторовъ, вмѣстѣ съ ними по обрывамъ начали преслѣдовать нашъ арріергардъ. Баталіонъ отступалъ медленнѣе обыкновеннаго. Кромѣ двухъ раненыхъ, оставленныхъ на дорогѣ при наступленіи, изъ строя выбыло еще нѣсколько человѣкъ, и ихъ несли на рукахъ въ серединѣ баталіона, подѣ прикрытіемъ одной роты; другая рота слѣдовала въ авангардѣ, а остальные двѣ шли въ арріергардѣ. Медленное отступление имѣетъ свою хорошую сторону: оно сдерживаетъ излишнюю самонадѣянность наступающихъ; но здѣсь оно вызвано было, кромѣ присутствія раненыхъ въ баталіонѣ, исключительными условіями мѣстности, усталостью солдатъ, тяжелою ихъ обувью и зимней одеждой. Они пробирались между деревьями по косогорамъ, стараясь не разрываться, чтобы не образовалось въ цѣпи слишкомъ широкихъ интерваловъ, цѣпляясь за кусты и другъ за друга, спотыкаясь, падая и даже скатываясь внизъ,—не смотря на то, все время поддерживая огонь отъ одного фланга цѣпи до другаго. Нѣсколько разъ чеченцы подходили слишкомъ близко къ арріергарду, смыкались, дѣлали угрожающіе жесты, сопровождаемые взвизгиваньемъ, какъ бы намѣреваясь броситься въ пашки. Кабардинцы останавливались, поворачивались къ нимъ фронтомъ и брали на руку. Эти манифестаціи, исполненныя величаваго спокойствія и увѣренности въ своемъ превосходствѣ, всякій разъ оказывали свое дѣйствіе. Между тѣмъ атака и рукопашный бой на такомъ мѣстѣ были одинаково гибельны для обѣихъ сторонъ: каждый легко раненый или даже просто сбитый съ ногъ въ борьбѣ могъ упасть въ обрывъ и никогда не встать. Подобныя случайности могли и не страшить легко одѣтыхъ, ловкихъ и цѣпкихъ чеченцевъ, и если они сдерживались, ограничиваясь угрозами, то потому, что находились подѣ впечатлѣніемъ суроваго урока, только-что полу-

ченнаго ими въ аулѣ. Они съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣли на эту горсть людей, далеко отдѣлившись отъ колонны и дѣйствовавшихъ съ непоколебимою увѣренностью самостоятельнаго отряда, не смотря на то, что имѣли на своей сторонѣ два важныхъ преимущества: численное превосходство и умѣнье ходить по невозможныхъ дорогамъ. Наконецъ, второй баталіонъ князя Чернышева полка миновалъ острый гребень и началъ спускаться къ хуторамъ, занятымъ баталіономъ Навагинскаго полка и четырьмя орудіями. У насъ точно гора съ плечъ свалилась. „Ну, слава Богу“! заговорили вслухъ солдаты, все время хранившіе глубокое молчаніе и съ понятнымъ волненіемъ слѣдившіе за движеніемъ колонны барона Николаи.

Отъ хуторовъ баталіоны отступали уступами; каждый эшелонъ имѣлъ въ арріергардѣ своемъ одно орудіе на отвозахъ. Пока отступление прикрывали кабардинцы, непріятель въ своемъ преслѣдованіи не переступалъ за извѣстные предѣлы; какъ только наступала очередь оставаться въ арріергардѣ, „краснымъ солдатамъ“, т. е. Навагинскому баталіону, непріятель начиналъ терять голову, забѣгалъ то съ правой, то съ лѣвой стороны и нѣсколько разъ порывался броситься въ пашки; но картечь всякій разъ отрезвляла его. Чеченцы дѣлили всѣ войска лѣваго фланга на красныхъ и черныхъ (кизиль-солдатъ, кара-солдатъ) по цвѣту воротниковъ и околышей на фуражкахъ. Къ краснымъ принадлежали Навагинскій и Тенгинскій пѣхотные полки и всѣ линейные баталіоны; къ чернымъ—Куринскій и Кабардинскій егерскіе полки. Къ послѣднимъ они относились нѣсколько почтительнѣе, нежели къ первымъ, и только въ минуты изступленія осмѣливались сходить съ ними лицомъ къ лицу, какъ это было у андійскихъ хуторовъ и въ Салгирей-юртѣ. Непріятель становился съ каждымъ шагомъ смѣлѣе по мѣрѣ того, какъ штурмовая колонна при-

ближалась къ спуску въ лощину. Чеченцы, повидимому, ждали этого момента съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ: здѣсь, при переправѣ черезъ оврагъ, имъ представлялся, наконецъ, случай вознаградить себя за неудачи при преслѣдованіи втораго баталіона отъ Салгирей-юрта и отмстить за пожаръ ауловъ. Какъ только баронъ Николаи поровнялся съ краемъ оврага, на встрѣчу ему по правому обрыву сталъ подниматься первый баталіонъ князя Чернышева полка, возвращавшійся отъ раззореннаго имъ на днѣ оврага аула Джалия. Баронъ Николаи приказалъ этому баталіону—съ двумя бывшими все время въ бездѣйствіи орудіями занять правый берегъ и прикрывать переправу остальныхъ войскъ штурмовой колонны, а самому начать переправляться только тогда, когда въ оврагѣ никого не останется, и послѣдняя пара арріергардной цѣпи покажется на лѣвомъ берегу. Велико было разочарованіе чеченцевъ, когда цѣпь очереднаго эшелона, сомкнувшись, завернула къ переправѣ, и они увидѣли передъ собой на правомъ берегу оврага грозный строй ненавистныхъ имъ черныхъ солдатъ, съ двумя орудіями, загородившихъ густою цѣпью все доступы къ единственному на всемъ этомъ протяженіи спуску къ ручью; но уныніе не надолго овладѣло ими, и они тотчасъ же завязали съ первымъ баталіономъ перестрѣлку, которая, постепенно усиливаясь, скоро превратилась въ бѣглый огонь. Взводъ легкихъ орудій, оставленныхъ при баталіонѣ, также не молчалъ. Дальняя картечь много облегчала положеніе кабардинцевъ, имѣвшихъ противъ себя по крайней мѣрѣ въ полтора раза сильнѣйшаго противника. Какъ только второй баталіонъ князя Чернышева полка и четвертый Навагинскаго, съ бывшими при нихъ орудіями, поднялись на берегъ, первый баталіонъ быстро началъ спускаться въ оврагъ, такъ быстро, что чеченцы приняли это поспѣшное отступленіе за бѣгство. Но они горько ошиблись: кабар-

динцы, дѣйствительно, почти бѣжали, но только не отъ нихъ, въ чемъ не замедлили убѣдиться не въ мѣру обрадовавшіеся чеченцы. Едва баталіонъ скрылся въ оврагѣ, и правый берегъ очистился, какъ съ лѣваго берега лощины, отдѣлявшей оврагъ отъ нашей позиціи, загремѣла артилерія и изумленного этою неожиданностью непріятеля обдала дальнею картечью изъ четырехъ конныхъ орудій. Не успѣлъ онъ оправиться отъ этого перваго сюрприза, какъ другой, точно такой же, посланъ былъ ему изъ другихъ четырехъ орудій, на этотъ разъ батарейныхъ, и затѣмъ грозная батарея открыла по чеченцамъ непрерывный бѣглый огонь, не позволившій имъ ни однимъ выстрѣломъ потревожить переправу перваго баталіона. А когда кабардинцы, миновавъ благополучно оврагъ, скрылись въ передовой лощинѣ, отъ пѣшей ракетной команды князя Чернышева полка понеслись къ непріятельскому берегу ракеты, которыя и зловѣщимъ шипѣніемъ своимъ, и граціознымъ волнистымъ полетомъ напоминали сказочныхъ огненныхъ змѣй. Одну изъ нихъ разорвало въ самой серединѣ толпы, которая въ одно мгновеніе раздалась въ стороны, и глазамъ нашимъ представились два безжизненныхъ тѣла, распростертыхъ на мѣстѣ взрыва. Такимъ образомъ переправа всей штурмовой колонны, на которую чеченцы возлагали столько надеждъ, и гдѣ они рассчитывали пресытитъ свою месть, обошлась намъ безъ урона. Баронъ Меллертъ-Закомельскій просіялъ, когда послѣдніе ряды перваго баталіона вышли на лѣвый берегъ лощины. Онъ горячо благодарилъ барона Николаи, а кабардинцамъ сказалъ: „вы сдѣлали свое дѣло; я такъ и доложу начальнику отряда; онъ меня пойметъ“.

Переправившись черезъ мостикъ, который служилъ единственнымъ возможнымъ сообщеніемъ въ этой мѣстности между берегами оврага, кабардинцы разобрали и разметали его и тѣмъ пресѣкли непріятелю путь къ дальнѣй-

шему преслѣдованію, которое съ этой стороны и прекратилось. На лѣвомъ флангѣ оставленъ былъ, какъ выше сказано, третій баталіонъ Навагинскаго полка. Назначеніе этого баталіона состояло въ томъ, чтобы, преградивъ доступъ чеченцамъ къ покинутымъ ими позиціямъ, имѣть въ то же время наблюденіе за лѣсомъ, откуда показывалась кавалерія; но чеченцы, увидѣвъ себя отрѣзанными отъ своихъ ретраншаментовъ, не пытались вновь овладѣть ими. Они предпочли оборону Салгирей-юрта, куда и пробрались скрытными дорогами. Что касается до кавалеріи, она держалась пока въ сторонѣ, такъ что на этомъ пунктѣ нашей ломаной боевой линіи было все время тихо. Когда же при отступленіи перваго баталіона князя Чернышева полка восьми-орудійная батарея начала громить правый берегъ оврага—въ лѣсу, влѣво отъ нашего лѣваго фланга, поврежденіямъ между деревьями стали опять показываться всадники; а когда началось общее отступленіе—оттуда выѣхала довольно значительная конная партія съ двумя значками¹⁰⁾. Замѣтивъ изолированное положеніе баталіона, она заскакала впередъ и бросилась на лѣвый флангъ навагинской цѣпи въ то время, какъ она начала спускаться въ балку, чтобы отрѣзать его; но барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ все было предусмотрено, и противъ всего заблаговременно были приняты мѣры: въ балкѣ залегла стрѣлковая команда князя Чернышева полка, а за прикрытіемъ изъ двухъ ротъ пѣхоты по ту сторону балки спрятаны были два легкихъ орудія, взятые изъ штурмовой ко-

¹⁰⁾ Въ донесеніи барона Меллера-Закомельскаго число значковъ увеличено втрое. Никто не видѣлъ болѣе двухъ значковъ: одного бѣлаго, вышитаго разноцвѣтными шелками, другаго оранжеваго—любимый цвѣтъ кавказскихъ горцевъ. Прекрасное движеніе барона Николаи къ Салгирей-юрту и отступленіе отъ аула описаны холодно, въ напыщенныхъ фразахъ и общихъ мѣстахъ, съ ненужными преувеличеніями, и не довольно рельефно выдѣляется изъ общей картины боя.

лонны барона Николаи. Стрѣлки мѣткими выстрѣлами изъ штуцеровъ, а орудія картечью заставили непріятельскую кавалерію податься назадъ. Навагинцы съ крикомъ „ура“ бросились за нею въ штыки, но чеченцы уклонились отъ рукопашнаго боя и завязали съ арріергардной цѣпью на довольно почтительномъ разстояніи перестрѣлку, не имѣвшую другихъ послѣдствій, кромѣ напрасной траты зарядовъ съ обѣихъ сторонъ, въ особенности съ нашей. Послѣднія войска барона Меллера-Закомельскаго присоединились наконецъ къ общей колоннѣ, и отступленіе продолжалось безъ боя. Только когда мы отошли версты на полторы отъ бывшей нашей позиціи, по колоннѣ сдѣлано было два орудійныхъ выстрѣла изъ лѣса, въ которомъ скрывалась все время кавалерія, но снаряды до насъ не долетѣли. Такъ окончили свое существованіе знаменитые мезоинскіе хутора, больше не возобновлявшіеся до окончательнаго покоренія края.

Мы возвратились въ свой лагерь. Баронъ Меллеръ-Закомельскій благодарилъ войска, благодарилъ и драгунъ, хотя мы не знали за что, потому что не только не принимали участія въ бою, но даже ни разу не стояли подъ выстрѣлами, если не считать двухъ недолетѣвшихъ до колонны ядеръ. Непонятно также, когда и гдѣ могли быть убиты четыре драгунскія лошади, какъ то значится въ донесеніи колоннаго начальника ¹¹⁾. Мы въ этотъ день силь-

¹¹⁾ Вотъ что пишетъ начальникъ главнаго штаба князю Барятинскому отъ 4-го февраля № 158, по поводу фиктивной убыли лошадей въ чеченскомъ отрядѣ: «въ описаніяхъ разновременныхъ дѣйствій чеченскаго отряда нынѣшняго года поразило меня показанное во всѣхъ дѣлахъ большое число убитыхъ и раненыхъ лошадей, число, сколько мнѣ кажется, несоразмѣрное съ убылью въ войскахъ. Будучи увѣренъ, что ваше сіятельство сами обратите вниманіе на это обстоятельство, я счелъ долгомъ только увѣдомить васъ, что сумма на пополненіе утраты лошадей назначается по смѣтѣ довольно значительная, но что и этихъ денегъ до сего времени едва доставало и *навѣрно* не достанетъ

но приуныли: намъ пророчили громкія кавалерійскія дѣла на равнинахъ большой Чечни, а между тѣмъ вотъ уже два раза колонны предпринимали движенія внутрь непріятельской земли, и оба раза на нашу долю выпадала незавидная роль безучастныхъ свидѣтелей чужихъ подвиговъ. Потеря наша при раззореніи мезоинскихъ хуторовъ, благодаря цѣлесообразнымъ распоряженіямъ барона Меллера-Закомельскаго и присутствію духа флигель-адъютанта барона Николаи, была не особенно велика, если принять во вниманіе мѣстность, чрезвычайно трудно доступную, всю изрытую балками и поросшую лѣсомъ, а также присутствіе постороннихъ партій, подоспѣвшихъ на помощь жителямъ передъ самымъ отступленіемъ втораго Кабардинскаго баталіона отъ Салгирей-юрта. У насъ вышло изъ строя убитыми шесть человѣкъ нижнихъ чиновъ, ранеными—штабъ-офицеръ одинъ (командиръ 2-го баталіона егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка маіоръ Тромбецкій), оберъ-офицеръ одинъ (прапорщикъ Навагинскаго пѣхотнаго полка Бочкаревъ), нижнихъ чиновъ пятьдесятъ восемь; лошадей убито 19. Артилерійскихъ снарядовъ выпущено 192, ракетъ 65; въ числѣ израсходованныхъ свыше 133 т. ружейныхъ патроновъ показано 7982 кавалерійскихъ. Непріятель потерялъ 10-го января, по словамъ донесенія, по всей вѣроятности основаннаго, какъ обычно

при такой значительной потерѣ лошадей, если при выдачѣ свидѣтельствъ не будутъ строжайшимъ образомъ соблюдены всѣ для сего предписанныя правила. Затѣмъ, основываясь на неоднократно отданныхъ по сему предмету приказахъ, покорнѣйше прошу ваше сіятельство обратить особое вниманіе на выдачу свидѣтельствъ и предварительно строго провѣрять представленія гг. частныхъ начальниковъ, а когда возможно—даже посредствомъ воинскихъ комиссій. Въ этомъ документѣ замѣчательны слова: «нынѣшняго года», которыя можно замѣнить словами: «только при вашемъ сіятельствѣ»,—тогда какъ и во всѣ предшествовавшіе годы бѣднымъ животнымъ доставалось гораздо больше на бумагѣ, нежели на поляхъ битвъ.

венно, на показаніи услужливаго и продажнаго лазутчика, болѣе двухсотъ человѣкъ одними убитыми и тяжело ранеными. Но горцы обладали двумя неоцѣненными боевыми качествами, дававшими имъ возможность избѣгать большихъ потерь: умѣньемъ примѣняться къ мѣстности и необыкновенною подвижностью, почему къ цифрамъ ихъ урона, сообщаемымъ въ донесеніяхъ, слѣдуетъ относиться крайне осторожно. Нѣкоторые отрядные начальники, не довѣряя свѣдѣніямъ, получаемымъ отъ лазутчиковъ, благоразумно умалчивали о нихъ. Въ числѣ ихъ былъ и незабвенный генералъ Слѣпцовъ.

Раззореніе мезоинскихъ хуторовъ предпринято было съ весьма важною для безопасности края стратегическою цѣлью: съ высотъ, на которыхъ расположены были эти хутора, непріятель всегда могъ вредить нашимъ сообщеніямъ между правымъ берегомъ Аргуна и лѣвыми притоками Джалки, впадающей въ Сунжу и извивающейя поперегъ шалинской поляны. На этой послѣдней, открывавшей намъ свободный доступъ въ глубь Чечни со стороны Аргуна, сохранились еще нѣкоторыя мѣстности, которыя слѣдовало совершенно обнажить, чтобы не оставалось ни одной преграды, изъ за которой непріятель могъ бы затруднять движеніе нашихъ отрядовъ. Къ числу такихъ мѣстностей принадлежало поросшее лѣсомъ пространство между шалинской просѣлкой и мезоинской поляной. Туда два дня сряду, 11-го и 12-го января, для вырубки просѣлки посылались колонны подъ начальствомъ полковниковъ Левина и флигель-адъютанта князя Воронцова. Непріятель не показывался. 14-го числа колонною, подъ начальствомъ флигель-адъютанта князя Воронцова, просѣлка, начатая 11-го, была окончена, и сообщеніе между шалинскою поляною и передовыми террасами Черныхъ горъ открыто. Оставалась еще одна узкая полоса лѣса, пересѣченная въ нѣсколькихъ мѣстахъ полянами,

которая отдѣляла чеченскую равнину отъ крѣпости Воздвиженской и урочища Бани-юртъ, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Князь Воронцовъ, окончивъ 14-го числа мезоинскую просѣку, двинулся прямою дорогою черезъ эту полосу къ лагерю, откуда на встрѣчу ему высланъ былъ генеральнаго штаба полковникъ Рудановскій, съ 2-мъ и 4-мъ баталіонами егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка. Подробный обзоръ лѣса съ двухъ противоположныхъ сторонъ показалъ начальнику отряда, что достаточно будетъ нѣсколькихъ дней для снесенія этой послѣдней преграды съ правой стороны шалинской просѣки. И дѣйствительно, 15-го января начата была вырубка этой полосы лѣса и 17-го окончена у самого лагеря. Непріятель за все это время хотя изрѣдка и показывался на высотахъ, но колоннъ нашихъ не тревожилъ.

II.

Экспедиція въ малую Чечню. Движеніе колонны князя Барятинскаго. Дѣло на р. Гойтѣ. Смерть атамана Круковского. Отступленіе. Потери. Легенда. Движеніе колонны г. м. барона Вревскаго. Бой на рѣкѣ Рошиѣ. Результаты. Лазутчики. Потери.

16-го января прибылъ въ нашъ лагерь, по предварительному соглашенію съ начальникомъ отряда, завѣдывавшій владикавказскимъ военнымъ округомъ генералъ-маіоръ баронъ Вревскій съ первымъ баталіономъ Эриванскаго ка-

рабинернаго полка. Усиленіе отряда цѣлымъ баталіономъ не прошло незамѣченнымъ и было предметомъ разговоровъ до самой ночи. Ожидали чего-то необыкновеннаго.

Въ первые дни нашего пребыванія въ б. Чечнѣ мы занимали позицію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ раззоренный въ 1841-мъ году аулъ Бани-юртъ, почти въ полуверстѣ отъ праваго берега рѣки; къ половинѣ января мы совсѣмъ придвинулись къ р. Аргуну и раскинули лагерь по обоимъ его берегамъ. День 17-го января былъ пасмурный. Еще до заката солнца все небо обложило тучами, и ночь наступила ранняя, темная, непроглядная; отъ костровъ, разбросанныхъ по всему лагерю, она казалась еще темнѣе. Надъ нашими головами разстилалась черная бездна, куда вмѣстѣ съ дымомъ уносились искры, и откуда падали повременамъ снѣжинки, казавшіяся вблизи костровъ розовыми, какъ лепестки шиповника. Заря давно пробита; пѣсни, говоръ и смѣхъ давно смолкли. Около нѣкоторыхъ бивачныхъ огней, освѣщенные ихъ краснымъ пламенемъ, стояли небольшія группы солдатъ и вполголоса вели между собою бесѣду. Къ девяти часамъ разбрелись послѣднія группы по палаткамъ, и въ лагерь водворилась тишина; только Аргунъ шумѣлъ не стѣсняясь, и ночью, когда все кругомъ него смолкало, шумъ его становился слышнѣе. Я былъ дежурнымъ по кавалеріи отряда и стоялъ у костра, съ завистью провожая глазами тѣхъ, которые шли укрыться въ палаткахъ. Но были люди въ отрядѣ, которыхъ положеніе было еще плачевнѣе моего—люди, стоявшіе на аванпостахъ. Въ моемъ распоряженіи были по крайней мѣрѣ костры всего кавалерійскаго лагеря, и я свободно переходилъ отъ одного къ другому; у нихъ же не было этого утѣшенія: они должны были стоять неподвижно и напрягать свой слухъ, чтобы не пропустить ни малѣйшаго шороха. И тѣмъ неподвижнѣе должны были стоять они, и тѣмъ

внимательнѣе прислушиваться, что отъ зрѣнія въ эту черную ночь нельзя было ожидать никакой помощи. Но и они не могли жаловаться, такъ какъ были люди въ отрядѣ, поставленные еще болѣе въ худшія условія: впереди аванпостовъ, въ холодной грязи, перемѣшанной съ рыхлымъ снѣгомъ, лежали секреты, которымъ навѣрное не позавидовалъ бы ни одинъ безпріютный нищій. Саженьяхъ въ двадцати пяти или тридцати отъ драгунскаго лагеря стоялъ войлочный шатеръ начальника кавалеріи генерала Крюковского. Скучно освѣщенный снаружи догоравшими кругомъ кострами, онъ выдѣлялся на черномъ фонѣ ночи наподобіе конуса маленькаго волкана, съ кратеромъ посерединѣ. Нѣсколько разъ обходя свой лагерь, я останавливался передъ шатромъ; оттуда очень явственно доносились до меня отрывистыя восклицанія въ родѣ „пасъ, вистъ, приглашу“—и на нѣсколько секундъ въ шатрѣ водворялось молчаніе. Въ одиннадцать часовъ въ четвертый разъ остановился я подлѣ шатра. Игра, повидимому, кончилась; обсуждалась какая-то партія, выигранная благодаря неправильному выходу вистующаго. Въ числѣ другихъ голосовъ я отличалъ голосъ Крюковского ¹²⁾).

Въ это время со стороны Аргуна раздался топотъ одинокаго всадника, который направлялся въ мою сторону. Я только-что собирался окликнуть его, какъ онъ остановился, соскочилъ, или вѣрнѣе, скатился съ лошади, не привязавъ даже ее, безъ доклада вошелъ въ шатеръ, тотчасъ же вышелъ изъ него, вскочилъ въ сѣдло и скрылся въ темнотѣ. Говоръ въ шатрѣ вдругъ прекратился, дверь быстро рас-

¹²⁾ Потому настаиваю на этихъ подробностяхъ, что мнѣ суждено, какъ увидимъ ниже, играть въ некоторую роль въ біографіи человека, передъ памятью котораго даже и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, благоговѣть населеніе обширнаго раіона, которымъ онъ управлялъ передъ концомъ поприща съ истинно отеческою заботливостью и любовью.

пахнулась, и свѣтъ изъ нея упалъ прямо на меня. Я видѣлъ, какъ гости молча разбѣжались въ разные стороны. Въ дверяхъ показалась фигура атамана. „Кавалерія на конь“, проговорилъ онъ вполголоса; потомъ, увидѣвъ меня въ двухъ шагахъ отъ шатра, прибавилъ: „ради Бога, чтобъ безъ шума“. Это были послѣднія слова, съ которыми онъ обращался лично ко мнѣ. Трогательнаго въ нихъ, кажется, ничего не было, а при воспоминаніи о нихъ у меня часто наворачивались слезы на глазахъ. Изъ земли быстро начали выростать всадники, въ темныхъ силуэтахъ которыхъ было что-то фантастическое, напоминавшее скандинавскія саги. Черезъ семь-восемь минутъ вся кавалерія была на конѣ и уже направлялась къ Аргуну, гдѣ стояла пѣхота—не къ большой Чечнѣ фронтомъ, а къ рѣкѣ, слѣдовательно тыломъ къ шалинской просѣлкѣ, на которую мы смотрѣли какъ на исходный пунктъ всѣхъ предстоявшихъ намъ военныхъ дѣйствій. Мы переправились на лѣвый берегъ Аргуна, считавшійся русскимъ берегомъ; тамъ въ совершенной готовности, соблюдая абсолютную тишину, ожидала насъ главная колонна.

Было около половины двѣнадцатаго, когда войска тронулись. Въ самый моментъ выступленія нашего повалилъ густой снѣгъ, провожавшій насъ всю ночь и увеличивавшій непроницаемость окружавшаго насъ мрака. Слабое зарево бивачныхъ огней не сильнѣе свѣта, издаваемого фосфоромъ въ темнотѣ, нѣкоторое время указывало мѣсто нашего лагернаго расположенія и затѣмъ скрылось изъ вида. Влѣво отъ дороги замелькали огоньки въ крѣпости Воздвиженской и также скоро пропали изъ вида, а мы, двигаясь по снѣжной пустынѣ, окруженные мракомъ и непрерывно падавшимъ снѣгомъ, казалось, отрѣзаны были отъ всего остальнаго міра. Если мы шли въ набѣгъ, то время для нечаяннаго нападенія выбрано было какъ нельзя удачнѣе: земля

была мягкая, шаговъ нашихъ нельзя было далеко слышать, и снѣгъ падалъ такъ часто, что за нимъ даже и днемъ колонна могла двигаться какъ за занавѣсью. Въ три часа пополудни отрядъ остановился. Давно пора было подумать объ отдыхѣ. Мы расположились на краю глубокой лощины, по дну которой протекала скромная въ зимніе мѣсяцы Гойта. Я много разъ переправлялся черезъ эту рѣку, но гораздо ниже, тамъ, гдѣ ее пересѣкаетъ большая русская дорога; здѣсь же мы были ближе къ верховьямъ рѣки, и мѣстность была мнѣ незнакома. Отдано было приказаніе немедленно приступить къ разработкѣ спусковъ. Минуть черезъ пять, сначала подъ правымъ, затѣмъ подъ лѣвымъ берегомъ рѣки застучалъ шанцевый инструментъ. Этотъ стукъ и поднявшійся въ колоннѣ говоръ, послѣ такой тишины, насъ очень удивили. Неужели съ приближеніемъ къ густо населеннымъ ущельямъ Черныхъ горъ опасеніе быть открытыми исчезаетъ, а пока войска проходили по совершенно безлюдной и открытой равнинѣ, оно существовало? Пока мы, сидя на разостланныхъ подъ краемъ оврага буркахъ, терялись въ догадкахъ, не зная какъ примирить такое странное противорѣчіе, къ намъ подошелъ начальникъ сборной ракетной команды линейнаго казачьяго войска хорунжій Дороховъ. Отъ него мы узнали, что идемъ раззорять гойтенскіе хутора; что съ половины дороги отъ насъ бѣжалъ проводникъ, и что когда эта роковая вѣсть дошла до начальника отряда, онъ сильно призадумался. Зачѣмъ бѣжалъ проводникъ? Не для того, конечно, чтобы отрядъ безъ него сбился съ дороги. Дорога къ гойтенскимъ хуторамъ, разбросаннымъ у верховьевъ рѣки, извиается вдоль ея лѣваго берега. Это знали и князь Барятинскій, и всѣ офицеры, бывавшіе въ Чечнѣ, и потому отрядъ заблудиться не могъ; но безъ проводника колонна, впервыхъ, могла наткнуться на пикеты, а вовторыхъ, прежде нежели до-

браться до хуторовъ, будетъ открыта, и жители приготовятся къ встрѣчѣ. И такъ, скрывать ночное движеніе отряда не было болѣе надобности,—вотъ почему мы такъ свободно курили и говорили. Теперь мы шли, такъ сказать, къ самому кратеру волкана. Положеніе начальника отряда было затруднительно: отказаться отъ набѣга невысказано, продолжать движеніе—какъ знать, чѣмъ оно разыграется. „Я бы не желалъ быть на его мѣстѣ“, замѣтилъ Дороховъ. Офицеръ этотъ не отходилъ отъ насъ все время, пока мы оставались на привалѣ. Это былъ человѣкъ уже не молодой, высокаго роста, довольно стройный. Одѣвался онъ, какъ всѣ линейные казаки. Дороховъ былъ когда-то разжалованъ, за что именно—не знаю, и незадолго передъ тѣмъ вновь дослужился до офицерскаго чина. Круковский, принимавшій участіе во всѣхъ забитыхъ судьбой и угнетенныхъ, не разбирая сами ли они навлекли на себя несчастье, или доля ужъ ихъ такая нерадостная, вызвалъ его къ себѣ въ штабъ, обласкалъ, и чтобы предоставить ему случай къ отличіямъ, назначилъ его на время зимней экспедиціи начальникомъ сборной ракетной команды линейнаго казачьяго полка, также сборнаго. Я почему-то обратилъ вниманіе на возбужденное состояніе Дорохова: онъ говорилъ въ эту ночь много, фразы отчеканивалъ быстро, съ лихорадочною поспѣшностью, безпрестанно переходя съ одного предмета на другой, но говорилъ хорошо; по всему замѣтно было, что онъ вращался когда-то въ иной, лучшей сферѣ. Я видѣлъ его всего два раза, и то мелькомъ, и въ третій разъ въ эту темную ночь, а потому лица его хорошо не помню, о чемъ очень сожалѣлъ впоследствии, такъ какъ офицеру этому суждено было играть въ предстоявшей намъ великой драмѣ первенствующую, хотя, правда, посмертную роль. Въ цѣломъ отрядѣ не было ни одного человѣка, не исключая нижнихъ чиновъ, устами котораго имя Дорохова

не произносилось бы въ послѣдствіи много разъ въ продолженіе многихъ дней.

Спуски къ рѣкѣ окончены были менѣе нежели черезъ часть, не смотря на то, что работа производилась въ темную ночь, въ вязкомъ глинистомъ грунтѣ, подѣ не перестававшимъ всю ночь засыпать насъ снѣгомъ; но онъ долженъ былъ скоро прекратиться: тучи, казавшіяся все время неподвижно висѣвшіе надъ нами сплошною черною массою, мало по малу начали разрываться, и между ними показались наконецъ полоски настоящаго неба, предвѣщавшія перемѣну къ лучшему. Мы переправились на лѣвый берегъ Гойты, миновали орѣшникъ, отдѣляющій гойтенскую просѣку отъ такъ называемаго Устарханова поля, тотъ самый орѣшникъ, въ которомъ непріятель устраивалъ противъ насъ въ 1848-мъ году свои батареи; безпрепятственно прошли Устарханово поле, но въ концѣ его наткнулись на окопъ съ глубокой канавой, которую нужно было засыпать по крайней мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ, на что потребовалось не менѣе двадцати минутъ. За окопомъ начинался безмолвный и величественный гойтенскій лѣсъ. На расчищенномъ небѣ влѣво отъ насъ, надъ большой Чечней, показалась блѣдная полоса свѣта, когда мы вступили въ лѣсъ. Снѣгъ пересталъ падать, и тотъ, который выпалъ за ночь, быстро началъ таять подѣ вліяніемъ довольно теплаго вѣтерка, подувшаго со стороны Ачхоя. Крупныя капли воды съ шумомъ проливнаго дождя сбѣгали съ деревьевъ и стучали о прошлогодні листья, слоями лежавшіе по всему лѣсу. Сколько заваловъ преграждало намъ путь, сколько пней аршина два въ діаметрѣ, сколько срубленныхъ деревьевъ чудовищныхъ размѣровъ попадалось намъ на каждомъ шагѣ, не говоря о валежникѣ изъ древесныхъ сучьевъ, въ которомъ лошади вязли, путались, иногда проваливаясь ниже колѣнъ. Ряды наши разстроились, мы шли вразбродъ,

поодинокѣ, рѣдко по два, и составляли легкую добычу для непріятеля, еслибы онѣ вдругъ выросъ передъ нами изъ какой нибудь засады въ полусвѣтѣ утреннихъ сумерокъ. Но надъ нами бодрствовало провидѣніе: въ лѣсу никто не показывался. Еслибы ночь захватила насъ на этой мѣстности, движеніе колонны, даже безъ артилеріи, было бы затруднительно, а съ артилеріей невозможно, и намъ пришлось бы выждать утра и выдать себя. Отсутствіе проводника съ каждымъ шагомъ становилось ощутительнѣе. Проводники знаютъ дороги, по которымъ наобы рысью провозятъ свои орудія, а мы этихъ дорогъ не знали; нашимъ проводникомъ было русло рѣки, отъ котораго мы не смѣли удаляться. Но вотъ, показалась наконецъ поляна съ живописно разбросанными по ней копнами сѣна. Кавалерія на этотъ разъ шла въ авангардѣ. Пѣхота съ артилеріей далеко отстали отъ насъ; мы ихъ не видѣли и не слышали. На полянѣ ряды тотчасъ же снова пришли въ порядокъ. Крюковскій скомандовалъ „рысью“. Относилась ли эта команда до драгунъ—мы не знали, но отъ казаковъ не отставали до самой середины поляны. Тутъ онѣ повернулся въ сѣдлѣ въ нашу сторону, приказалъ драгунамъ остановиться, тронулъ ногойкой своего коня, слегка пригнулся къ сѣдлу и въ одинъ мигъ очутился въ головѣ своей шестисотенной колонны. Мы стали фронтомъ къ западу, хотя все время шли на югъ, къ сторонѣ непріятельскихъ ауловъ.

Верстахъ въ двухъ влѣво отъ нашего лѣваго фланга возвышалась гора дикая, грандіозная, безмолвная, точно необитаемая,—первый уступъ Черныхъ горъ. Она была покрыта лѣсомъ, продолженіемъ того величественнаго лѣса, черезъ который мы съ такимъ трудомъ пробирались. Къ подножію горы спускалась поляна, не длинная, но узкая, въ родѣ нашихъ просѣкъ; она шла на встрѣчу той широкой полянѣ, на которой мы стояли, и составляла какъ бы

мысль ея, вдавшійся въ гору. До подножія горы казаки шли рысью; значки ихъ трепетали и бились, какъ крылья гигантской бабочки, запутавшейся въ сѣткѣ. Въ гору черезъ узкую поляну они понеслись въ каррьеръ; голубой всадникъ на бѣлой лошади былъ все время впереди. Миновавъ поляну, бѣлый конь завернулъ въ лѣсъ направо и увлекъ за собой всю остальную кавалерію; скоро послѣдніе казаки скрылись у насъ изъ вида, и поляна опустѣла. Наступила тишина. Мы остались одни. Пѣхота еще не показывалась и была далеко отъ насъ вправо; кавалерія отдѣлилась отъ насъ и была теперь далеко влѣво. Не зная, гдѣ мы, что предстоитъ намъ впереди, есть ли гдѣ по близости непріятель—намъ приказано было спѣшиться, что мы исполнили съ великимъ удовольствіемъ, хотя находили такое распоряженіе далеко не соотвѣтствовавшимъ ни времени, ни обстановкѣ. Драгуны тотчасъ же зажгли одну копну сѣна—не для того, чтобы подать сигналъ къ повсемѣстному истребленію непріятельскихъ запасовъ, но чтобы постоянно имѣть огонь подъ рукою. Утро было чудное; солнце съ перваго момента своего появленія изъ за горъ стало обогрѣвать землю. Мы съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ той сторонѣ, куда понеслись казаки. Тамъ было тихо: ни одного выстрѣла, ни топота конскаго, ни голоса человѣческаго. Въ этой тишинѣ, царствовавшей кругомъ, ничего пока не было зловѣщаго. Но мы были неспокойны; неизвѣстность объ участи кавалеріи кошемаромъ давила насъ. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы отдѣлились отъ колонны, я съ точностью опредѣлить не могу; время измѣряется событіями, а мы оставались въ бездѣйствіи, и оно тянулось для насъ мучительно долго.

Наконецъ-то изъ лѣса, съ той стороны, гдѣ мы оставили пѣхоту съ артилеріею, показалось нѣсколько всадниковъ, и за ними, сверкая на солнцѣ, заколыхались штыки

передоваго баталіона. Впереди ѣхалъ начальникъ отряда и рядомъ съ нимъ все тотъ же тучный чеченецъ въ бѣлой черкескѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, который служилъ намъ проводникомъ при занятіи мезоинскихъ хуторовъ. Отъ капитана Зиновьева, командира 5-го эскадрона, воспитывавшагося съ княземъ Барятинскимъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, узнаннаго и обласканнаго имъ, имѣвшаго также знакомыхъ между его приближенными, я узналъ, что чеченецъ этотъ—Бата, еще очень недавно старшій наибъ большой Чечни, передавшійся къ намъ почти одновременно съ назначеніемъ въ концѣ 1851-го года князя Барятинскаго начальникомъ чеченскаго отряда и лѣваго фланга. (Приложеніе). Поравнявшись съ нами и увидѣвъ нашъ анти-боевой порядокъ, князь Барятинскій прикусилъ верхнюю губу, чтобы скрыть улыбку, и приказалъ поставить дивизіоны лицомъ къ непріятелю. Мы тотчасъ же перемѣнили фронтъ. Пѣхота расположилась по флангамъ, прикрывъ себя цѣпами съ ихъ резервами; артилерія, выдвинувшись на позицію, снялась съ передковъ, и половина орудій была заряжена картечью. Мы опять спѣшились, но на этотъ разъ были не одни. Драгунамъ отдано было приказаніе не отходить далеко отъ лошадей. Мы простояли около часа на полянѣ въ совершенной неизвѣстности о томъ, что происходитъ на верхнихъ террасахъ Черныхъ горъ, куда скрылся Круковскій съ своей кавалеріей. Такъ какъ выстрѣловъ ни откуда не было слышно, то мы заключили изъ этого, что, не встрѣчая нигдѣ по дорогамъ непріятеля, казаки понеслись дальше. Это было тѣмъ правдоподобнѣе, что мелкіе хутора и отдѣльныя сакли, разсѣянные по косогору ближайшаго къ намъ уступа, были покинуты и казались необитаемыми, слѣдовательно чеченцы, предупрежденные бѣжавшимъ отъ насъ проводникомъ, убравъ свое имущество, поспѣшили занять болѣе надежную позицію. Князя Барятинска-

го, какъ намъ передавали, начинало беспокоить такое продолжительное отсутствіе казаковъ. Безотлучно находившійся при немъ Бата не могъ разсѣять его тревожныхъ опасеній; онъ не могъ представить ему никакихъ успокоительныхъ соображеній: въ большой Чечнѣ всѣ дороги, тропинки и трущобы были ему хорошо извѣстны, но малая Чечня, особенно нагорная ея полоса, была для него невѣдома. О намѣреніи князя Барятинскаго проникнуть къ верховьямъ Гойты онъ узналъ передъ самымъ выступленіемъ отряда и энергически возставалъ противъ него. Онъ умолялъ, какъ признавался намъ впоследствии, не предпринимать этого движенія, называя его безразсудно отважнымъ и ссылаясь въ своихъ доводахъ на дикій и воинственный характеръ жителей нагорной малой Чечни, на страшно изрѣзанную канавами, забросанную деревьями мѣстность на далекомъ разстояніи отъ верховьевъ рѣки. Настойчивость князя Барятинскаго сильно опечалила его, и онъ будто бы сказалъ: „я умываю руки, ваше сіятельство“. Ночью, когда Барятинскому доложили, что отъ насъ бѣжалъ проводникъ, онъ обратился къ Батѣ: „теперь, Бата, что вы мнѣ посоветуете?“—„Продолжать, ваше сіятельство, отвѣчалъ бывшій наибъ разсмѣявшись. Пока проводникъ не бѣжалъ, можно было еще вернуться; но теперь, когда онъ бѣжалъ, слѣдуетъ продолжать во что бы ни стало“. Князю Барятинскому очень понравился этотъ рыцарскій отвѣтъ, и онъ продолжалъ, и теперь стоялъ у верховьевъ Гойты и, выражаясь аллегорически, грызъ удила отъ нетерпѣнія и безпокойства. Въ отрядѣ носился слухъ, что князь Барятинскій набѣгомъ 18-го января хотѣлъ отмстить малой Чечнѣ за смерть Слѣпцова, убитаго за пять недѣль передъ тѣмъ въ ущельяхъ Гехи. По отряду ходили и другіе слухи, заставлявшіе только улыбаться посвященныхъ въ тайны военно-административнаго механизма того времени. Часу въ

десятомъ утра колонна сильно заволновалась; въ одно мгновѣніе пѣхота стала въ ружье, драгуны сѣли на конь, и водворилась та краснорѣчивая тишина, которая предшествуетъ началу боя. На полугорѣ, на той самой узкой полянѣ, за правымъ угломъ которой скрылся у насъ изъ вида атаманъ съ своими казаками, показалась нестройная масса кавалеріи, быстро и суетливо спускавшаяся къ лощинѣ, опоясывавшей подошву горы. Трудно представить себѣ безпорядокъ, въ которомъ она неслась прямо на нашу колонну. Нужно бы къ слову „иррегулярный“ прибавить еще два *p*, чтобы охарактеризовать тотъ строй, или лучше сказать, то отсутствіе строя, которымъ она отличалась.

Здѣсь я передамъ мое личное впечатлѣніе—правда, мимолетное; для того чтобы нагляднѣе обрисовать общее строеніе отряда. Вотъ что я подумалъ, когда увидѣлъ толпу всадниковъ, такъ отважно скакавшихъ прямо на насъ: Шамиль провѣдалъ о нашемъ движеніи въ малую Чечню, и теперь стоитъ самъ въ Черныхъ горахъ съ своимъ сборищемъ; казаки наши отрѣзаны, и на встрѣчу отряда идетъ одинъ изъ его лучшихъ наибова—Талгикъ или, можетъ быть, Эльмурза, чтобы задержать насъ и не дать намъ двинуться на выручку атамана. Мысль эта не казалась въ тотъ моментъ невѣроятной; ее раздѣляли многіе другіе офицеры. Но эта мысль не продержалась и минуты; она должна была уступить новымъ впечатлѣніямъ. „Это наши, это не чеченцы; вонъ и кресты на значкахъ“, заговорили разомъ нѣсколько голосовъ. Это дѣйствительно были казаки; на нѣкоторыхъ свѣтлыхъ значкахъ, теперь, когда разстояніе между ними и колонной сократилось, явственно можно было различить широкіе прямые кресты, очень похожіе на могильные. Это были тѣ самые казаки, которые часъ или полтора тому назадъ, съ атаманомъ во главѣ, стройной колонной и бодрымъ аллюромъ, съ наклоненными впередъ

значками, неслись въ горы отыскивать непріятеля. Что съ ними сдѣлалось? Зачѣмъ они возвращаются и въ такомъ безпорядкѣ? И почему съ ними нѣтъ атамана? Казаки никогда не отличались безукоризненнымъ строемъ регулярной кавалеріи; въ атаку они ходили обыкновенно разсыпнымъ строемъ, но никогда почти атакъ своихъ до конца не доводили. Зато они выносливы, гибки, развязны, лично храбры и хороши въ одиночномъ бою; но никогда, даже во снѣ, мнѣ не случалось видѣть ихъ въ такой непритяжной обстановкѣ. Это не отступленіе—это бѣгство, это паническій страхъ въ самой рѣзкой формѣ его проявленія. Но не можетъ быть, чтобы часть, которую доблестный и популярнѣйшій изъ атамановъ, Крюковскій, лично повелъ въ атаку, могла обратиться въ бѣгство. Тутъ что нибудь такое, чего мы не понимали. Атамана съ ними нѣтъ; полковаго командира также нѣтъ, и ракетной команды не видать. Крюковскій остался гдѣ нибудь въ аулѣ съ частью кавалеріи и ракетною командою; остальные сотни отправилъ къ отряду съ какимъ нибудь порученіемъ, скорѣе всего за подкрѣпленіемъ, такъ какъ одного человѣка, и даже одной сотни, нельзя было посылать на такомъ далекомъ разстояніи и въ такой опасной мѣстности. На этой мысли остановились пока всѣ.

Едва эта безпорядочная толпа, скрывшаяся на нѣскольکو мгновеній въ лощинѣ, стала выѣзжать на поляну, какъ отъ нея отдѣлились два всадника и поскакали прямо туда, гдѣ расположился съ своей свитой начальникъ отряда. Черезъ двѣ-три минуты второй дивизіонъ драгунъ получилъ приказаніе двинуться на полныхъ рысяхъ въ ту сторону, откуда только-что прискакали казаки. Два баталіона пѣхоты—3-й и 4-й баталіоны егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка—и команда стрѣлковаго баталіона почти бѣгомъ слѣдовали за ними, а мы остались на преж-

ней мирной позиціи ожидать развязки или, по крайней мѣрѣ, разъясненія того, что происходило у насъ на глазахъ. Я смотрѣлъ на казаковъ, которые продолжали скакать и только на очень близкомъ разстояніи отъ колонны умѣрили бѣгъ своихъ взмыленныхъ лошадей; я смотрѣлъ на нихъ, надѣясь по выраженію ихъ лицъ угадать хоть часть истины. Лица у нихъ были угрюмыя, вытянутыя; такія лица можно видѣть у наслѣдниковъ послѣ вскрытія завѣщанія, въ которомъ объ нихъ не упоминается. Многіе изъ казаковъ возвращались съ добычею: у того большой мѣдный тазъ на сѣдлѣ, другой везъ жаровню (мангалъ), у нѣкоторыхъ были персидскіе ковры, совершенно новые, переметныя сумы, бурки, башлыки—всѣ предметы никогда не бывавшіе въ употребленіи; была и крупная домашняя птица—гуси и индюки; оружія, кромѣ того, въ которомъ они постоянно выѣзжали изъ лагеря, никакого ни на комъ не было. Все это было такъ ново для меня: гдѣ мы, и не во снѣ ли я вижу все это? Зимняя экспедиція 1852 года, какъ я уже замѣтилъ выше, представляетъ изъ себя цѣлый рядъ загадочныхъ эпизодовъ, дѣлающихъ ее не похожею на всѣ другія экспедиціи въ той же мѣстности. По донесеніямъ, приказамъ главнокомандующаго и по разнымъ другимъ документамъ она, правда, мало отличается отъ нихъ: вездѣ мы „стремительно“ атакуемъ непріятеля, вступаемъ съ нимъ „въ жаркія схватки грудь съ грудью“, или же въ наши ряды врывается непріятель съ какимъ нибудь наибомъ во главѣ и даже съ самимъ имамомъ и наноситъ шашками удары направо и налево, хотя на самомъ дѣлѣ ранъ холоднымъ оружіемъ ни у кого не оказывается. Для очевидца же зимняя экспедиція 1852-го года имѣетъ чрезвычайно своеобразный характеръ и навсегда останется въ его воспоминаніяхъ эпопеей, исполненной высокаго интереса. Въ то время, какъ я наблюдалъ за выраженіемъ лицъ

казаковъ, суетливо вступавшихъ въ спокойные ряды нашей колонны, сзади меня, надъ самымъ моимъ ухомъ, раздались страшныя слова, произнесенныя очень тихо: „вы знаете, атаманъ убить“. Мнѣ показалось, что сердце у меня вдругъ перестало биться. Я такъ быстро повернулся въ сѣдлѣ, что нечаянно кольнулъ лошадь шпорой въ бокъ, отъ чего она сдѣлала прыжокъ въ сторону. Человѣкъ, мистически настроенный, сказалъ бы, что благородное животное не менѣе всадника поражено этимъ потрясающимъ извѣстіемъ. „Вы говорите—атаманъ убить“? спросилъ я, нѣсколько оправившись отъ удара. „Но вѣдь мы не слышали ни одного выстрѣла“. Лицо товарища, сообщившаго мнѣ роковую вѣсть, было видимо опечалено. „Это правда, сказалъ онъ; но дѣло, должно быть, происходило далеко отсюда“.—„Стало быть, тѣло его брошено“? продолжалъ я спрашивать. Не отвѣчая прямо на мой вопросъ, онъ проговорилъ тѣмъ же тихимъ голосомъ: „и тотъ офицеръ—помните ли, который ночью на привалѣ сказалъ намъ, что проводникъ бѣжалъ, онъ, бѣдный, тоже убить. Убитыхъ, говорятъ, много; только тѣла ихъ остались на мѣстѣ“. Онъ еще понизилъ голосъ и сообщилъ мнѣ такія подробности, которымъ даже въ этомъ правдивомъ очеркѣ я не могу дать мѣста. Мнѣ невольно вспомнились въ эти горестныя минуты слова, сказанныя мнѣ Круковскимъ ночью передъ выступленіемъ въ набѣгъ: „ради Бога, чтобъ безъ шума“. Я никогда больше не услышу голоса, который произнесъ ихъ. Какой ударъ для всего линейнаго казачьяго войска, для начальника отряда, оставшагося безъ правой руки, и въ особенности для главнокомандующаго! Это уже второй въ самый короткій промежутокъ времени: въ декабрѣ Слѣпцовъ, котораго онъ любилъ, какъ сына, въ январѣ Круковский, рыцарь безъ страха и упрека, какъ онъ называлъ его. Поле битвы осталось за непріателемъ. Можно себѣ

представить, что тамъ происходило съ той минуты, какъ казаки покинули его. Два эскадрона драгунъ, два баталіона пѣхоты и стрѣлковая команда отправлены были подбирать тѣла убитыхъ. Черезъ часъ послѣ ихъ ухода мимо насъ съ правой стороны потянулась печальная процессія, показавшаяся всѣмъ намъ очень длинною: на носилкахъ къ транспортнымъ повозкамъ направлялись тѣла убитыхъ; лицъ ихъ нельзя было видѣть—всѣ они съ головы до ногъ прикрыты были рогожами, всѣ они были въ одномъ бѣлѣ и страшно изуродованы шашками и кинжалами. Я считалъ сорокъ три тѣла, когда показались носилки, за которыми шли съ непокрытыми головами казаки; ихъ было восемь человѣкъ, и всѣ они горько плакали. Это были носилки атамана. Драгуны снимали шапки и крестились; многіе плакали; офицеры драгунскіе почти всѣ плакали. Дальше я не считалъ носилокъ: я былъ слишкомъ взволнованъ для этого.

До сихъ поръ я рассказывалъ то, чего былъ очевидцемъ. Теперь буду передавать то, что слышалъ отъ другихъ—отъ маіора Моллера и офицеровъ 2-го дивизіона, отъ моихъ старыхъ знакомыхъ князя Воронцова полка. Всѣ ихъ показанія тождественны. Моллеръ, братъ знаменитаго живописца и самъ диллетантъ-живописецъ, такъ картинно изобразилъ передо мной поле битвы, что мнѣ кажется будто я не отъ другихъ слышалъ, а своими глазами видѣлъ то, что мнѣ предстоитъ рассказать. Они, въ свою очередь, узнали подробности послѣдней, самой ужасной сцены отъ единственнаго оставшагося въ живыхъ свидѣтеля, бѣднаго, неграмотнаго казака, безыскусственный рассказъ котораго, лившійся изъ устъ человѣка, сильно потрясеннаго, дышалъ такою ясностью, простотою и послѣдовательностью, что подозревать его въ преувеличеніи нѣтъ ни малѣйшаго основанія, тѣмъ болѣе, что факты были налицо.

Отдѣлившись съ иррегулярной кавалеріей отъ нашихъ двухъ дивизіоновъ, Крюковскій не имѣлъ намѣренія завязывать дѣло съ непріятелемъ, такъ какъ не зналъ, насколько обезпечены его сообщенія съ остальной колонной. У него была одна цѣль—ознакомиться съ мѣстностью, развѣдать о непріятелѣ и провѣрить показанія лазутчика, увѣрившаго князя Барятинскаго, что въ нагорной малой Чечнѣ нѣтъ никакихъ непріятельскихъ сборовъ, никого, кромѣ жителей. Не встрѣчая нигдѣ никакихъ препятствій, не видя даже никого и никакихъ слѣдовъ приготовленій къ оборонѣ, онъ уходилъ все дальше и дальше, пока наконецъ не былъ остановленъ завалами. Такимъ образомъ, увлекшись рекогносцировкой, онъ тогда только замѣтилъ свое совершенно изолированное положеніе, когда возвращаться было уже поздно. Завалы преграждали путь къ аулу Шаухаль, единственному изъ всѣхъ гойтенскихъ хуторовъ, который оказался сильно укрѣпленнымъ. Къ нему-то и привела атамана его несчастная звѣзда. Завалы состояли изъ срубленныхъ деревьевъ въ два съ половиной и три обхвата толщины, положенныхъ поперегъ дороги правильными зигзагами подъ острыми углами. Они никѣмъ не были заняты. Ауль Шаухаль-юртъ, какъ я уже сказалъ, стоялъ по ту сторону заваловъ и расположенъ былъ покоемъ, т. е. сакли его построены были въ карре, только безъ четвертаго фаса, на мѣстѣ котораго лежалъ послѣдній зигзагъ завала. Промежутки, отдѣлявшіе одну саклю отъ другой, заплетены были орѣшникомъ съ узкими проходами для одного человѣка между краями плетня и стѣнами. Въ фасадахъ, обращенныхъ къ серединѣ карре, т. е. къ внутренней площади аула, пробиты были бойницы, инныя давно, нѣкоторыя вѣроятно въ это утро, незадолго до прибытія колонны. Все пространство между фасадами карре, имѣвшее форму правильнаго паралелограмма, протяженіемъ въ

длину около двухсотъ и въ ширину около ста пятидесяти сажень, было совершенно открыто. На такомъ разстояніи пули съ дальняго фаса карре, обращеннаго къ выходу, не только долетали до этого послѣдняго, но могли причинять убыль войскамъ, стоявшимъ у послѣдняго завала. Человѣкъ, вступившій внутрь этого карре, прямо попадалъ подъ перекрестный огонь трехъ его фасовъ. Если принять во вниманіе замѣчательную мѣткость стрѣльбы, которою отличались горцы всѣхъ кавказскихъ племенъ, и бойницы, замѣнявшія защитникамъ Шаухалъ-юрта подсошки, то можно съ нѣкоторою вѣроятностью утверждать, что изъ каждой пули одна должна была наносить вредъ. Для кавалеріи аулъ былъ неприступенъ; пѣхота могла бы овладѣть имъ, но для этого пришлось бы пожертвовать по меньшей мѣрѣ двумя баталіонами изъ семи; артилерія не могла двигаться по дорогамъ къ аулу. Барятинскій зналъ, что раззореніе ауловъ, расположенныхъ у верховьевъ рѣкъ малой Чечни, обходится дорого; примѣры были слишкомъ свѣжи: Валерикъ, Шалажъ, Гехи. Но онъ полагался на свою звѣзду, которая на этотъ разъ спряталась за тучу. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Батой черезъ родственниковъ и довѣренныхъ лицъ, въ аулѣ насъ ожидало сто шестьдесятъ человѣкъ, изъ нихъ сорокъ семь—жители собственно Шаухалъ-юрта; свѣдѣнія эти подтверждались впослѣдствіи показаніями лазутчиковъ. Шамиль сидѣлъ 18-го января въ большой Чечнѣ, не подозрѣвая, что происходитъ въ ущельяхъ малой. Круковскій не замѣтилъ никакихъ признаковъ недавняго присутствія человѣка въ окрестностяхъ аула: страна казалась покинутою, и мертвая тишина царствовала кругомъ. Еслибы кто нибудь проходилъ по недавно выпавшему снѣгу, который еще не успѣлъ разстаять на этихъ высотахъ, то слѣды должны были бы сохраниться; но нигдѣ никакихъ слѣдовъ видно не было. Самый

ауль смотрѣлъ такимъ же необитаемымъ, какъ и всѣ видѣнные имъ на дорогѣ хутора: Шуаибъ, Ляшкерой, Пешхой и другіе. Казаки безпрепятственно обогнули всѣ зигзаги завала и за послѣднимъ изъ нихъ, упиравшимся въ крайнія сакли аула, остановились. Не довѣряя тишинѣ, изъ предосторожности, которой кавказскіе генералы научены были многими горькими опытами, атаманъ приказалъ обстрѣлять ауль ракетами. Хорунжій Дороховъ тотчасъ же обогнулъ заваль и выдвинулся впередъ въ середину карре. Лошадь ли занесла его, хотѣлъ ли онъ своимъ примѣромъ воодушевить подчиненныхъ—это тайна, которую онъ унесъ въ могилу; но только онъ доскакалъ почти до противуположной стороны площадки и первымъ выстрѣломъ изъ бойницы былъ убитъ. Ракетная команда, по приказанію Круковского, бросилась подобрать тѣло своего офицера, но чеченцы открыли по ней мѣткій огонь со всѣхъ трехъ фазовъ, и вся команда, за исключеніемъ тѣхъ, которые не пошли за Дороховымъ, была перебита недалеко отъ середины площади, слѣдовательно очень далеко отъ того мѣста, гдѣ лежалъ Дороховъ. Атаманъ обратился къ командовавшему сборнымъ казачьимъ полкомъ войск. старшинѣ Полозову съ приказаніемъ убрать тѣла убитыхъ. Полозовъ, съ двумя сотнями Волгскаго линейнаго казачьяго полка, которымъ онъ командовалъ, обогнулъ заваль и выѣхалъ на площадь аула подъ перекрестный огонь чеченцевъ. Смерть и его не пощадила: онъ прежде всѣхъ показался на площади и прежде всѣхъ былъ убитъ; почти вслѣдъ за нимъ и многіе изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ были убиты или ранены; остальные поспѣшно отступили за заваль и, отступая, также понесли уронъ. Постоянную свиту атамана въ зимнюю экспедицію 1852-го года составляли двѣнадцать георгіевскихъ кавалеровъ, выбранныхъ изъ всего линейнаго казачьяго войска, которые весной того же года должны были отправиться въ

Петербургъ, въ конвой Его Величества, на смѣну своихъ товарищей. Круковский оглянулся на нихъ, но ничего не сказалъ. Онъ, можетъ быть, оглянулся случайно. Четверо изъ нихъ посвоему истолковали этотъ взглядъ, выѣхали за заваль и въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ него были убиты. Тогда атаманъ самъ отправился съ остальными конвойными казаками по ту сторону завала, къ убитымъ. Многіе говорили тогда, что онъ давно искалъ смерти. Не думаю, чтобы это была правда: онъ былъ любимъ главнокомандующимъ, въ которомъ всегда могъ находить опору противъ своихъ недоброжелателей. Часть, съ которою онъ шелъ пожинать новые лавры, на его глазахъ потерпѣла пораженье, и онъ себя одного долженъ былъ винить въ этомъ пораженіи. Онъ зналъ, какой оборотъ будетъ данъ въ донесеніи начальника отряда дѣлу у верховьевъ Гойты, какимъ богатымъ матеріаломъ для прославленія его подвиговъ послужить число выбывшихъ изъ строя казаковъ и лошадей; но онъ былъ слишкомъ честный человѣкъ, и самая мысль о такомъ подлогѣ, которому онъ не могъ помѣшатель, должна была возмущать его. Едва онъ появился на площади, лошадь его была убита—его старый боевой товарищъ, историческій бѣлый конь, доставшійся ему также отъ знаменитаго генерала (Гурко). Атаманъ осторожно высвободилъ ногу изъ подъ лошади, обнялъ, поцѣловалъ ее и медленными, твердыми шагами, осыпaeмый градомъ пуль, направился къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Дороховъ. Конвойные его вернулись за заваль, какъ только лошадь подъ нимъ была убита, но онъ не обратилъ на это вниманія. Не отошелъ онъ и двадцати шаговъ отъ своей лошади, какъ вдругъ зашатался, остановился, но удержался на ногахъ. Пуля попала ему въ грудь выше лѣваго соска. Онъ выхватилъ шашку, воткнулъ ее въ снѣгъ, обрызганный кровью, облокотился на нее и повернулся въ ту сторону, гдѣ, по-

раженные ужасомъ, не вѣрившіе громадному несчастью, обрушившемуся на нихъ, стояли казаки. Одинъ изъ нихъ громко зарыдалъ. Минуту, можетъ быть больше, просто-ялъ атаманъ совершенно неподвижно, потомъ съ укоромъ покачалъ головой, проговорилъ что-то очень тихо, опять зашатался и упалъ навзничъ. Славная карьера была кончена. На самомъ интересномъ мѣстѣ прекрасная книга его жизни закрылась навсегда—и, кто знаетъ?—дня него, можетъ быть, къ лучшему. Можетъ быть, на послѣдующихъ ея страницахъ были бы написаны великія страданія, которыхъ онъ не заслуживалъ.

Осиротѣвшіе казаки поспѣшно отступили отъ послѣдняго зигзага завала, обогнули всѣ остальные такъ скоро, какъ только позволяла мѣстность, и возвратились къ отряду по той же дорогѣ и тѣмъ самымъ аллюромъ, которымъ они неслись за атаманомъ, когда въ первый разъ отдѣлились отъ колонны, но только далеко не въ томъ порядкѣ. Оставшіеся въ живыхъ конвойные—всего восемь человѣкъ, мучимые раскаяніемъ, спѣшили и хотѣли бѣжать на площадь лечь возлѣ своего любимаго атамана, если имъ не удастся вынести его тѣло; но имъ не позволили. „И такъ убитыхъ много!“ крикнули имъ товарищи. Крайнія сакли аула, примыкавшія къ завалу, никѣмъ не были заняты. Въ нихъ помѣщались лавки, изъ которыхъ евреи не успѣли вынести всего товара, и пока одни казаки—то были, конечно, лучшіе—принимали геройское участіе въ потрясающей драмѣ, только-что описанной, другіе—товарищи ихъ не по чувствамъ, а по оружію—опустошали эти лавки. Какъ могли они при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ явиться къ отряду съ награбленной добычей—предоставляю рѣшить болѣе глубокому изслѣдователю человѣческой природы. Всѣ говорили въ отрядѣ, не исключая и нижнихъ чиновъ, что имъ бы слѣдовало,

изъ простаго приличія, какъ можно дальше припрятать ее, а не выставлѣть напоказъ, какъ трофеи, взятые съ боя. Они, можетъ быть, не сознавали неприглядности своего поступка—иначе какъ объяснить, что всѣ они скакали впереди? Или, можетъ быть, они разсудили, что при отступленіи безопаснѣе всего впереди?

Солнце стояло высоко, когда тѣла убитыхъ были перенесены къ обозу на транспортныя повозки, а послѣдніе раненые, которыхъ было гораздо меньше, отведены на перевязочный пунктъ. Только тѣло начальника сборной ракетной команды хорунжаго Дорохова, изъ за котораго столько храбрыхъ заплатились жизнью и въ свою очередь стали тѣлами, осталось лежать тамъ, гдѣ оно лежало въ началѣ боя. Непосвященнымъ можетъ показаться страннымъ, что атаманъ такъ упорно настаивалъ на томъ, чтобы тѣло хорунжаго Дорохова не осталось въ рукахъ у непріятеля: не все ли равно, гдѣ покоемъ праху убитаго? Почему для достиженія этой цѣли, которая такъ близко граничитъ съ прихотью, онъ не только не останавливался ни передъ какими жертвами, но наконецъ и себя самого рѣшился принести въ жертву? Разъясненіе этого обстоятельства, дѣйствительно очень страннаго на первый взглядъ, между тѣмъ важно для будущей исторіи кавказской войны. Въ кавказской арміи всегда считалось позорнымъ оставить тѣло убитаго въ рукахъ непріятеля, хотя бы убитый былъ простой солдатъ; вслѣдствіе этого, отправляясь въ дѣло, каждый былъ увѣренъ, что если онъ будетъ убитъ, его не лишатъ христіанскаго погребенія, и тѣла его не оставятъ на поруганіе иновѣрцевъ и на сѣденіе звѣрямъ. Къ тому же, если тѣла брошены, значитъ поле сраженія осталось за непріателемъ, а въ малой войнѣ съ племенами, для которыхъ не существуетъ международнаго права, это можетъ имѣть послѣдствіемъ упадокъ духа въ войскахъ. Вотъ почему

сами начальники частей всегда заботились о томъ, чтобы тѣла убитыхъ были прибраны, хотя для этого приходилось иногда приносить новыя жертвы. Этимъ обычаемъ, не только трогательнымъ, но и совершенно раціональнымъ съ точки зрѣнія кавказской войны, объясняется роковая развязка рекогносцировки Круковского къ верховьямъ Гойты. Чеченцы знали этотъ обычай; они только не знали, что между убитыми находился генералъ, начальникъ кавалеріи, наказный атаманъ, за которымъ возится иногда больше значковъ, нежели за всѣми ихъ наибамъ, вмѣстѣ взятыми. Оружіе Круковского—шашка, кинжалъ и карманные лепажевскіе пистолеты, ордена его, золотые часы, все досталось непріятелю; даже одежду съ него сняли, все, кромѣ бѣлья. Еслибы они могли подозрѣвать, кто этотъ убитый, они бы далеко припрятали его тѣло, прежде нежели подоспѣли войска, и громадный выкупъ потребовали бы за него. Шамиль много смѣялся надъ ихъ наивностью, хотя въ воззваніи своемъ къ жителямъ малой Чечни въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался объ ихъ поведеніи 18-го января. „Если вы за тѣло какого нибудь юзбаши (сотеннаго начальника)—говорилъ онъ депутаціи отъ Гойты—взяли шестьдесятъ тумановъ ¹³⁾, то за атамана вамъ бы дали въ шестьдесятъ разъ болѣе. Какъ вы не догадались, когда снимали съ него ордена, дорогое оружіе, богатую одежду, что это очень большой наибъ“? Всѣ тѣла убитыхъ были

¹³⁾ Одинъ туманъ заключаетъ въ себѣ десять рублей. Такимъ образомъ, князь Барятинскій за тѣло хорунжаго Дорохова заплатилъ шестьсотъ рублей. Переговоры объ его выкупѣ тянулись цѣлыхъ три недѣли; наконецъ, его доставили въ лагерь расклеванное хищными птицами, обглоданное шакалами. Онъ также выкупилъ ордена Круковского: Станислава 1-й степени—большой крестъ, который носится на шеѣ, и Георгія 4-й степени. Изъ оружія, принадлежавшаго атаману, ему удалось выкупить только лепажевскіе пистолеты; съ шашкой и кинжаломъ храбраго русскаго набѣ Шамиль ни за что не хотѣлъ разстаться.

обобранны, но на всѣхъ оставлено было бѣлье ¹⁴⁾. Одного только казака, бѣдиѣ всѣхъ, даже слишкомъ бѣдно одѣтаго, никто не тронулъ, никто не польстился на его потеряныя ноговицы, грязную изодранную черкеску, оципанную папаху; казака этого приняли за убитаго, но онъ былъ живъ. Бѣдность оказала ему великую услугу: она спасла ему жизнь. Легко раненый, онъ упалъ на окровавленный снѣгъ внизъ лицомъ и притворился мертвымъ. Когда казаки, послѣ смерти атамана, бросили свою позицію у завала и начали поспѣшно отступать, чеченцы, оставшіеся одни, высыпали изъ аула на площадь, усѣянную трупами, и принялись обирать ихъ. Оставшійся въ живыхъ казакъ затаилъ дыханіе: рана не очень беспокоила его, но онъ лежалъ въ снѣгу, и къ нему подбиралась лихорадка. Онъ употребилъ всю энергію, на которую способенъ человѣкъ, когда его жизни угрожаетъ опасность, и ни однимъ мускуломъ не шевелился. Такъ пролежалъ казакъ до прихода драгунъ. Какъ только у дальнихъ зигзаговъ завала показались наши эскадроны, чеченцы немедленно очистили площадь и разбрелись по саклямъ. Казакъ свободно вздохнулъ: пытка его должна была сейчасъ кончиться. Онъ несказанно обрадовался, когда увидѣлъ наконецъ своихъ, услышалъ русскую рѣчь. Онъ вскочилъ на ноги и хотѣлъ броситься къ завалу. Драгуны, принявшіе его за чеченца, не успѣвшаго добѣжать до сакли, прицѣпились въ него. Тогда онъ снялъ папаху, чтобы показать, что у него на головѣ волосы, и что онъ не чеченецъ. Не успѣлъ онъ опять надѣть папаху, какъ чеченцы, увидѣвъ по волосамъ на головѣ, что это гяуръ, и догадавшись, что это тотъ самый

¹⁴⁾ Въ этомъ отношеніи чеченцы стоятъ гораздо выше лезгинъ, которые не только снимаютъ съ убитыхъ все до послѣдней нитки, но еще и позволяютъ себѣ самыя циническія издѣвательства надъ ихъ трупами.

казакъ, котораго они принимали за убитаго, изъ нѣсколькихъ винтовокъ съ боковыхъ фасовъ дали по немъ залпъ. Онъ упалъ, но ни одна пуля не коснулась его; ему суждено было остаться въ живыхъ, чтобы было кому повѣдать исторію о послѣднихъ минутахъ незабвеннаго атамана, которыхъ онъ былъ единственнымъ близкимъ свидѣтелемъ. Атаманъ убитъ въ десяти или двѣнадцати шагахъ отъ него; онъ только не разслышалъ послѣднихъ словъ его, которыя весьма тихо были произнесены. Ползкомъ пробираясь по окровавленному снѣгу между тѣлами убитыхъ, казакъ съ великимъ трудомъ добрался до завала, и когда драгуны перетаскивали его черезъ завалъ на свою сторону, онъ заплакалъ отъ избытка радости и бросился обнимать и цѣловать всѣхъ, кто попадался ему подъ руку. Ни одному человѣку въ этомъ цѣломъ отрядѣ не довелось ни въ этотъ, ни во всѣ послѣдующіе дни испытать столько сильныхъ ощущеній въ короткій полутора-часовой промежутокъ времени, показавшійся ему вѣкомъ. Князь Барятинскій подарилъ ему пятьдесятъ рублей; офицеры давали ему кто сколько могъ.

Въ половинѣ перваго весь отрядъ былъ въ сборѣ, и живые, и мертвые—всѣ, кромѣ Дорохова, который присоединился къ нему только 8-го февраля въ самомъ жалкомъ видѣ. Уборка тѣлъ не обошлась безъ потерь, но при отступленіи нашихъ войскъ отъ завала по нимъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Князь Барятинскій былъ впереди отряда при обратномъ его движеніи; рядомъ съ нимъ ѣхалъ Бата, нѣсколько поодаль свита, а за нею наша кавалерія. О настроеніи войскъ, особенно линейныхъ казаковъ, я не буду распространяться; я только теперь могъ представить себѣ, что должны были чувствовать сунженскіе казаки, когда вынесли изъ строя умирающаго Слѣпцова. Князь Барятинскій плакалъ; онъ и не скрывалъ сво-

ихъ слезъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ два раза подносилъ платокъ къ глазамъ. Онъ любилъ Круковского, часто заходилъ къ нему и по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ его шатрѣ. Одинъ разъ онъ засталъ его за обѣдомъ. Круковский предложилъ ему баранины съ чеснокомъ. Бяратинскій очень удивился, что у генерала за столомъ подаютъ такое странное блюдо; однако, уступая настоятельному приглашенію радушнаго амфитріона, рѣшилъ отвѣдать его и нашелъ очень вкуснымъ и оригинальнымъ. „Баранина съ чеснокомъ произведетъ переворотъ въ нашемъ вкусѣ—замѣтилъ ему Круковский—и я увѣренъ, что вы часто будете заказывать ее“. Пророчество Круковского сбылось: послѣ смерти его, въ воспоминаніе объ немъ, Бяратинскій дѣйствительно иногда требовалъ себѣ баранины съ чеснокомъ, къ великому соблазну метръ-д'отеля своего и въ особенности повара. При движеніи на Гойту, кромѣ казаковъ, бывшихъ съ атаманомъ въ Шаухаль-юртѣ, кромѣ 2-го дивизіона драгунъ, двухъ баталіоновъ князя Воронцова полка и стрѣлковой команды, ходившихъ подбирать тѣла убитыхъ, никто въ цѣлой колоннѣ не слышалъ ни одного выстрѣла, орудійнаго или ружейнаго, своего или непріятельскаго, а между тѣмъ на подводахъ, слѣдовавшихъ въ обозѣ, едва доставало мѣста для убитыхъ и раненыхъ. Это производило на многихъ очень странное впечатлѣніе. Отступали мы также въ тишинѣ, напоминавшей ночное движеніе, но отступали поспѣшно: нужно было уходить отъ этихъ мѣстъ какъ можно скорѣе. Когда еще мы не трогались съ позиціи, изъ нашего лагеря у Бани-юрта прискакалъ къ Батѣ лазутчикъ съ извѣстіемъ, что Шамиль, съ двумя тысячами кавалеріи и двумя орудіями, двинулся изъ большой Чечни форсированнымъ маршемъ къ гойтенскимъ хуторамъ. Но извѣстіе это оказалось невѣрнымъ: Шамиль только передъ вечеромъ въ тотъ день узналъ о происходившемъ въ малой

Чечнѣ утромъ. Онъ дѣйствительно собиралъ кавалерію, когда узналъ о прибытіи барона Вревскаго въ отрядъ съ однимъ баталіономъ, но отказался отъ своего намѣренія, такъ какъ не зналъ о настоящей цѣли усиленія нашего отряда. Отступивъ отъ верховьевъ Гойты, мы повернули на сѣверъ къ Черной полянѣ вмѣсто того, чтобы держаться сѣверо-восточнаго направленія, т. е. дороги на Бани-юртъ. И такъ, мы навремя простились съ Гойтой. Эта рѣка принадлежитъ къ числу самыхъ фатальныхъ мѣстностей восточнаго Кавказа. Всѣ столкновенія, какія мы имѣли на ней, обходились намъ дорого. Нельзя сказать, чтобы ущелья ея были гораздо недоступнѣе, овраги глубже и обрывистѣе и теченіе во время разливовъ быстрѣе, нежели у другихъ рѣкъ малой Чечни, къ которой она принадлежитъ только лѣвымъ берегомъ, составляя границу между ею и большой Чечней; нельзя также сказать, чтобы населеніе ея было воинственнѣе. Нѣтъ,—но она именно фатальная рѣка. Было около трехъ часовъ пополудни, когда мы подошли къ Урусъ-Мартану и расположились за его оградой. Снѣгъ уже пересталъ таять, хотя солнце еще свѣтило, и небо было ясно. Становилось холодно; мелкія лужи успѣли подернуться тонкимъ слоемъ льда и казались осколками битыхъ стеколъ. Мы устали, продрогли и проголодались; дровъ достать было негдѣ, чтобы развести огонь; утолить голодъ было нечѣмъ, а выступленіе назначено черезъ три часа, и до лагеря еще далеко. Изъ трехъ потребностей мы имѣли возможность удовлетворить только одной; чѣмъ и воспользовались съ присущею нашему возрасту беззаботностью: разостлали бурки на полузамерзшей землѣ, подложили подъ головы сѣдельныя подушки и заснули крѣпкимъ сномъ, нисколько не думая о томъ, что запасаемся обильнымъ матеріаломъ для будущихъ ревматизмовъ.

Черезъ часъ морозъ поднялъ меня на ноги, и я отправился въ укрѣпленіе проститься съ прахомъ дорогаго человѣка, который былъ моимъ мудрымъ и кроткимъ наставникомъ, когда я дѣлалъ первые шаги на служебномъ поприщѣ, и воспоминаніямъ о которомъ отведено въ моемъ сердцѣ мѣсто наравнѣ съ самыми свѣтлыми воспоминаніями моей молодости. Крюковскій лежалъ въ отдѣльномъ покое на голыхъ нарахъ; онъ былъ раздѣтъ, и когда я вошелъ, нѣсколько человѣкъ казаковъ съ угрюмыми и озбоченными лицами собирались обмывать его. Одинъ, невысокаго роста, среднихъ лѣтъ, стоялъ въ сторонѣ и горько, безутѣшно плакалъ. Когда атамана въ первый разъ пронесли мимо насъ завернутаго въ рогожу, я былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ офицеровъ, которые даже не прослезились: тогда я былъ въ какомъ-то оупѣніи, точно все еще не вѣрилось мнѣ, что могло случиться такое несчастье. Теперь я заплакалъ въ первый разъ послѣ того, какъ оно обрушилось на насъ—можетъ быть потому, что глубокое горе казака было слишкомъ заразительно, или что я видѣлъ своими глазами безжизненнымъ того человѣка, который только въ эту ночь обратился ко мнѣ съ нѣсколькими словами, послѣдними, сказанными имъ мнѣ тихимъ, мягкимъ голосомъ, котораго я и теперь еще не забылъ. На груди покойнаго, выше лѣваго соска, виднѣлось маленькое красное пятнышко, указывавшее на отверстіе, въ которое вошла смерть вслѣдъ за чеченской пулей. Остальныя двѣ раны нанесены были ему послѣ, когда онъ лежалъ уже на груди, лицомъ къ землѣ, безъ признаковъ жизни: одна, глубокая и широкая, шла отъ праваго плеча наискось черезъ всю спину до лѣваго бедра. Еще одинъ такой ударъ пашкой по тому же мѣсту, и тѣло было бы разрублено надвое. Другая, также глубокая рана позади лѣваго уха, мимо нижней челюсти, отдѣляла весь лѣвый профиль голо-

вы отъ затылка и шеи, но лицо было нетронуто; оно выражало то ясное спокойствіе, которымъ бѣдный атаманъ при жизни не наслаждался. Онъ казался спящимъ и какъ будто улыбающимся во снѣ. Казаки говорили вполголоса, точно боялись разбудить покойника. Тутъ же стояла большая госпитальная ванна; въ ногахъ лежала чистая простыня. Скорбь казака, не принимавшаго участія въ омовеніи, сильно интересовала меня. Я тутъ же любопытствовалъ узнать, отчего онъ больше другихъ сокрушается объ утратѣ, одинаково тяжелой для всѣхъ. Мнѣ рассказали одинъ трогательный эпизодъ, въ которомъ съ особенною рельефностью выступаетъ та именно черта характера Крюковского, которую онъ такъ ревниво скрывалъ отъ свѣта — его благотворительность и состраданіе ко всѣмъ обездоленнымъ и угнетеннымъ. Съ самаго начала своего вступленія въ должность наказнаго атамана, когда, кромѣ нѣкоторыхъ строевыхъ казаковъ, его въ лицо никто не зналъ, онъ нерѣдко заглядывалъ въ самыя убогія лачужки, гдѣ окольными путями и осторожными распросами вывѣдывалъ о настоящихъ причинахъ незавиднаго положенія казака, была ли виной тому его собственная разгульная жизнь, или поборы и притѣсненія станичныхъ властей: неправильные наряды на службу, неравномѣрное распредѣленіе льготныхъ сроковъ и т. д. Въ одно изъ такихъ посѣщеній ему пришлось выслушать отъ хозяйки, не подозрѣвавшей кто ея посѣтитель, очень жесткое нравоученіе, приправленное энергическими эпитетами. „Чаво лѣзешь съ грязными лапами прямо въ хату“, гнѣвно крикнула она на него, какъ только онъ переступилъ черезъ порогъ, и принялась отчеканивать ему и „москаля триклятаго“ и „нехриста окаяннаго“. Крюковский слушалъ понутивъ голову и робко извиняясь разсѣянностью. Когда она окончила свою филиппику, онъ осадилъ назадъ въ прихожую, старательно вытеръ объ валяв-

шуюся тамъ охалку сѣна свои грязные сапоги и, вернувшись въ горницу, протянулъ руку къ вѣнику, стоявшему въ углу подлѣ двери. „Не тронь“, остановила она его, видимо смягченная его смиреніемъ; „бабье дѣло, не твое. Можетъ, чихиря выпьешь съ дороги“? И не дождавшись его отвѣта, захватила съ собой большую каменную чашку и спустилась въ погребъ. Крюковскій выложилъ на столъ пять полуимперіаловъ и незамѣтно скрылся, прежде нежели вернулась казачка. Казакъ, стоявшій въ сторонѣ и горько плакавшій, былъ мужемъ той казачки. Крюковскій до самой смерти своей не переставалъ поддерживать его своими скромными субсидіями и скоро поставилъ на ноги,—не его одного, а многихъ другихъ, такихъ же пришибленныхъ нуждой, если только не по своей винѣ, а другими, посторонними причинами доведены они были до положенія, граничащаго съ нищетою. Я провелъ не менѣе получаса въ обществѣ казаковъ надъ дорогимъ прахомъ, и когда возвращался къ своему негостепріимному биваку, то увидѣлъ за крѣпостной оградой огромную толпу людей всякаго оружія, обступившую кого-то или что-то. Я подошелъ поближе. Въ самой серединѣ толпы стоялъ тотъ самый казакъ, который сначала, по ошибкѣ чеченцевъ, принявшихъ его за убитого, остался въ живыхъ, а потомъ, по ошибкѣ своихъ, принявшихъ его за чеченца, едва не былъ убитъ, и наконецъ какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти въ третій разъ, когда снялъ папаху и по немъ дали залпъ. Онъ долгое время былъ героемъ и оракуломъ, котораго сходились слушать казаки и солдаты. Онъ одинъ былъ свидѣтелемъ того, что происходило въ аулѣ и на площади по уходѣ казаковъ и до прихода войскъ, присланныхъ подбирать тѣла. Онъ одинъ могъ рассказать подробности возмутительной сцены избіенія раненыхъ и ограбленія убитыхъ. Свѣдѣнія, доставленные впослѣдствіи лазутчиками, под-

твердили большую часть его показаній. Отъ него также узнали, что чеченцевъ, если только всѣ принимавшіе участіе въ бою выходили на площадь по уходѣ казаковъ, было не болѣе семидесяти или восьмидесяти человѣкъ; раненыхъ между ними онъ не замѣтилъ. По словамъ лазутчиковъ, въ дѣлѣ 18-го января участвовало сто шестьдесятъ человѣкъ, т. е. всѣ наличные жители гойтенскихъ хуторовъ способные носить оружіе, и что ранеными они потеряли семь человѣкъ. Тѣ ли, другія ли цифры справедливы, онѣ во всякомъ случаѣ слишкомъ краснорѣчивы и не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ. Въ колоннѣ, стоявшей у верховьевъ Гойты, было четыре баталіона пѣхоты ¹⁵⁾, вся кавалерія чеченскаго отряда и шесть орудій, не принимавшихъ участія въ бою, такъ какъ артилерія не могла двигаться по трущобамъ гойтенскаго ущелья.

Въ седьмомъ часу вечера, когда на всѣхъ широтахъ небеснаго свода живописными группами свѣтились отдаленные міры, а въ окнахъ уединенно стоявшаго укрѣпленія зажглись привѣтливые огоньки, колонна выступила отъ укр. Урусъ-Мартана и по большой русской дорогѣ направилась къ большой Чечнѣ. Шествіе наше было похоже на похоронное: ни пѣсень, ни громкаго говора; только шумъ движущейся толпы, мѣрный и монотонный, какъ шумъ воды, да конскій топотъ, гулко отдававшійся въ прозрачномъ воздухѣ, нарушали тишину холодной зимней ночи. Мы потеряли въ этотъ день, по донесенію начальника отряда ¹⁶⁾,

¹⁵⁾ 1-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, 3-й и 4-й баталіоны и ракетная команда егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, команда изъ десяти человѣкъ кавказскаго сапернаго баталіона, усиленная пѣхотой съ шанцевымъ инструментомъ, два дивизіона драгунъ, шесть сотенъ сборнаго полка линейнаго казачьяго войска и сборная того же войска ракетная команда, взводъ легкой № 5 батареи 20-й артилерійской бригады и дивизіонъ конно-артилерійской № 15 батареи.

¹⁶⁾ 22-го января № 16.

убитыми, кромѣ генералъ-маіора Крюковского: командовавшаго сборнымъ линейнымъ казачьимъ полкомъ и командира Волгскаго линейнаго казачьяго полка войсковаго старшину Полозова, хорунжихъ Дорохова и Романова, нижнихъ чиновъ двадцать; ранеными: егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка подпоручика Хилинскаго, драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка поручика Реннера, Гребенскаго казачьяго полка сотника Богаевского, чеченской милиціи прапорщика Ампугу Гендергинеева и нижнихъ чиновъ двадцать семь. На самомъ же дѣлѣ у насъ выбыло изъ строя, кромѣ генерала и офицеровъ, показанныхъ въ донесеніи, убитыми—нижнихъ чиновъ восемьдесятъ шесть, ранеными при уборкѣ тѣлъ—такъ какъ прежде раненые, кромѣ одного казака, всѣ были изрублены—двадцать семь человѣкъ. Трофеи, доставшіеся непріятелю, состояли: изъ тѣла одного убитаго офицера, четырехъ конныхъ ракетныхъ станковъ, восьмидесяти шести полныхъ казачьихъ вооруженій, не считая оружія, бывшаго на генералѣ и убитыхъ офицерахъ. Вечеромъ того же дня по всему лагерю распространился слухъ, что атаманъ предчувствовалъ свою смерть; что передъ выступленіемъ въ набѣгъ, съ вечера до той самой минуты, когда къ нему подвели коня, онъ стоялъ на колѣняхъ и со слезами на глазахъ молился. Въ нѣсколько дней эта легенда обошла всю линію, и не было станицы, гдѣ бы она не повторялась; мы заставляли ее вездѣ по Тереку, когда полтора мѣсяца спустя возвращались въ свою штабъ-квартиру. Современемъ она, какъ фактъ, быть можетъ, пригодится историку. Кто сочинилъ эту легенду—неизвѣстно.

Когда 18-го января, при отступленіи отъ верховьевъ Гойты, уклонившись подъ очень незначительнымъ угломъ отъ сѣвера къ сѣверо-западу, мы направлялись къ Урусъ-Мартану, то увидѣли далеко влѣво, надъ однимъ изъ ущель-

лій Черныхъ горъ, длинную полосу дыма, которая, благодаря совершенно тихой погодѣ, не наклонялась ни въ какую сторону, но поднималась все выше и выше. Повременамъ изъ того же ущелья до насъ глухо доносились орудійные выстрѣлы, и тогда въ какомъ нибудь мѣстѣ видѣнной нами полосы происходило колебаніе, и дымъ становился гуще. Минуть черезъ двадцать изъ ущелья стали показываться темныя фигуры людей, и заиграли на солнцѣ штыки, число которыхъ быстро росло. Вскорѣ мы увидѣли цѣлую колонну, не уступавшую нашей, съ артилеріей, которой у нея было больше, и съ кавалеріей; колонна направлялась на сѣверо-востокъ, слѣдовательно шла какъ-разъ на встрѣчу нашимъ войскамъ. Мы сначала ничего не понимали; особенно приводило насъ въ недоумѣніе присутствіе въ этой колоннѣ кавалеріи, когда вся кавалерія чеченскаго отряда была съ нами. Мы стали понемногу привыкать къ сюрпризамъ нашей экспедиціи, какъ привыкаетъ человѣкъ ко всему, даже къ неожиданностямъ. Послѣ мы узнали, въ чемъ дѣло: кн. Барятинскій, предупрежденный Батой о неимовѣрныхъ трудностяхъ при движеніи къ верховьямъ Гойты, рѣшился сдѣлать нападеніе одновременно на два пункта, недалеко отстоящіе одинъ отъ другаго, для того, чтобы развлечь вниманіе и силы непріятеля, если онъ окажется въ сборѣ, и отнять у жителей нагорной Чечни возможность подавать другъ другу руку помощи. Ближайшимъ къ гойтенскому ущелью густо населеннымъ пунктомъ Черныхъ горъ было ущелье рѣки Рошни, лѣваго и главнаго притока Мартана. Правда, между Гойтой и Рошной было еще два ущелья—мартанское и теньгинское; но хутора перваго изъ нихъ такъ далеко углубились въ горы и расположены были въ такой дикой мѣстности, что проникнуть къ нимъ можно было не иначе, какъ съ десятию или двѣнадцатію баталіонами пѣхоты, съ огромною потерей въ людяхъ и даже, можетъ

быть, при неблагопріятномъ оборотѣ дѣла, съ пожертвованіемъ нѣкоторой части артилеріи—что не должно казаться невѣроятнымъ, такъ какъ вся непріятельская артилерія, полевая и крѣпостная, состояла изъ отбитыхъ у насъ орудій. По ущелью сравнительно довольно доступной Теньги—праваго притока Мартана—напротивъ, разбросаны были сакли двухъ или трехъ незначительныхъ хуторовъ, и движеніе къ нимъ нашихъ войскъ было бы принято горцами, и совершенно основательно, за простую демонстрацію, произведенную съ цѣлью замаскировать главное предпріятіе. И такъ, выборъ поневолѣ долженъ былъ пасть на Рошню, до которой смерть помѣшала добраться Слѣпцову. Князь Барятинскій пригласилъ въ лагерь командовавшаго войсками владикавказскаго военного округа генералъ-маіора барона Вревскаго, который, какъ уже было сказано въ своемъ мѣстѣ, 16-го января, съ первымъ баталіономъ Эриванскаго полка, прибылъ изъ Владикавказа въ отрядъ, откуда долженъ былъ двинуться къ верховьямъ Рошни 17-го января. Такъ какъ Рошняя отстоитъ отъ Бани-юрта гораздо дальше Гойты, то колонна, состоявшая также изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, десяти орудій и команды саперъ ¹⁷⁾, выступила тремя часами раньше нашей, и притомъ такъ скрытно и осторожно, что стоявшіе лагеремъ на правомъ берегу Аргуна ничего не знали о ея выступленіи. Войска шли въ глубокой тишинѣ и безъ дорогъ, придерживаясь закрытыхъ мѣстностей, какъ можно ближе къ

¹⁷⁾ 4-й баталіонъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, 1-й, 2-й и 4-й баталіоны егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка и того же полка ракетная команда, сорокъ человѣкъ кавказскаго сапернаго баталіона, взводъ батарейной № 1 батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, взводъ батарейной № 3 батареи 19-й артилерійской бригады, взводы легкихъ орудій батарейной № 4 и легкой № 5 батарей 20-й артилерійской бригады, взводъ донской конно-артилерійской № 7 батареи.

лѣсамъ, растущимъ у предгорій, такъ что въ эту темную ночь, между черными шпалерами лѣсовъ, движеніе войскъ не могло быть замѣчено съ обнаженной полосы чеченской равнины, въ свою очередь окутанной мракомъ. Колонна барона Вревскаго была счастливѣе нашей: два проводника ея до конца остались вѣрными принятому ими на себя обязательству.

Сѣверные склоны Черныхъ горъ не вездѣ свѣшиваются обрывами надъ плоскостью. Нѣкоторые изъ нихъ, постепенно понижаясь отъ верхнихъ террасъ, далеко заходятъ на плоскость, гдѣ своими ребрами образуютъ сухія балки и глубокіе овраги съ безыменными ручьями, которые въ это время года покрываются тонкимъ слоемъ льда. Эти неровности, безпрестанно попадавшіяся на пути слѣдованія колонны, особенно при переходѣ черезъ нихъ артилеріи, не могли не производить разстройства въ рядахъ; но такъ какъ баронъ Вревскій долженъ былъ напасть на аулы Рошни одновременно съ нападеніемъ князя Барятинскаго на аулы Гойты, то чтобы движеніе колонны не замедлялось встрѣчавшимися на пути преградами, войска ускоряли шагъ всякій разъ, какъ только позволяла мѣстность. Съ половины ночи началъ падать густой снѣгъ, прекратившійся только на разсвѣтѣ, когда войска подошли къ Рошнѣ. Здѣсь, на правомъ берегу рѣки, колонна остановилась перевести духъ. Продолжая соблюдать величайшую тишину, войска расположились въ глубокой балкѣ, поросшей частымъ лѣсомъ, передъ самымъ входомъ въ ущелье. Для того, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, баронъ Вревскій заложилъ надъ самымъ краемъ лоцины четыре обсервационныхъ пикета, по два человѣка каждый; три изъ нихъ обращены были къ сторонѣ ущелья, а четвертый долженъ былъ наблюдать за большой русской дорогой. Не прошло и десяти минутъ, какъ этотъ послѣдній далъ знать о по-

явленіи на плоскости довольно значительной конной партіи, быстро приближавшейся со стороны Ачхоя. Вревскій тотчасъ поднялся на край оврага и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ смотрѣлъ въ зрительную трубу по указанному ему направленію; послѣ этого онъ спокойно свернулъ ее и расположился у четвертаго пикета. Партія, показавшаяся на плоскости и двигавшаяся сначала очень скоро, по мѣрѣ приближенія къ Рошнѣ стала замедлять аллюръ и показывать признаки нерѣшимости: то она принимала вправо, то подавалась влѣво, то возвращалась на прежнюю дорогу. Баронъ Вревскій, внимательно слѣдившій за всѣми ея движеніями, улыбнулся и выслалъ къ ней на встрѣчу одного милиціонера съ приказаніемъ проводить ее къ оврагу. Эта партія состояла изъ пяти сотень 1-го Сунженскаго полка, подъ начальствомъ преемника Слѣпцова войсковаго старшины Предимирова, вызваннаго съ Сунжи барономъ Вревскимъ наканунѣ. Мѣстность, выбранная для отдыха войскъ, была до того скрытная, что Предимирову долго пришлось бы бродить съ своими казаками по плоскости, отыскивая колонну, еслибы къ нему не выслали проводника. Около восьми часовъ утра войска, все въ той же тишинѣ, стали подниматься изъ балки. Если движеніе Предимирова черезъ плоскость не было замѣчено изъ ущелья, то присутствіе колонны пока еще не могло быть открыто, такъ какъ между ущельемъ Рошни и равниной протянулся густой и высокій лѣсъ, совершенно занавѣшивавшій верховья рѣки со стороны большой русской дороги. Безъ шума, со всѣми предосторожностями, какихъ требовало близкое сосѣдство ауловъ, провезена была черезъ лѣсъ артилерія, причемъ не обошлось, какъ и всегда почти въ лѣсахъ и на переправахъ, безъ нѣкоторыхъ поврежденій, которыя тутъ же наскоро исправлялись. Артилерія, приносившая громадную пользу въ нашихъ экспедиціяхъ, энергически содѣйствуя

успѣхамъ самыхъ отчаянныхъ предпріятій отрядныхъ начальниковъ, въ то же время чрезвычайно затрудняла движенія нашихъ колоннъ и бывала иногда невольною причиною преждевременнаго ихъ открытія. Въ лѣсу, недалеко отъ опушки, противъ правой цѣпи, въ двухъ мѣстахъ ясно были видны совершенно свѣжіе слѣды костровъ, разведенныхъ вѣроятно чеченскими пикетами: изъ золы торчало нѣсколько обуглившихся кругляковъ, которые еще курились, когда колонна проходила мимо ¹⁸⁾. Очень можетъ быть, что чеченцы, стоявшіе въ эту ночь на пикетѣ, были посвящены проводниками въ тайну ночнаго движенія барона Вревскаго и за извѣстное вознагражденіе согласились не видѣть нашей колонны, т. е. по какимъ нибудь уважительнымъ причинамъ избрали для наблюденія за дорогами другія мѣста, которыя наши войска должны были оставить далеко въ сторонѣ. Подобныя стачки не были исключительными явленіями на театрахъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ закрытыхъ и пересѣченныхъ мѣстностяхъ и отъ времени до времени давали возможность нашимъ отрядамъ появляться неожиданно въ самыхъ сокровенныхъ тупикахъ и заставать жителей совершенно врасплохъ ¹⁹⁾. Къ рошненскимъ хуторамъ не было въ то время другой дороги, кромѣ двухъ узкихъ тропинокъ: одной, извиравшейся по дну оврага правымъ берегомъ Рошни, другой—нѣсколько лѣвѣе и гораздо выше первой, пролежавшей по гребню стремнины съ обрывистыми боками. Обѣ эти тропинки шли черезъ густой лѣсъ, въ которомъ по всѣмъ

¹⁸⁾ Офицеръ, которому я обязанъ подробнымъ описаніемъ движенія барона Вревскаго къ верховьямъ Рошни, увѣрялъ меня, что самъ видѣлъ далеко вправо отъ дороги всадника, который, притаившись за деревомъ, слѣдилъ за всѣми движеніями нашихъ войскъ.

¹⁹⁾ Въ одномъ изъ такихъ набѣговъ довелось участвовать пишущему эти строки: жители еще спали, когда мы окружили аулъ.

направленіямъ набросаны были завалы, составлявигіе отличительную черту всѣхъ подступовъ къ верховьямъ рѣкъ большой и малой Чечни. Кромѣ того, верхняя тропинка въ одномъ мѣстѣ перепоясана была высокимъ брустверомъ съ глубокимъ рвомъ. Казаки пробирались нижней тропинкой, по берегу Рошни; они далеко опередили колонну, а потому, не доходя опушки лѣса, въ скрытномъ мѣстѣ остановились. Тамъ имъ вѣрно было, не спѣшиваясь и соблюдая мертвую тишину, стоять до прибытія пѣхоты съ артилеріей.

Долго не показывалась колонна изъ глубины лѣса: съ невѣроятными трудностями приходилось ей бороться. Усиліями цѣлыхъ взводовъ, иногда цѣлыхъ ротъ, сворачивались исполинскія деревья, преграждавшія путь артилеріи и обозу—и все это дѣлалось въ глубокомъ молчаніи. Приказанія отдавались вполголоса или жестами, въ которыхъ кавказскіе солдаты не особенно нуждались, такъ какъ любили свою артилерію и съ истинно отеческою заботливостью ухаживали за каждымъ орудіемъ въ трудно проходимыхъ мѣстностяхъ. Давно не встрѣчали наши войска такого негостепріимнаго лѣса, какъ тотъ, которымъ они пробирались къ верховьямъ Рошни. Шиповникъ, дереза и другія колючія растенія, вмѣстѣ съ вьющимися и ползучими, заплетали густою сѣтью промежутки между деревьями; саперы рубали ихъ тесаками, многіе нетерпѣливые солдаты, не обращая вниманія на ссадины, царапины и глубокія занозы, разрывали ихъ руками. Люди безпрестанно падали, то спотыкаясь о пни, прикрытые валежникомъ, то попадая въ ямы, которыхъ за густымъ слоемъ хвороста и опавшихъ листьевъ нельзя было видѣть. Припоминая характеръ мѣстностей, по которымъ въ большой и малой Чечнѣ приходилось иногда двигаться нашимъ колоннамъ, особенно въ ночное время, невольно удивляешься тому, что при частыхъ паденіяхъ солдатъ, усталыхъ, полусонныхъ, никогда ни

одно ружье не давало выстрѣла. Это, конечно, счастливая случайность, благодаря которой мы избѣгали опасности быть преждевременно открытыми; но эта случайность покровительствовала намъ во всѣхъ нашихъ экскурсіяхъ и обратилась, такъ сказать, въ правило, которому мы не знали исключеній. Только къ половинѣ десятого колонна присоединилась къ казакамъ. Вревскій взглянулъ на часы, и на лицѣ его выразилось безпокойство: по его соображеніямъ, дѣло у верховьевъ Гойты должно было уже начаться, и онъ опоздалъ. Онъ нѣсколько минутъ прислушивался къ той сторонѣ, гдѣ должна была находиться колонна князя Барятинскаго, но тамъ было тихо. Онъ успокоился.

Теперь главнѣйшею его заботою было, прежде нежели двинуться впередъ, обезпечить себѣ отступленіе. Съ этою цѣлью второй баталіонъ егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, съ командою саперъ, долженъ былъ остаться въ опушкѣ и немедленно приступить къ вырубкѣ лѣса по обѣ стороны верхней тропинки; затѣмъ вернуться къ ретраншаменту, опоясывавшему верхнюю тропинку, и засыпать часть его рва настолько, чтобы черезъ него можно было безпрепятственно провезти артилерію, и вообще постараться, если только позволить время, уничтожить всѣ важнѣйшія преграды къ быстрому отступленію. Баронъ Вревскій не скрываетъ въ своемъ донесеніи ²⁰⁾, что отступать ему придется быстро. Это выраженіе достаточно характеризуетъ мѣстность, черезъ которую войска проходили при наступленіи. Скрываться далѣе отъ непріятеля не было ни надобности, ни возможности, и въ тотъ самый моментъ, когда въ лѣсу раздались первые удары топоровъ, на совершенно открытой полянѣ показалась вся остальная колонна. Рошненская поляна имѣетъ овальную форму, довольно

²⁰⁾ 22-го января № 127.

близко подходящую къ эллипсису, большая ось котораго съ сѣвера на югъ имѣетъ протяженія около четырехъ верстѣ, а малая, съ востока на западъ, простирается версты на двѣ. Восточную дугу ея, начиная съ сѣверной оконечности, ооясываетъ лѣсъ, который постепенно удаляется отъ праваго берега рѣки, черезъ что поляна расширяется и достигаетъ наибольшей ширины у малой оси эллипсиса. Поперекъ южной оконечности поляны, между ею и подножіемъ хребта, такъ же, какъ и на рѣкѣ Гойтѣ, проходитъ глубокій оврагъ, за которымъ, покрытые лѣсомъ, начинаются первые уступы Черныхъ горъ, образующіе грандіозную и очень живописную декорацію у праваго края верховьевъ Ропни. Вдоль лѣваго берега рѣки, постепенно понижаясь къ сѣверу, тянутся послѣдніе отроги горнаго края, служащіе водораздѣломъ между ручьями и каскадами, дающими начало Рошнѣ, и верховьями Гехи. Горы эти, изрѣзанныя по всѣмъ направленіямъ глубокими морщинами, а также равнина, разстилающаяся у ихъ подножія, одѣты густыми высокоствольными лѣсами. Рошненская поляна усѣяна вся хуторами, жители которыхъ въ зимнее время перебираются въ опушку лѣса, оставляя въ лѣтнихъ хуторахъ часть домашней утвари. Доступы къ хуторамъ преграждены были засѣками, имѣвшими очертаніе равелиновъ, съ широкими проходами между оконечностями ихъ боковыхъ фасовъ и плетнями, окружавшими каждую группу хуторовъ. Вся эта система преградъ отъ самаго входа въ ущелье до крайнихъ его предѣловъ свидѣтельствовала о томъ постоянномъ опасеніи быть застигнутыми врасплохъ нашими войсками, въ которомъ проходила жизнь обитателей нагорной малой Чечни. Участь ихъ далеко не могла назваться завидною: съ одной стороны русскіе, съ оружіемъ въ рукахъ, требуютъ отъ нихъ покорности, за которую имъ мерещится и насильственное обращеніе въ

христіанство, и рекрутская повинность; съ другой—имъ угрожаютъ истребленіемъ ихъ жилищъ и всѣми страшными послѣдствіями суроваго самосуда имама въ случаѣ изъясненія ими покорности невѣрнымъ. Къ тому же, выселеніе на плоскость, на лѣвый берегъ Сунжи, по примѣру жителей праваго берега, въ глазахъ ихъ, настоящихъ горцевъ, равносильно было изгнанію. Вотъ почему жители нагорной Чечни такъ упорно отстаивали свою независимость, свое право оставаться въ горахъ, и вотъ почему всѣ наши поиски въ ущельяхъ Черныхъ горъ отмѣчены уронами, далеко не отвѣчавшими достигнутымъ нами цѣлямъ.

Стукъ топоровъ, внезапно сорвавшійся въ глубокой тишинѣ лѣса, необыкновенное движеніе въ его опушкѣ, конскій топотъ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, говоръ, поднявшійся въ нашей колоннѣ, громко произносимыя командныя слова и, наконецъ, самое появленіе нашихъ войскъ на сѣверной оконечности поляны вызвали тревогу по всему ущелью. Надъ южной оконечностью поляны показались всадники, неизвѣстно откуда вынырнувшіе; одни скакали на востокъ къ сторонѣ урусъ-мартанскаго ущелья, другіе на западъ къ верховьямъ Гехи, резиденціи гехинскаго наба, центру нагорной малой Чечни, съ густымъ, сплоченнымъ населеніемъ. Изъ лѣсовъ стали появляться пѣшіе чеченцы, хотя и захваченные врасплохъ, но замѣчательно скоро выбѣжавшіе на тревогу. Эти послѣдніе прямо бросились къ засѣкамъ, прикрывавшимъ передовые хутора. Не давая имъ опомниться, баронъ Вревскій приказалъ войсковому старшинѣ Предимирову, съ его пятью сотнями, немедленно атаковать ихъ и выбить изъ заваловъ, прежде нежели они, собравшись въ большихъ силахъ, успѣютъ стать за ними твердою ногою. Сунженскимъ казакамъ, ученикамъ и недавнимъ сподвижникамъ Слѣпцова, представлялся случай доказать войскамъ лѣваго фланга, что ими не забыты уро-

ки ихъ славнаго и незабвеннаго учителя. Выхвативъ пашки, какъ одинъ человѣкъ, они понеслись къ ауламъ развернутымъ фронтомъ, напоминая своими стройными движеніями и быстрыми эволюціями регулярную кавалерію. Чеченцы, повидимому, не ожидали такой скорой развязки. Многіе изъ нихъ не успѣли еще добѣжать до заваловъ; стоявшіе уже за ними еще не могли придти въ себя отъ неожиданности обрушившагося на нихъ несчастья и приготовиться къ отпору, какъ должны были бросить свои позиціи и устремиться къ оврагу. Казаки, не останавливаясь въ аулахъ, преслѣдовали бѣгущихъ; но такъ какъ разстояніе отъ сѣверной оконечности поляны, гдѣ стояла колонна, было слишкомъ велико въ сравненіи съ тѣмъ, которое отдѣляло завалы отъ оврага, то чеченцы успѣли добѣжать до оврага и даже спуститься въ него, прежде нежели были настигнуты, и только одинъ изъ нихъ, оступившійся въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ оврага и растянувшійся на землѣ, былъ изрубленъ. Едва казаки показались на краю оврага, какъ по нимъ съ противоположнаго берега его открыли довольно бойкій огонь другіе чеченцы, сбѣжавшіеся изъ сосѣднихъ лѣсовъ. Не отвѣчая на ихъ выстрѣлы, казаки въ свою очередь спустились въ оврагъ, все еще занятые преслѣдованіемъ первой партіи, собиравшейся къ заваламъ. Здѣсь между ними и непріателемъ произошло частное столкновеніе, причемъ чеченцы, оборонявшіеся холоднымъ оружіемъ, потеряли нѣсколько человѣкъ, раненыхъ пашками и брошенныхъ въ оврагъ. У казаковъ выбыло изъ строя двѣ лошади, получившія глубокія раны кинжалами. Большая часть чеченцевъ, принадлежавшихъ къ партіи, еще до столкновенія, какъ серны, взбѣжали на противоположный берегъ и, какъ только остались товарищи ихъ, послѣ рукопашной схватки, присоединились къ нимъ, начали обстрѣливать оврагъ, чтобы

помѣшать казакамъ переправиться черезъ него. Казаки вышли бы, можетъ быть, невредимыми изъ этого опаснаго положенія, еслибы, не останавливаясь, продолжали наступленіе; но они замѣшались въ оврагѣ, гдѣ, окруживъ двухъ смертельно раненыхъ лошадей, начали снимать съ нихъ сѣдла и уздечки и за это заплатились однимъ убитымъ, двумя тяжело ранеными, тремя лошадьми, вновь ранеными и тремя убитыми. вмѣсто двухъ сѣделъ имъ пришлось бросить теперь восемь, кромѣ того везти тѣло убитаго товарища, поддерживать двухъ раненыхъ и размѣстить трехъ оставшихся безъ лошадей—словомъ, усложнить свое и безъ того затруднительное положеніе. Когда они со дна оврага стали подниматься по крутому южному его склону, чеченцы, обдавши ихъ еще однимъ залпомъ, сдѣлавшимъ новые пробѣлы въ ихъ рядахъ, успѣли скрыться въ лѣсъ, откуда завязали съ ними перестрѣлку, какъ только казаки заняли покинутую ими позицію.

Здѣсь преслѣдованіе должно было прекратиться, даже и въ томъ случаѣ, еслибы кавалерія Предимирова сохранила всѣ свои ряды: впереди лежали горныя и лѣсныя трудящобы, въ которыя даже и пѣхотѣ опасно было забираться. Между тѣмъ нѣсколько ротъ, съ артилеріей, отправленные вслѣдъ за казаками прикрыть ихъ при отступленіи, большею частью форсированнымъ маршемъ, иногда даже бѣгомъ, почти не переводя духу, въ изумительно короткій промежутокъ времени прошли четырехверстное разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ оврага, и переправившись черезъ него, тотчасъ же смѣнили кавалерію. Эта послѣдняя, продолжая отстрѣливаться, въ порядкѣ отступила за оврагъ. Пѣхота, рассыпавшись густою цѣпью впереди оврага, открыла по непріятелю бѣглый огонь, который, будучи поддерживаемъ быстро слѣдовавшими одинъ за другимъ карго-течными выстрѣлами, очень скоро заставилъ умолкнуть

опушку лѣса. Наступилъ перерывъ боя. На полянѣ на нѣсколько минутъ водворилась тишина; стукъ топоровъ и трескъ ломавшагося лѣса, раздававшіеся за сѣверною ея оконечностью, одни пока нарушали ее. Атака сунженскихъ казаковъ и занятіе нашими войсками оврага можно назвать первымъ фазисомъ боя въ ущельи Рошни; но имъ задача барона Вревскаго далеко не была исчерпана—напротивъ, она только начиналась. Выступая изъ лагеря въ малую Чечню, по соглашенію съ княземъ Барятинскимъ, съ войсками его отряда, онъ не предполагалъ ограничиться простою рекогносцировкой къ верховьямъ рѣки; онъ шелъ туда съ тѣмъ, чтобы до тла истребить послѣднія убѣжища жителей нагорной полосы Чечни и тѣмъ заставить ихъ или отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія и положить оружіе, выселившись на лѣвый берегъ Сунжи, или же удалиться въ другія общества, подвластныя имаму, и во всякомъ случаѣ очистить страну. Съ тою же цѣлью предпринято было въ ту же ночь и движеніе колонны князя Барятинскаго къ верховьямъ Гойты. Оба они шли по стопамъ и осуществляли завѣтную мысль бывшаго начальника верхне-сунженской линіи генералъ-маіора Слѣпцова. Даже мотивы, выставленные ими въ донесеніяхъ—барона Вревскаго къ начальнику чеченскаго отряда и этого послѣдняго къ главнокомандующему, ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ мотивовъ славнаго партизана. И такъ, при обратномъ движеніи отъ подножія Черныхъ горъ колонна барона Вревскаго должна была раззорять и предавать пламени всѣ аулы и хутора, которые будутъ попадаться на пути отступленія, истреблять всѣ продовольственные запасы. Выполненіе этой задачи возложено было на первый баталіонъ князя Чернышева полка; на двѣ роты четвертаго баталіона Навагинскаго пѣхотнаго полка и одну сотню казаковъ, подъ командою полковника Булакова. Эти части

колонны должны были при отступленіи составлять правое ея крыло и, слѣдуя вдоль восточной окраины лѣса, истреблять даже зимовники чеченцевъ, притаившіеся за опушкой. Для той же цѣли остальные двѣ роты четвертаго баталіона Навагинскаго полка отдѣлены были къ лѣвому крылу, которому велѣно было по возможности слѣдовать вдоль лѣваго берега Рошни, т. е. обогнуть западную окраину поляны. Въ арріергардѣ оставленъ былъ четвертый баталіонъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, подъ командою флигель-адъютанта полковника б. Николаи. Мѣста для артилеріи должны были опредѣлиться послѣдующимъ ходомъ событій, и потому она сообразовалась съ движеніями боковыхъ колоннъ и арріергарда и слѣдовала на такомъ разстояніи отъ нихъ, чтобы въ одно мгновеніе поспѣвать на позицію къ тому или другому пункту. Какъ только показался первый огонь надъ саклями, винтовки въ лѣсу съ правой стороны разомъ заговорили и на этотъ разъ такъ бойко, что пришлось отвѣчать имъ картечью. Безстрашные горцы, озлобленные видомъ опустошенія, которымъ войска отмѣчали каждый свой шагъ, нѣсколько разъ высыпали толпами на поляну, размахивая шашками и оглашая воздухъ дикими завываньями; но впервыхъ, они видѣли передъ собой черныхъ солдатъ, роковыя встрѣчи съ которыми никогда не могли изгладиться изъ ихъ памяти, а вовторыхъ—въ резервѣ развѣвались давно знакомые имъ значки сунженскихъ казаковъ, и наконецъ картечь, къ немалому неудовольствію обѣихъ воюющихъ сторонъ, не давала имъ сходиться ближе извѣстнаго разстоянія, играя роль секунданта въ этой коллективной дуели. Цѣль движенія колонны Вревскаго была достигнута: ауловъ на Рошнѣ не существовало болѣе. Были другіе аулы выше верховьевъ рѣки; но то были орлиныя гнѣзда, доступныя только для горцевъ и горныхъ антилопъ.

Раззореніе ауловъ и сопровождавшую ихъ жаркую перестрѣлку можно назвать вторымъ фазисомъ боя. Приблизился третій, самый страшный изъ всѣхъ, такъ сказать, кризисъ боя—отступленіе войскъ по верхней тропѣ черезъ негостепріимный рошненскій лѣсъ. Въ колоннѣ всѣ сознавали важность этого момента, начиная съ предводителя ея, и всѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали наступленія его. Чеченцы, съ своей стороны, также предвидѣли серьезныя послѣдствія для русской колонны отъ этого момента; они надѣялись отпраздновать у себя годовщину пораженія арріергардной цѣпи летучаго отряда 31-го января пятьдесятъ перваго года у верховьевъ Шалажи, надѣлавшаго много шуму въ Черныхъ горахъ въ свое время. Надежды ихъ, по словамъ лазутчиковъ, простирались гораздо далѣе: они думали задержать наши войска на полянѣ до прибытія наиба Эльмурзы, и тогда, занявъ лѣсъ въ тылу колонны, не выпустить ее изъ своего ущелья. Планъ этотъ смѣлый, но не безразсудный, если принять во вниманіе неблагоприятныя для нашихъ войскъ условія мѣстности, количественный составъ колонны и несоразмѣрное съ нимъ число орудій, которыхъ на четыре баталіона было десять. Но качественный составъ колонны сторицей искупалъ всѣ перечисленныя неудобства: три баталіона кабардинцевъ и стяжавшій себѣ добрую славу между войсками лѣваго фланга четвертый баталіонъ Навагинскаго полка. Раззореніе ауловъ, хуторовъ и даже всѣхъ отдѣльныхъ дворовъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ восьми квадратныхъ верстъ, потребовало не менѣе трехъ или трехъ съ половиною часовъ. Все это время бой не прекращался, то ослабѣвая, то вспыхивая съ новою силою. Когда послѣднія сакли на полянѣ были охвачены пламенемъ, люди, разсѣявшіе пожаръ, были отозваны къ своимъ частямъ. Въ это время на высотахъ, ближайшихъ къ полю битвы, по-

казалась непріятельская партія съ однимъ значкомъ; (подъ предводительствомъ одного изъ мѣстныхъ наибовъ Эльмурзы Хапцоу, какъ оказалось впоследствии, прибытія котораго къ хуторамъ жители ожидали съ минуты на минуту²¹⁾). Началось отступление—и грозный моментъ былъ недалекъ. Партія со значкомъ, спускавшаяся рысью съ послѣдней террасы и направлявшаяся къ полянѣ, замѣтивъ сборы нашихъ войскъ къ отступленію, взяла вправо и въ каррьеръ понеслась къ лѣсу. Перестрѣлка, вмѣсто того чтобы усилиться съ прибытіемъ подкрѣпленій къ непріятелю, замѣтно стала ослабѣвать. Чеченцы, дѣйствовавшіе все время противъ праваго крыла нашей колонны, густыми толпами потянулись лѣсомъ къ сѣверной оконечности поляны, чтобы предупредить насъ на пути отступленія. Баронъ Вревскій, ничего не знавшій о самонадѣянныхъ замыслахъ непріятеля, но предвидѣвшій этотъ маневръ также, какъ и весь его отрядъ, приказалъ поставить въ рядъ шесть орудій фронтомъ къ лѣвой опушкѣ лѣса (при отступленіи она приходилась съ правой стороны), прикрывъ ее кавалеріей. Когда непріятельскія толпы, не подозрѣвавшія присутствія артилеріи, очень ловко замаскированной, подошли къ ней на картечный выстрѣлъ, кавалерія въ одно мгновеніе раз-

— 21) Въ дописаніи барона Вревскаго (22-го января № 127) почему-то сказано, что Эльмурза прибылъ на Рошню съ жителями Гойты; но жители гойтенскихъ хуторовъ, предупрежденные о нападеніи бѣжавшимъ отъ насъ проводникомъ, никуда не трогались въ это утро, готовясь защищать свои собственные очаги. У верховьевъ Урусъ-Мартана находился въ это время другой наибъ Алхамъ. Когда къ нему принесли извѣстіе о появленіи двухъ русскихъ колоннъ въ двухъ сосѣднихъ ущельяхъ, онъ приказалъ жителямъ урусъ-мартанскихъ ауловъ готовиться къ оборонѣ, а самъ руководилъ работами по устройству заваловъ по дорогамъ и укрѣпленію хуторовъ съ минуты на минуту ожидая нападенія третьей колонны. То же опасеніе задержало Эльмурзу у гехинскихъ хуторовъ, тѣмъ болѣе, что къ этимъ послѣднимъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ русскими проложена была дорога, и даже лагерь ихъ стоялъ въ виду ауловъ. («Кавк. Сборникъ» т. XII, «Летучій отрядъ въ 1850 и 1851 годахъ»).

ступилась, и всѣ шесть орудій открыли по нимъ непрерывный огонь. Первые два-три выстрѣла должны были произвести въ рядахъ чеченцевъ страшныя опустошенія; но затѣмъ они разсыпались по лѣсу цѣпью и продолжали частымъ ружейнымъ огнемъ провожать нашу правую цѣпь. Въ особенности же они налегали на арріергардъ и два раза порывались броситься въ шашки, но присутствіе духа „черныхъ солдатъ“, быстро выдвигавшихъ въ цѣпь свои резервы, и безъ умолку грохотавшія орудія и на этотъ разъ предупредили рукопашный бой. Батарея, между тѣмъ, обезпечивъ правой цѣпи безопасное сравнительно отступленіе, снова перемѣнила фронтъ лѣвымъ флангомъ впередъ. Въ минуту этого перерыва на поляну выѣхала кавалерія со значкомъ, которая, по всему замѣтно было, приготовилась къ атакѣ. Хотѣлъ ли Эльмурза, не смотря на присутствіе сунженскихъ казаковъ, воспользоваться передвиженіемъ артилеріи, чтобы броситься на нее врасплохъ, или, что гораздо вѣроятнѣе, думалъ онъ, безнаказанно промчавшись мимо арріергарда, заскакать впередъ между лѣвою цѣпью и лѣвымъ флангомъ арріергардной цѣпи и занять нижнюю тропинку—только ему суждено было слишкомъ дорого поплатиться за свою отчаянную попытку. Когда послѣднія пары арріергардной цѣпи вступили въ лѣсъ, батарея, очень скоро занявшая свою первоначальную позицію лицомъ къ рошненской полянѣ, дала по непріятелю прощальный залпъ и, въ свою очередь, отступила. Преслѣдованіе вдругъ прекратилось, точно залпъ этотъ былъ условнымъ сигналомъ для обѣихъ сторонъ. Странное дѣйствіе произвелъ онъ на непріятельскую кавалерію: вмѣсто того, чтобы разсѣяться, она поспѣшно стала собираться около значка, обступила его плотной массой, повернула налѣво и скрылась въ лѣсу. На другой день лазутчики дали знать, что наибъ Эльмурза, смертельно раненый картечью, находится уже въ обители,

уготованной всѣмъ правовѣрнымъ, павшимъ въ бою съ не-
вѣрными—чѣмъ и объясняется наступившая вдругъ на по-
лянѣ тишина. Прощальный залпъ шести-орудійной батареи
былъ послѣдней музыкой, которую слышалъ бѣдный гехин-
скій наибъ на землѣ. И такъ, не князь Барятинскій, а ба-
ронъ Вревскій отмстилъ за смерть Слѣпцова, потому что
Эльмурза Халцоу былъ именно тотъ наибъ, въ битвѣ съ ко-
торымъ палъ начальникъ верхне-сунженской линіи.

Колонна отступила отъ рошненской поляны, и она
опять стала такою же уединенной, какою была до ея при-
хода; только теперь мирной ея обстановкѣ сильно вреди-
ли слѣды опустошеній и пожара. Пока 1-й баталіонъ кня-
зя Чернышева полка и роты 4-го баталіона Навагинскаго
уничтожали непріятельскія засѣдки, раззоряли и жгли ау-
лы, 2-й баталіонъ князя Чернышева полка и команда са-
перъ, оставленные у сѣверной оконечности поляны, зани-
мались расширеніемъ дороги и расчисткой лѣса по обѣ
стороны верхней тропы. Непріятель зналъ, что для обна-
женія этой мѣстности потребуется много времени и много
рукъ, и потому не обращалъ вниманія на работы, произво-
дившіяся въ тылу напей позиціи. Но баронъ Вревскій
остался очень доволенъ результатомъ работъ и сказалъ ка-
бардинцамъ и саперамъ, что они съ пользою употребили
бывшіе въ ихъ распоряженіи три часа. Въ этотъ короткій
промежутокъ времени они даже успѣли засыпать ровъ у
верхняго завала и въ его брустверѣ устроить свободный
проѣздъ для артилеріи. Если они не могли принять пряма-
го участія въ бою, за то добросовѣстнымъ выполненіемъ
возложенной на нихъ задачи содѣйствовали безпрепятствен-
ному слѣдованію колонны по самому опасному мѣсту ущелья.
Отступая отъ верховьевъ Рошни, баронъ Вревскій оста-
навливался противъ подозрительныхъ участковъ лѣса, гдѣ
деревья росли особенно густо, и гдѣ могли скрываться за-

сады, и, смотря по разстоянію, посылалъ туда гранату или картечь; но никто ни разу не откликнулся изъ обстрѣливаемой чащи. Это и были тѣ выстрѣлы, которые глухо доносились до насъ, когда мы изъ гойтенскаго лѣса стали выдвигаться на Черную поляну. Движеніемъ колонны барона Вревскаго достигнуто было то, для чего оно принималось: уничтожено было въ ущельи р. Рошни все, что можно было уничтожить при имѣвшихся въ распоряженіи колоннаго начальника средствахъ; за то и убыль въ войскахъ соотвѣтствовала важности исполненной задачи. Проводники барона Вревскаго, въ награду за свою преданность русскимъ и самоотверженіе, получили отъ князя Барятинскаго доверху наполненную серебромъ папаху. Выдача этой награды произведена была публично, передъ входомъ въ шатеръ начальника отряда, при большомъ стеченіи народа—офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а также въ присутствіи милиціонеровъ, вѣроятно въ назиданіе послѣднимъ. Лица проводниковъ были плотно закутаны въ башлыки; оставлены были только узкія отверстія для глазъ. Не смотря на всѣ ихъ предосторожности, имена ихъ скоро сдѣлались извѣстными въ горахъ. Одного изъ нихъ Шамиль казнилъ по единодушному требованію жителей нагорной малой Чечни; другому, вовремя предупрежденному объ опасности однимъ изъ родственниковъ его жены, удалось бѣжать за Сунжу и укрыться отъ справедливой кары въ одномъ изъ мирныхъ ауловъ. Шамиль угрожалъ ему избиеніемъ его малолѣтнихъ сыновей, если онъ не явится съ повинной. Этотъ жестокой ультиматумъ не подѣйствовалъ, и проводникъ былъ глухъ къ угрозамъ. Шамиль, суровый въ своихъ приговорахъ, какъ того требовала среда, надъ которой онъ властвовалъ, былъ однако, какъ и всѣ геніальные люди, сострадателенъ къ женщинамъ и любилъ дѣтей, и потому угрозы своей въ исполненіе не привелъ,

а семейство проводника мѣсяца черезъ три секретно выселилось за Сунжу ²²⁾. Движеніе къ верховьямъ Рошни также стоило намъ не мало жертвъ: убитыми мы потеряли четырнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ оберъ-офицеровъ (Навагинскаго пѣхотнаго полка прапорщика Иванова 2-го и егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка прапорщика князя Бебутова); ранеными и контужеными были изъ строя: штабъ-офицеръ одинъ (князя Чернышева полка маіоръ Крыловъ), оберъ-офицеровъ пять (того же полка штабсъ-капитаны Богдановичъ и Пяткинъ, поручики Курсаковъ и Рындинъ и прапорщикъ Никитинъ), нижнихъ чиновъ семьдесятъ. Эти цифры показаны въ донесеніи 22-го января № 127. Въ отрядѣ же говорили со словъ очевидцевъ, что въ колоннѣ барона Вревскаго вышло изъ строя болѣе ста пятидесяти человѣкъ. Князь Воронцовъ, всегда знавшій обо всемъ, что происходило на самыхъ далекихъ окраинахъ его намѣстничества, не могъ, конечно, не знать подробностей движенія двухъ колоннъ чеченскаго отряда 18-го января, особенно къ верховьямъ Гойты, гдѣ любимый имъ наказный атаманъ нашелъ себѣ такую странную смерть, сильно отзывавшуюся самоубійствомъ. Князь Барятинскій, имѣвшій враговъ между приближенными главнокомандующаго, былъ слишкомъ остороженъ, не смотря на свои молодые лѣта, чтобы въ частномъ письмѣ сообщить намѣстнику подробности гойтенской катастрофы; но онъ описалъ ихъ ему при личномъ свиданіи въ Тифлисѣ, куда выѣхалъ изъ кр. Грозной тотчасъ послѣ распушенія отряда.

²²⁾ Этими и многими другимъ драгоцѣннымъ свѣдѣніями о нравахъ горскихъ народовъ непокорныхъ намъ обществъ я обязанъ Батѣ, который, узнавъ, что я пишу мемуары, очень охотно сообщалъ ихъ мнѣ. Онъ только къ особѣ Шамиля относился не совсѣмъ доброжелательно, и когда рѣчь заходила о немъ, обыкновенно ссылался на гостей, часто наѣзжавшихъ къ нему изъ Чечни.

III.

Продолженіе работъ. Движеніе къ Саитъ-юрту и пораженіе горцевъ. Меня продолжаютъ милиціонеры. Рубка лѣса. Еще одна свѣтлая личность. Прощаніе съ Бани-юртомъ. Лагерь у Тепли. Рекогносцировка. Блистательное дѣло на Джаалкѣ и атака драгунъ въ просѣкѣ. Предчувствіе. Облава. Конецъ просѣкѣ. Въ ожиданіи покоя и отдыха.

Работы, прерванные 17-го января, были возобновлены 22-го числа. Колонна, подѣ начальствомъ маіора Ляшенко, послѣ даннаго войскамъ трехдневнаго отдыха, выступила на просѣку съ разсвѣтомъ. Непріятель не показывался, хотя о довольно значительныхъ его сборахъ въ большой Чечнѣ въ отрядѣ имѣлись достовѣрныя свѣдѣнія. Войска каждую минуту готовы были по тревогѣ выступить изъ лагеря. 23-го, вправо отъ колонны, производившей рубку лѣса, на высотахъ показалась непріятельская кавалерія, человекъ до двухсотъ, при одномъ значкѣ. Въ партіи происходило необыкновенное движеніе: всадники то вдругъ расходились, то опять сходились, а значокъ безпрестанно перемѣнялъ мѣсто, изъ чего можно было заключить, что непріятель устанавливаетъ свое орудіе. Колоннымъ начальникомъ полковникомъ Левинымъ (онъ же былъ начальникомъ артилеріи чеченскаго отряда) сдѣлано было по непріятелю нѣсколько выстрѣловъ гранатою; снаряды ложились очень удачно, и партія успѣшила скрыться за гору. Такъ какъ колонны высылались на просѣку въ самомъ незначительномъ составѣ, то по первому выстрѣлу нашей артилеріи въ лагерь зашевелились: пѣхота вызвана была въ ружье, кавалерія бросилась къ лошадямъ. Минутъ черезъ пять канонада смолкла, барабанщики ударили отбой, и люди разо-

шлись по палаткамъ. Приказанія о нарядахъ войскъ на работы и въ прикрытіе ихъ отдавались обыкновенно передъ пробитіемъ вечерней зари или, лучше сказать, такъ называемой ермоловской повѣстки, которой почему-то не слышно больше въ войскахъ кавказской арміи, хотя ее слѣдовало бы сохранить, такъ какъ она гораздо мелодичнѣе обыкновенной повѣстки, не говоря уже о томъ, что съ нею связано столько дорогихъ воспоминаній. Если приказанія о нарядахъ не отдавались, это служило вѣрнымъ признакомъ, что начальникъ отряда замышляетъ новое ночное движеніе; но въ которомъ часу и куда выступить колонна, какія части войскъ войдутъ въ ея составъ—объ этомъ, конечно, никто не могъ знать, и потому во всемъ лагерѣ раньше обыкновеннаго наступала тишина, раньше расходились отъ костровъ, замѣнявшихъ нижнимъ чинамъ клубы и кофейни, раньше гасили огни въ палаткахъ. О кавалеріи говорить нечего: она не знала очереди; она должна была раздѣлять труды и безъ сна проведенныя ночи со всѣми колоннами, такъ какъ участвовала во всѣхъ ночныхъ экскурсіяхъ, и только боевыхъ отличій она пока не раздѣляла съ другими частями войскъ. Въ ночь на 24-е января приказаніе о нарядахъ было отдано, и опять небольшая колонна на разсвѣтъ должна была выступить къ мезоинской просѣлкѣ.

Кто не бывалъ въ зимнихъ экспедиціяхъ, особенно такихъ безпокойныхъ и лихорадочныхъ, какою была экспедиція 1852-го года, тотъ никогда не пойметъ сколько истинно эпикурейскаго наслажденія таится въ увѣренности, что передъ вами въ перспективѣ лежитъ длинная зимняя ночь безъ перерыва до самаго бѣлаго утра; что эту ночь вы проведете въ сухой постели, подъ теплыми одѣялами. Мы были именно въ такомъ настроеніи вечеромъ 23-го января, и зная, что въ эту ночь никто не потревожитъ, разо-

шлись около половины двѣнадцатаго. Но въ исходѣ перваго передѣ моею палаткою уже стояла совсѣмъ осѣдланная лошадь. Мы опять выступили. „Этотъ Барятинскій и самъ не спитъ, и другимъ спать не даетъ“, сказалъ мнѣ Моллеръ съ комическимъ негодованіемъ, когда мы встрѣтились передѣ фронтомъ. Ровно въ часъ пополуночи колонна тронулась. Она была невелика: всего два баталіона пѣхоты—весь первый баталіонъ и двѣ роты втораго егерскаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, да двѣ роты втораго баталіона егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка—дивизіонъ казачьей конно-артилерійской № 15-го батареи и вся кавалерія. Это насъ опять удивило: въ такомъ составѣ пѣхоты, но безъ кавалеріи, за то съ бѣльшимъ числомъ орудій, выступали только на просѣку, когда работы производились вблизи лагеря, а мы шли все дальше и дальше, и давно миновали ту линію, на продолженіи которой лежала просѣка. Съ нами былъ князь Барятинскій, ѣхавшій впереди авангарда рядомъ съ Батой, бѣлая черкеска котораго далеко была видна и должна была рѣзко выдѣляться на черномъ грунтѣ колонны и дороги, особенно въ ту ночь, когда на всей чеченской равнинѣ, благодаря послѣднимъ оттепелямъ, не оставалось ни одного снѣжнаго пятнышка. Ночь была тихая и морозная. Луна должна была взойти поздно; посвящать ее въ тайны нашихъ ночныхъ походовъ было опасно: рано или поздно она бы непременно выдала насъ, и потому мы выбирали безлунныя или пасмурныя ночи для нашихъ движеній. За то трудно было уберечься отъ мороза. Онъ, какъ нарочно, въ эту ночь дѣлалъ все наши предосторожности излишними. Правда, мы соблюдали тишину, но мы никакъ не могли запретить нашимъ лошадямъ звонко отчеканивать свои шаги по затвердѣлой землѣ, и топотъ ихъ долженъ былъ отдаваться въ безмолвныхъ лѣсахъ, мимо которыхъ мы проходили то справа, то слѣва.

Чеченцы, не смотря на присутствіе среди нихъ Шамиля, какъ-то небрежно относились къ аванпостной службѣ: нигдѣ у нихъ не видно и не слышно было пикетовъ. Или у нихъ руки опустились, и они потеряли всякую надежду отстоять свою независимость, или же у нихъ всякій разъ, когда наши войска проходили мимо пикетовъ къ ауламъ, притуплялись оба сторожевые органа—зрѣніе и слухъ, за что они, безъ сомнѣнія, щедро награждались русскими серебряными рублями, на которые начальникъ отряда, при своей щедрой натурѣ, никогда не скупился. Нѣсколько разъ намъ приходилось переправляться черезъ ручьи и рѣки. Съ трескомъ взламывался подъ нашими ногами ледъ, покрывавшій ихъ поверхность, съ шумомъ катились по каменистому ложу нѣкоторыхъ изъ нихъ колеса нашихъ орудій, и мы каждую минуту ожидали услышать сигнальные выстрѣлы непріятельскаго пикета—но все кругомъ насъ погружено было въ сонъ. Одно эхо бодрствовало, какъ и всегда, и на каждый шумъ, нами производимый, добросовѣстно откликалось. Наконецъ морозъ, напрягавшій всѣ свои усилія къ тому, чтобы мы были открыты, коварно посоветовалъ нѣкоторымъ изъ насъ спѣшиться и немного пройтись, чтобы отогрѣть окоченѣвшія ноги. Лошади, какъ только мы начали спѣшиваться, вообразивъ, что мы приближаемся къ привалу, весело заржали; лошади всей остальной кавалеріи подхватили это ржанье, точно кто съ ними поздоровался, и даже гнѣдой иноходецъ князя Бяратинскаго не отсталъ отъ другихъ—и, не смотря на то, мы все-таки не были открыты. Но это было далеко отъ того мѣста, куда мы направлялись. Мы миновали остатки шалинскаго окопа, прошли всю шалинскую просѣку, миновали Герменчукъ, красивое кладбище котораго осталось далеко влѣво, и продолжали подаваться на востокъ къ тому лѣсу, которымъ отступали 7-го января отъ Автура; но мы не дошли до него,

Какъ только на потемнѣвшемъ сразу небѣ стали обнаруживаться первые, еще очень слабые, признаки разсвѣта, князь Барятинскій осадилъ коня и вполголоса отдалъ казакамъ приказаніе, котораго мы не могли слышать. Тотчасъ четыре сотни ихъ—хоперская, моздокская, гребенская и кизлярская—понеслись впередъ къ лѣсу, протянувшемуся влѣво отъ нашей дороги. Колонна продолжала наступленіе. Не успѣли мы сообразить въ чемъ дѣло, какъ другія двѣ сотни—волгская и горская выдвинулись въ каррьеръ на поляну вправо. Все это происходило при сѣроватомъ полусвѣтѣ утреннихъ сумерокъ и казалось страннымъ, фантастическимъ. Вдругъ, окрестность озарилась на мгновеніе точно молніей, раздался выстрѣлъ, за нимъ другой и еще нѣсколько—и при этомъ урывчатомъ освѣщеніи передъ нами вставали и опять пропадали въ полумракѣ копны, плетни и конусообразныя кровли аула Саитъ-юрта ²³⁾, находящагося недалеко отъ Автура.

Въ это утро насъ ожидалъ еще сюрпризъ: когда совсѣмъ разсвѣло, мы увидѣли другую колонну, которая опередила насъ и безъ выстрѣла заняла аулъ. Эта другая колонна, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника барона Николаи, выступила изъ лагеря въ одно время съ нами, не подозрѣвая нашего выступленія, по совершенно другой дорогѣ, далеко влѣво отъ насъ и по одному направленію, и въ одно время съ нами подошла къ аулу. Когда началось рѣшительное наступленіе нашихъ войскъ въ большую Чечню, жители покинули Саитъ-юртъ, какъ слишкомъ опасный пунктъ, стоявшій на большой дорогѣ къ центральнымъ аудамъ. Шамиль занялъ его частью аварской конницы и небольшою партіею тавлинцевъ, прибывшихъ не очень дав-

²³⁾ Такъ названъ этотъ аулъ въ донесеніи 29-го января № 22.

но изъ Дагестана. Несчастные горцы, высокаго роста, бѣлокурые, съ аршинными почти кинжалами, но безъ шапекъ, воинственные посвоему, у себя дома, за крѣпостными оградами, но далеко уступавшіе въ мужествѣ чеченцамъ, были застигнуты совершенно врасплохъ. Полуодѣтые, въ паническомъ страхѣ, они, заслышавъ конскій топотъ бѣшено скакавшихъ казаковъ, выбѣжали изъ аула и устремились къ лѣсу, одни вправо, другіе влево, надѣясь въ лѣсу найти себѣ спасеніе; но тамъ ихъ уже ожидали казаки, съ тѣмъ именно и высланные впередъ, чтобы отрѣзать имъ путь къ отступленію черезъ широкую сайтъ-юртовскую поляну. Тогда они бросились по направленію къ лѣсамъ лѣваго берега Хулхулау. Казаки пустились за ними въ погоню. Не успѣвшіе добѣжать до лѣса тавлинцы были безжалостно изрублены; раненые, въ числѣ шести человѣкъ, взяты были въ плѣнъ. Аварцы, объятые паникой не менѣе тавлинцевъ, настолько однако сохранили присутствіе духа, что успѣли сѣсть на лошадей и раньше ихъ скрылись въ лѣсу, гдѣ, переправившись черезъ Хулхулау, распространили тревогу по Чечнѣ. Но этотъ маленькій эпизодъ имѣлъ серьезныя послѣдствія для непріятеля: онъ сильно повліялъ на нравственный духъ пришлыхъ партій. Шамиль сдѣлалъ ошибку, занявъ одинъ изъ передовыхъ пунктовъ своего расположенія исключительно тавлинцами. Послѣ нападенія на Сайтъ-юртъ, онъ размѣстилъ призванныхъ имъ гостей по ауламъ, занятымъ чеченцами, къ великому неудовольствію послѣднихъ, которые всегда враждебно относились къ дагестанскимъ племенамъ, систематически раззорявшимъ ихъ своими военными постоями. Передъ самой опушкой лѣса казаки прекратили преслѣдованіе и присоединились къ отряду, расположившемуся подлѣ аула. Послѣ двадцати-минутнаго отдыха войска начали отступать. Въ это время между деревьями съ правой

стороны замелькали значки, въ числѣ которыхъ былъ и зеленый штандартъ имама. Мѣстность, ранній часъ утра, ободрившаго полусонныхъ солдатъ—все располагало къ битвѣ, и мы ожидали большого дѣла. Нѣсколько минутъ значки какъ будто переминались на одномъ мѣстѣ; наконецъ, одиночные всадники стали выѣзжать на узкую полосу открытаго пространства, за которымъ начинался новый лѣсъ. За ними потянулась черезъ ту же полосу къ слѣдующему лѣсу довольно густая масса кавалеріи—чеченской съ одноцвѣтными и аварской съ очень нарядными пестрыми значками. Сначала насъ очень удивило, что Шамиль, не обращая вниманія на нашу колонну, проходитъ мимо, по дорогѣ почти параллельной съ нашей. Ужъ не намѣревался ли онъ, пользуясь нашимъ отступленіемъ изъ Бани-юрта, опередить насъ и броситься на лагерь, въ прикрытіи котораго оставлены были всего три съ половиной баталіона, при десяти орудіяхъ ²⁴⁾? За годъ передъ тѣмъ, когда мы раззоряли шалинскій окопъ, съ такимъ же точно намѣреніемъ, но съ гораздо большими средствами, двинулся къ нашему лагерю Хаджи-Муратъ, но, атакованный нашей кавалеріей подъ начальствомъ Круковского, долженъ былъ ретироваться.

Не доходя до лѣваго берега Баса, Шамиль вдругъ повернулъ назадъ, какъ бы сдѣлавъ челоуѣкъ, нечаянно наступившій на змѣю и въ испугѣ отскочившій въ сторону. На этотъ разъ кавалерія его отступала довольно быстро и въ безпорядкѣ. Наша колонна была вся у насъ на глазахъ; три

²⁴⁾ Въ лагерь оставлены были подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Воронцова: 4-й баталіонъ Навагинскаго пѣхотнаго полка, четвертый и двѣ роты 2-го баталіона князя Воронцова полка, прибывшаго въ отрядъ на смѣну третьяго баталіона, взводы орудій батарейныхъ №№ 1-го, 3-го и 4-го батарей, а также донской № 7-го батареи, и взводъ легкихъ орудій батарейной № 4-го батареи.

баталіона барона Николаи также присоединились къ нашей колоніи. Кого же увидѣлъ Шамиль за Басомъ? Это была также одна изъ тѣхъ неожиданностей, которыми князь Барятинскій такъ любилъ обставлять свои экспедиціи. Въ два часа пополудни, т. е. черезъ часъ послѣ нашего ухода, по нашимъ слѣдамъ, чего никто изъ насъ не подозрѣвалъ, выступила изъ лагеря третья колонна, изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, съ шестью батареями и четырьмя легкими орудіями, подъ начальствомъ подполковника Меркулова ²⁵⁾. Она остановилась на позиціи на правомъ берегу Баса, притаившись въ лѣсу. На нее-то наткнулся Шамиль, намѣреваясь переправиться черезъ Басъ и двинуться, вѣроятно, къ Бани-юрту—а, можетъ быть, произвести диверсію на нижней Сунжѣ. Колонны наши между тѣмъ продолжали отступать—сначала съ незначительной перестрѣлкой въ лѣвой цѣпи, очень скоро впрочемъ прекратившейся. Затѣмъ непріятель куда-то скрылся, такъ что войска, никѣмъ не тревожимыя, переправились безпрепятственно черезъ Джалку и одинъ изъ ея лѣвыхъ притоковъ, а потомъ и черезъ Басъ. Только при переходѣ черезъ Шавдонъ встрѣтилось нѣкоторое затрудненіе, такъ какъ въ глинистыхъ его берегахъ вязли колеса нашей артилеріи, особенно батарейныхъ орудій. Когда мы поднимались на лѣвый берегъ этого ручья, за правымъ его берегомъ опять

²⁵⁾ Для того, чтобы не показалось страннымъ, какимъ образомъ изъ одиннадцати баталіоновъ, состоявшихъ налицо при чеченскомъ отрядѣ, при движеніи 24-го января къ Сантъ-юрту три съ половиною баталіона оставались въ лагерѣ, два находились въ колоніи князя Барятинскаго, три выступили подъ начальствомъ барона Николаи и четыре вошли въ составъ колонны подполковника Меркулова, а всего двѣнадцать съ половиною баталіоновъ, считаю не лишнимъ оговорить, что между правымъ угломъ треугольника, о которомъ я говорилъ въ началѣ, т. е. между Бани-юртомъ и остальными двумя его углами, Грозною и Воздвиженскою, постоянно поддерживались сообщенія особыми баталіонами: то къ Бани-юрту подвозили фуражъ или провіантъ, то въ ту или другую крѣпость изъ отряда сопровождались убитые, раненые и слабые.

показалась кавалерія съ тѣми же значками. Не отошли мы и семидесяти пяти или восьмидесяти сажень отъ Шавдона, какъ непріятель открылъ по войскамъ канонаду изъ двухъ орудій, которая послѣ пяти неудачныхъ выстрѣловъ прекратилась, будучи встрѣчена дружнымъ отпоромъ всей нашей артилеріи, отвѣчавшей залпами изъ нѣсколькихъ орудій на каждый его выстрѣлъ. Намъ рѣдко удавалось видѣть такъ хорошо и на такомъ близкомъ разстояніи орудія Шамиля, какъ въ этотъ день. Лошади подъ орудіями были всѣ одной масти темносѣрой, замѣчательно красивыя и поворотливыя и, должно быть, очень сильныя, судя по тому, по какимъ отчаяннымъ дорогамъ ему почти постоянно приходилось возить свою артилерію. Колонна подполковника Меркулова отступала отдѣльно отъ насъ по той дорогѣ, по которой ночью наступалъ баронъ Николаи. Такъ кончилась наша, прекрасно задуманная, но не давшая намъ никакихъ вѣскихъ результатовъ, экскурсія 24-го января. У насъ выбыло изъ строя шесть человѣкъ нижнихъ чиновъ—пять раненыхъ пулями и одинъ казакъ кинжаломъ; лошадей, по донесенію, убито десять и ранено двадцать двѣ.

Съ нѣкотораго времени въ отрядѣ сталъ носиться слухъ, вѣроятно небезосновательный, что непріятелю извѣстно все, что дѣлается у насъ въ лагерѣ. Онъ зналъ, напримѣръ, что если войска съ вечера назначаются на работы, то мы никуда уже не трогаемся, и ночь въ Чечнѣ, насколько это зависитъ отъ русскаго отряда, проходитъ спокойно. Вотъ почему и отдано было наканунѣ 24-го января приказаніе о нарядѣ очередныхъ баталіоновъ на просѣку; въ дѣйствительности же работъ никакихъ производить не предполагалось. Это было только отводомъ, чтобы обмануть бдительность непріятеля и неожиданно явиться къ его передовымъ постамъ. Одинъ разъ эта комбинація могла увѣнчаться успѣхомъ, но повторенія ея нельзя было ожидать съ

полною удачею, и приказанія о нарядахъ стали отдаваться за часъ до выступленія ихъ. 25-го мы отдыхали. Къ концу января температура день ото дня становилась негостепріимнѣе: хотя небо было безоблачно, и снѣга мы давно не видали, но морозы усиливались по утрамъ до того, что палатки деревенѣли, и полы ихъ не приподнимались уже, а отворялись и затворялись какъ настоящія двери. Топлива у насъ было въ изобиліи. Дрова огромными транспортами подвозились съ мезоинской просѣки подъ прикрытіемъ двухъ ротъ при одномъ орудіи. Съ утра до поздняго вечера пылали костры такихъ исполинскихъ размѣровъ, что подлѣ каждого изъ нихъ свободно могли располагаться отъ двадцати до двадцати пяти человѣкъ. Тамъ-то и сосредоточилась теперь вся жизнь отряда: тамъ говорились сказки, которыя навѣрное не записаны ни въ одномъ изъ нашихъ сборниковъ; тамъ поминались добрымъ словомъ убитые и умершіе отъ ранъ товарищи и начальники; тамъ же занимались своеобразной солдатской политикой, очень наивной, правда, но не лишенной иногда и юмора; дѣлались предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ чеченскаго отряда, основанныя на личныхъ соображеніяхъ каждого, вызывавшихъ нерѣдко гомерическій смѣхъ всего кружка; высказывались даже надежды на скорое распущеніе отряда. Какъ ни весело идти на встрѣчу невзгодамъ и лишеніямъ походной жизни, какъ ни отрадно вспоминать о нихъ въ послѣдствіи въ уютномъ и тепломъ уголкѣ, а переносить ихъ не легко. Они лучезарны только въ ожиданіяхъ и въ воспоминаніяхъ. 25-го января я сдѣлалъ, между прочимъ, одно открытіе, лично для меня очень важное: обѣдая въ этотъ день у маіора Моллера, я замѣтилъ съ удивленіемъ, что въ супѣ у него, не смотря на сравнительно большое количество мяса и костей, нѣтъ почти никакого навару, тогда какъ у меня, при меньшемъ количествѣ мяса, наваръ

всегда превосходный, и супъ очень вкусный. „Странно—сказалъ на это Моллеръ—маркитантъ у насъ одинъ на оба дивизиона. Не закупаетъ ли вапъ человѣкъ провизію у постороннихъ маркитантовъ“? Рѣшено было выяснитъ это обстоятельство сейчасъ же. Потребовали къ допросу моего вѣстового, совмѣщавшаго въ своей интересной особѣ также должность эскадроннаго коновала и фельдшера при ветеринарѣ. Это былъ калмыкъ маленькаго роста, съ маленькими плутоватыми глазками, съ очень комическимъ выраженіемъ лица, которое было всегда въ копотѣ, точно его только-что оторвали отъ горна. „Гдѣ ты берешь говядину“? спросилъ я его.—Какую говядину? Я говядины нигдѣ не беру. „Какъ нигдѣ? Да вѣдь ты же готовишь мнѣ обѣдъ“?—Такъ это нешто изъ говядины? Это изъ конины“. Моллеръ прыснулъ; я же вытаращилъ глаза на коновала. „Какъ изъ конины? Ты меня кормишь кониной все время“?—Какъ же быть, в. б., гдѣ же въ отрядѣ раздобыть путной говядины? А у васъ къ тому же и лихорадка. Да вы знаете, в. б., откуда маркитанты берутъ скотину на зарѣзъ? Изъ эскадроновъ, да изъ ротъ: артельныхъ, значить, скупаютъ. Бѣдный быкъ служить, служить лѣтъ двадцать, съ утра до вечера не хуже нашего брата на работѣ, а какъ не останется на немъ ничего окромѣ кожи да костей—его и продаютъ маркитанту на зарѣзъ. Эфту самую говядину онъ отпускаетъ въ эскадроны и господамъ продаетъ. Солдатъ, значить, сперва худобу свою на немъ возить, а потомъ его же съѣдаетъ за спасибо. „Хорошо; но откуда же ты берешь конину“?—Милиціонеръ одинъ, старый кунакъ, доставляетъ. „А милиціонеръ откуда беретъ“?—Нешто в. б. никогда не видѣли: какъ только убьютъ лошадь, они тутъ какъ тутъ, обступятъ ее и давай кромсать, кому что попадетъ, и въ одну минуту лошади какъ не бывало—такъ чтобы и Шамилю ни кусочка не осталось, и самимъ чтобы

было чѣмъ пообѣдать. „Ну, а деньги куда-жъ ты дѣваешь? Вѣдь ты же берешь отъ меня деньги на говядину?“ — „Деньги, в. б., пропиваю съ тѣмъ же милиціонеромъ“. На другой день Моллеръ обѣдалъ у меня, а въ слѣдующіе затѣмъ дни его супъ отличался такимъ же превосходнымъ наваромъ, какъ и мой.

26-го января съ ранняго утра сталъ раздаваться стукъ топоровъ на мезоинской просѣлкѣ. Сквозь совершенно неподвижную и прозрачную атмосферу этотъ стукъ и грохотъ вѣковыхъ деревьевъ, валившихся подъ энергическими ударами топоровъ, явственно доносились до лагеря. Надъ просѣлкой въ нѣсколькихъ мѣстахъ высоко поднимались черные спиральные столбы дыма, точно колонны разрушеннаго храма. Тамъ разведены были костры частями, высланными въ прикрытіе. Дымъ отъ этихъ костровъ издали казался неподвижнымъ — до того тихо было въ воздухѣ; а между тѣмъ морозъ стоялъ сердитый, и на просѣлкѣ, постепенно поднимавшейся надъ уровнемъ равнины, онъ былъ особенно чувствителенъ. На этотъ разъ колонна, подъ начальствомъ полковника Булгакова, выступила въ усиленномъ составѣ, такъ что войскамъ, остававшимся въ лагерѣ, не было надобности каждую минуту быть наготовѣ. Трудно было предположить, чтобы непріятель рѣшился тревожить насъ въ такой холодъ. Однако, онъ не прочь былъ иногда дѣлать то, чего отъ него не ожидали, и къ одиннадцати часамъ утра на одномъ изъ выступовъ горы, нѣсколько ниже верховьевъ Мезоина, поставилъ два орудія, изъ которыхъ тотчасъ же открылъ мѣткую пальбу по колоннѣ Булгакова и вырвалъ изъ строя двухъ нижнихъ чиновъ, тяжело раненыхъ ядрами, и трехъ артиллерійскихъ лошадей. Раненые нижніе чины окончили свое скромное земное поприще тамъ же, на просѣлкѣ. Канонада продолжалась всего минутъ двадцать, по истеченіи которыхъ не-

пріятель увезъ свои орудія, и самъ больше не показывался. 27-го числа, въ два часа пополудни, насъ опять подняли, и опять мы выступили изъ лагеря все въ ту же сторону, куда позиція наша обращена была фронтомъ—черезъ шалинскую просѣку. Мы теперь научились ориентироваться даже въ самыя темныя ночи, безъ компаса и распросовъ. Кавалеріи отдано было приказаніе вести лошадей въ поводу, приказаніе въ высшей степени разумное, такъ какъ при семнадцати градусахъ ниже нуля, когда обувь примерзаетъ къ стременамъ, трудно было предохранить отъ мороза пальцы на ногахъ. Только колонный начальникъ оставался на конѣ, потому что у него были мѣховые сапоги. Впрочемъ, не смотря на это, онъ поминутно сбрасывалъ стремя то съ одной ноги, то съ другой. Лица у насъ были закутаны въ башлыки, какъ у лазутчиковъ, которые боятся быть узанными. Для чего мы выступили въ такой холодъ и почему не дождались оттепелей? Впервыхъ, работъ впереди предстояло много, и мы должны были окончить ихъ до роспуска отряда, а оттепели могли и не наступить раньше марта; вовторыхъ, мы уничтожали послѣднія, самыя завѣтныя преграды, остававшіяся у непріятеля, съ которыми онъ не легко разстался бы, еслибы суровая зима не препятствовала ему оказывать намъ энергическое противодѣйствіе. „Россія“, говоритъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ бывшихъ подъ Севастополемъ французскихъ офицеровъ, „имѣетъ двухъ генераловъ, съ которыми не въ состояніи бороться величайшіе полководцы въ мірѣ: одного изъ нихъ зовутъ декабрь, другаго январь“. Мы предпринимали въ эту ночь, должно быть, что нибудь очень серьезное, судя по численному составу колонны: съ нами было шесть баталіоновъ пѣхоты, команда саперъ, вся кавалерія и четырнадцать орудій ²⁶⁾. Странно только, что съ нами не было

²⁶⁾ 2-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго пѣхотнаго полка, 1-й и 4-й егер-

проводника. Колоннымъ начальникомъ былъ баронъ Меллеръ-Закомельскій. Мы шли безостановочно по открытому пространству, изрѣдка спотыкаясь объ уцѣлѣвшіе пни просѣки ²⁷⁾. Переправа черезъ Шавдонъ насъ нѣсколько задержала; спуски къ нему, вязкіе во время оттепелей, дѣлались твердыми и скользкими какъ гранитъ при сильныхъ морозахъ, и артилерію пришлось втаскивать на рукахъ. Когда мы подошли къ Басу, съ противоположнаго его берега по колоннѣ сдѣланъ былъ залпъ изъ трехъ винтовокъ стоявшими на пикетѣ чеченцами. Мы очень обрадовались этому залпу, такъ какъ съ этого момента запрещеніе курить снималось само собою. Когда мы переправились черезъ рѣку, другимъ такимъ же залпомъ привѣтствовалъ насъ, вѣроятно, тотъ же пикетъ съ лѣвой стороны, гдѣ широко раскинулось старое шалинское кладбище, съ торчавшими въ темнотѣ прямыми и высокими, какъ мачты корабельныя, могильными шестами. На правомъ берегу Баса мы остановились. Баронъ Меллеръ-Закомельскій тотчасъ же началъ скороговоркой отдавать приказанія. Въ это время пикетъ далъ по колоннѣ третій залпъ, и затѣмъ ускакалъ вправо отъ кладбища къ верховьямъ Баса, мимо всего нашего авангарда. Это было такъ неожиданно и смѣло, что изъ казаковъ никто даже ружья не вынулъ изъ чехла, чтобы прицѣлиться въ чеченцевъ. Послѣ третья-

скаго генераль-адъютанта князя Чернышева полка, 1-й баталіонъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, сводный линейный баталіонъ, команда кавказскаго сапернаго баталіона, два дивизіона драгунъ, восемь сотень сборнаго полка линейнаго казачьяго войска, дивизіоны батарейной № 1-го и конно-артилерійской № 15-го батарей, взводы батарейныхъ №№ 3-го и 4-го батарей, взводъ донской № 7 батарей.

²⁷⁾ Сначала пни выкорчевывались, но такъ какъ эта работа отнимала слишкомъ много времени, и при томъ послѣ пней оставались глубокія ямы, сильно затруднявшія движеніе войскъ, а ночью даже очень опасныя, то ихъ велѣно до времени оставлять на корнѣ.

го залпа слышался стонъ въ переднихъ рядахъ стоявшаго за авангардомъ баталіона, и кого-то отнесли на перевязочный пунктъ.

По правому берегу Баса на довольно значительномъ протяженіи тянулся сплошной орѣшникъ. Это была опять завѣса, которая не только мѣшала зрительной трубѣ князя Барятинскаго проникнуть въ глубь большой Чечни, какъ говорили въ отрядѣ, но за которою могли укрываться цѣлыя полчища Шамиля, съ его кавалеріей и артилеріей, такъ какъ орѣшникъ былъ очень высокъ. Намъ приказано было устранить это препятствіе, для чего колоннѣ выдано было двѣ тысячи двѣсти топоровъ. Баронъ Меллеръ-Закомельскій не только не скрывалъ въ эту ночь своего присутствія на Басѣ, но даже приказалъ развести огни по флангамъ колонны. „Какъ можно больше огней“, прибавилъ онъ. Три стороны колонны онъ прикрылъ густыми цѣпями, которыя крайними парами своими упирались въ правый берегъ. Далеко впередъ высланы были аванпосты, гдѣ казакамъ разрѣшалось не садиться на лошадей безъ особенной крайности. Запылали костры съ бойкимъ, оглушительнымъ трескомъ. Все засуетилось въ колоннѣ: одни рубили хворостъ въ темнотѣ, другіе таскали огромныя охапки валежника; цѣлыя партіи волокли по замерзшей землѣ деревья, съ шумомъ, хохотомъ, остротами. Замѣчательно, что присутствіемъ барона Меллера-Закомельскаго нижніе чины никогда не стѣснялись, не смотря даже на то, что онъ далеко не пользовался популярностью Лабынцева, Козловскаго, Слѣпцова и нѣкоторыхъ другихъ. Но онъ былъ кавказскій генералъ въ самомъ тѣсномъ значеніи слова: распорядительный, находчивый, неустрашимый и требовательный только тогда, когда упущеніе по службѣ можетъ повлечь за собою опасность. Фигура его, освѣщенная яркимъ пламенемъ костра, въ высокой папахѣ, буркѣ и

мохнатыхъ сапогахъ, имѣвшихъ ночью неуклюжій видъ, нѣсколько минутъ стояла неподвижно между цѣпью и авангардомъ. Наконецъ онъ спѣшился, передалъ лошадь горнисту и подошелъ къ огню. Солдаты разступились, чтобы дать ему мѣсто, но не разошлись и продолжали вмѣстѣ съ нимъ грѣться у одного костра. Онъ былъ свой между ними, и стѣсняться имъ было нечего. Къ утру морозъ сдѣлался еще ощутительнѣе. На разсвѣтѣ баронъ Меллеръ-Закомельскій приказалъ двумя картечными выстрѣлами анфилировать орѣшникъ. Это была своего рода молитва передъ началомъ работъ, послѣ которой въ лѣсѣ вступили команды съ топорами. Впрочемъ, была и настоящая молитва: какъ только у восточнаго края горизонта выдвинулся красный сегментъ восходящаго солнца—и казаки, и солдаты повернулись всѣ къ нему лицомъ, обнажили головы, не смотря на морозъ, и начали креститься. Двое изъ нихъ, можетъ быть, не думали, что молятся въ послѣдній разъ.

Въ девять часовъ утра, далеко вправо, у верховьевъ Баса, раздался подозрительный гулъ, и почти въ тотъ же моментъ въ середину нашего костра упало ядро, разбросавъ во всѣ стороны горящія головни и угли. Непріятель открылъ канонаду. А мы ожидали нападенія съ фронта, со стороны Джалки, и авангардъ нашъ, и вся колонна, за исключеніемъ боковыхъ цѣпей, обращены были лицомъ къ востоку. Г. м. баронъ Меллеръ-Закомельскій, оставивъ по два орудія въ авангардѣ и въ лѣвой цѣпи, приказалъ всей остальной артилеріи перемѣнить фронтъ и, выстроившись въ одну линію впереди правой цѣпи, открыть по непріятелю огонь. Загремѣли наши десять орудій, не наблюдая очереди и стрѣляя какъ только успѣвали заряжать; два съ половиною часа длилась канонада, непрерывная, беспорядочная съ нашей стороны, методическая, размѣренная, по выстрѣлу въ каждыя десять минутъ—со стороны непріятеля.

Долетали ли наши снаряды до чеченцевъ, вредили ли они ихъ артилеріи—сказать трудно. Орудія Шамиля—мы даже не знали, сколько ихъ было—стояли на полугорѣ, въ закрытой мѣстности; ихъ нельзя было видѣть, и приходилось стрѣлять на выстрѣлы, почти безъ прицѣла, и притомъ давать орудіямъ большіе углы возвышенія, что неминуемо вредно отзывается на мѣткости стрѣльбы. Не смотря на продолжительность канонады, не смотря даже на то, что непріятельскія ядра, дѣлая сильные рикошеты по затвердѣвшей отъ мороза землѣ, залетали иногда въ орѣшникъ, гдѣ въ это время кипѣла работа, у насъ выбыло изъ строя пять человѣкъ ранеными, изъ нихъ двое смертельно, и четыре человѣка контужеными, изъ которыхъ одинъ опасно. Лошади въ этотъ день пострадали больше людей: убитыхъ было восемь и раненыхъ также восемь. Въ половинѣ двѣнадцатаго непріятель прекратилъ канонаду и потянулся предгорьями къ востоку, къ верховьямъ Джалки. Мы всегда удивлялись, какъ онъ можетъ безнаказанно провозить свою артилерію по тѣмъ ужаснымъ трущобамъ, которыя отчасти намъ уже были знакомы. Наши десять орудій заняли свою прежнюю позицію и при отступленіи должны были слѣдовать въ арріергардѣ. Проѣзжая мимо нашихъ эскадроновъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій сказалъ подполковнику Эттингеру, что, по всей вѣроятности, въ этотъ день драгуны будутъ имѣть хорошее кавалерійское дѣло. Подполковникъ Эттингеръ приложилъ руку къ козырку, какъ бы онъ поступилъ и въ томъ случаѣ, еслибы колонный начальникъ съ нимъ поздоровался или сдѣлалъ ему замѣчаніе. Къ тремъ часамъ пополудни просьба въ орѣшникѣ на цѣлую версту въ ширину была окончена, и мы начали отступать. До Шавдона насъ не тревожили, но когда мы переправились черезъ этотъ ручей, на правомъ его берегу опять показался непріятель и опять открылъ по вой-

скамъ огонь изъ трехъ орудій. Онъ продолжалъ стрѣлять даже и послѣ того, какъ ядра перестали долетать до колонны. Но на этотъ разъ заряды его пропадали даромъ. Не отъ барона Меллера-Закомельскаго, а отъ Шамиля зависѣло предоставить нашей кавалеріи случай къ отличію; но Шамиль избѣгалъ этого случая, иначе продолжалъ бы преслѣдовать нашу колонну и по лѣвую сторону Шавдона. Въ лагерь мы вернулись засвѣтло, не только голодные и усталые, какъ и всегда, но въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, обвиняя въ своихъ неудачахъ всѣхъ, кромѣ настоящаго виновника—случая.

Работы на мезоинской просѣкѣ и у верховьевъ Баса оставалось не болѣе какъ дня на три. Что же мы потомъ будемъ дѣлать? Впереди, противъ сѣверныхъ склоновъ Черныхъ горъ, лежали одни развалины или же хутора, давно брошенные самими жителями. Въ отрядѣ ходилъ слухъ даже между нижними чинами, что мы скоро перейдемъ на другую квартиру; что на этой и скучно, и неудобно, и хозяинъ притѣсняетъ, не даетъ даже дровъ нарубить путемъ. „Можетъ, говорили солдаты, на новой квартирѣ будетъ теплѣе“. Впрочемъ, съ 28-го января (день отдыха войскъ) ртуть въ термометрѣ быстро начала подниматься, и дымъ отъ нашихъ костровъ сталъ наклоняться къ востоку; опять, значитъ, подулъ тотъ тихій вѣтерокъ, который всегда приносилъ съ собою оттепель. 29-го числа съ колонной на просѣку назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Николаи. Хотя здѣсь мы уже не въ первый разъ встрѣчаемся съ этою выдающеюся личностью, но, среди воспоминаній о событіяхъ того времени, ни разу не остановились на ней. Теперь пора пополнить этотъ пробѣлъ, посвятивъ памяти барона Николаи нѣсколько строкъ. Я сказалъ „памяти“, потому что хотя баронъ Николаи и живъ въ настоящую минуту, но для свѣта онъ уже давно умеръ:

превратившись изъ генераль-адъютанта въ католическаго патера, онъ доживаетъ свой странный вѣкъ въ уединенномъ монастырѣ, далеко отъ тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями его боевой жизни, его рыцарски благородныхъ поступковъ, его гуманнаго отношенія къ младшей братіи и его административныхъ ошибокъ, въ основаніи которыхъ лежала безграничная вѣра въ людей, которыхъ онъ считалъ такими же честными, правдивыми и безкорыстными, какимъ онъ былъ самъ. Только впослѣдствіи, долгое время спустя, онъ горькимъ опытомъ убѣдился, когда ошибки исправлять было уже поздно, что судить о другихъ по себѣ, что самъ онъ составлялъ одно изъ рѣдкихъ исключеній, а то, что онъ видѣлъ кругомъ себя, было правиломъ. Баронъ Николаи былъ очень молодъ, а на видъ казался еще моложе своихъ лѣтъ. Это былъ блондинъ средняго роста, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосъ на головѣ, съ маленькими рыжеватыми усами, которые онъ довольно коротко подстригалъ: Глаза у него были черные, взглядъ пронизательный, носъ прямой, вытянутый, черты лица благородныя и пріятныя. Сложенъ онъ былъ какъ только-что произведенный прапорщикъ. Въ числѣ другихъ даровъ, которыми его надѣлила природа, ему не доставало одного—дара слова. Когда онъ говорилъ, то очень часто затруднялся въ выборѣ словъ и выраженій, и при наступавшихъ вслѣдствіе того паузахъ сильно дергалъ себя двумя пальцами за носъ, точно носъ могъ вывести его изъ затрудненія. Онъ былъ серьезенъ, но обходителенъ съ нижними чинами, а съ офицерами изящно вѣжливъ; на мелочи и даже на нѣкоторыя слабости своихъ подчиненныхъ смотрѣлъ снисходительно,—за то во всемъ, что касалось военного этикета (который я не смѣниваю съ дисциплиною), былъ формалистъ. Онъ отличался набожностью, граничившею съ мономаніей и составлявшею довольно оригиналь-

нальное явленіе въ свѣтской, изящной особѣ молодаго человека. Онъ строго относился къ индиферентизму или легкомыслию въ дѣлахъ религіи; офицеры, не посѣщавшіе церкви во время богослуженія, попадали къ нему на замѣчаніе и не могли рассчитывать на его расположеніе. А такъ какъ подобострастіе не было чуждо даже и славнымъ кавказскимъ войскамъ, то въ результатѣ отъ всего этого получалась въ высшей степени комическая смѣсь разгула, на который смотрѣли сквозь пальцы, и смиренія, дававшего исключительное право на пріобрѣтеніе великихъ и богатыхъ милостей. Причины такого страннаго направленія въ молодомъ, высокообразованномъ человѣкѣ, предназначенномъ играть видную роль на поляхъ битвъ и въ великосвѣтскихъ салонахъ, имѣвшаго вліяніе на его дальнѣйшую судьбу и лишившаго ряды нашей арміи одной изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей, объясняли различно: одни несчастной любовью, другіе ужасной раной въ горлѣ, полученной при раззореніи шалинскаго окопа въ 51-мъ году, никогда не заживавшей и отравлявшей всю его жизнь. Недостатокъ житейской мудрости, явившейся къ нему слишкомъ поздно, вредно отзывался на его отношеніяхъ къ подчиненнымъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ чужими, всегда пристрастными глазами. Многіе изъ офицеровъ побаивались его, потому что не совсѣмъ понимали. Онъ дѣлалъ не мало добра, но только не тѣмъ, кто того заслуживалъ, а по указаніямъ своихъ приближенныхъ, употреблявшихъ во зло его довѣріе. Онъ даже укрывалъ нѣкоторыя растраты и изъ своихъ средствъ пополнялъ недостающія суммы. Въ назначеніяхъ офицеровъ на должности, въ командировки и въ представленіяхъ къ наградамъ онъ очень часто, по винѣ своихъ приближенныхъ, бывалъ несправедливъ; но ему какъ нибудь стороной доводилось узнавать о своей несправедливости, и онъ всѣми мѣрами старался предупред-

дить вредныя ея послѣдствія или загладить ее. Въ дѣлахъ баронъ Николаи бывалъ всегда такимъ, какимъ мы его видѣли у мезоинскихъ хуторовъ—идеально безстрашнымъ. Еслибы на мѣстѣ Салгирей-юрта стояло Ахульго или Согратль, онъ ни на одну секунду не замедлилъ бы своего наступленія и точно также не ускорилъ бы своего отступленія. Главной ареной его подвиговъ была кумыкская плоскость, но и за ея предѣлами, особенно въ Чечнѣ, его всѣ знали и высоко цѣнили его доблесть и военныя дарованія. Онъ былъ скромень, никогда о себѣ не говорилъ, и въ этомъ отношеніи представлялъ рѣзкій контрастъ съ другимъ современнымъ дѣятелемъ на кумыкской плоскости—Баклановымъ, который въ донесеніяхъ своихъ каждую ничтожную перестрѣлку раздувалъ до размѣровъ чуть не генеральныхъ сраженій, какъ это было и въ зимнюю экспедицію 1852 года, такъ что про него вездѣ, даже и въ штабѣ лѣваго фланга, говорили: сдѣлаетъ на абазъ, а прокричитъ на рубль. Баронъ Николаи прославился на Кавказѣ не одними военными доблестями; въ немъ не было недостатка и въ гражданскомъ мужествѣ. Его возмущало, на-примѣръ, ничѣмъ не стѣсняемое лихоимство генерала Х. и его далеко не гуманное обращеніе съ нижними чинами, и онъ открыто высказывалъ свое негодованіе даже въ присутствіи клевретовъ Х., чѣмъ и навлекъ на себя непримиримую ненависть этого послѣдняго.

Канонада 29-го числа, начавшаяся въ одиннадцать часовъ утра и продолжавшаяся почти полтора часа, не прошла безслѣдно для обѣихъ сторонъ. Въ нашей колоннѣ были изъ строя: Навагинскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Дегтяревъ, контуженый гранатой, и три нижнихъ чина тяжело раненыхъ ядрами; одному изъ нихъ оторвало ногу; кромѣ того убита одна лошадь. У непріятеля одно орудіе, послѣ втораго выстрѣла, должно было замолчать и

оставить позицію. Ночью лазутчики дали знать, что подъ нимъ лафетъ разнесло въ щепки, но что оно въ тотъ же день поставлено было на новый лафетъ. 30-го января колонну на просѣку водилъ полковникъ Левинъ. Опять наступили чудные весенніе дни, напомнившіе намъ наше первое движеніе къ Автуру и Гельдыгену, присутствіе въ то время въ отрядѣ Круковского, его послѣднюю остроту, его трагическій конецъ. Непріятель вывозилъ орудія, но ограничился нѣсколькими выстрѣлами, ранившими у насъ одну строевую артилерійскую лошадь. Солдаты замѣтили, что въ большіе морозы Шамиль стрѣляетъ дольше, нежели въ оттепель. „Должно быть, грѣется“, добавляли они со смѣхомъ. 31-го изъ лагеря въ послѣдній разъ выступили войска на работы къ сторонѣ Черныхъ горъ, и ими командовалъ флигель-адъютантъ князь Воронцовъ. Такъ пришлось по очереди, и пришлось довольно странно: имъ были начаты просѣки, и имъ же онѣ были окончены. Онъ заходилъ отъ мезоинскихъ полей къ верховьямъ Баса и только къ вечеру вернулся въ лагерь. Непріятель не показывался. Въ три недѣли такъ много было пережито нами самыхъ разнообразныхъ ощущеній; столько событій чередовались, мало походившихъ одно на другое, что главная мысль, царившая надъ этимъ хаосомъ событій и ощущеній, совершенно ускользала отъ нашего соображенія. Мы смутно сознавали, для чего мы здѣсь; мы думали, что систематическимъ истребленіемъ ауловъ и продовольственныхъ запасовъ непріателя мы хотимъ заставить его сознать наконецъ свое безсиліе и необходимость положить оружіе. Этой системы держались долгое время; но, благодаря живучести горскихъ племенъ, она оказалась несостоятельной. Не успѣвали русскіе повернуться спиной къ Чечнѣ, какъ на мѣстахъ разоренныхъ ауловъ выростали новые, укрѣпленные, чему примѣромъ можетъ служить правый берегъ рѣки Сунжи,

гдѣ одни и тѣ же хутора приходилось раззорять по нѣскольکو разъ. Дороги, по которымъ прежде безпрепятственно проходили войска, перерывались канавами, преграждались завалами, засѣлками, иногда даже земляными и каменными верками всякихъ наименованій; спуски къ оврагамъ портились или вовсе срѣзывались на-нѣтъ. Только къ концу января выяснилась передъ нами настоящая цѣль нашей экспедиціи, когда между кр. Воздвиженскою и главными центрами населенія края не осталось ни одного препятствія, которое могло бы затруднять движенія нашихъ войскъ въ глубь Чечни: аулы, лѣса, орѣшники—все было снесено, точно ангелъ разрушенія пролетѣлъ надъ чеченскою равниною. Неразработанными остались только переправы черезъ рѣчки и овраги; но это была роскошь, отъ которой до времени мы должны были отказаться, такъ какъ каждая разработанная переправа потребовала бы охраны, а охраны взять было не откуда: боевыя силы наши были такъ ничтожны по своему численному составу, что для усиленія отряда приходилось иногда ослаблять такіе важные стратегическіе пункты, какъ Грозная и Воздвиженская ²⁸⁾. Какимъ длиннымъ промежуткомъ показались намъ эти три недѣли! Какъ далеко уходило отъ насъ въ панораму прошлаго то непривѣтливое утро, когда въ грязи, подъ мокрымъ снѣгомъ и холоднымъ вѣтромъ, мы стояли у молебна, и дама подъ черной вуалью возносила за насъ горячія молитвы къ Распорядителю судебъ. Съ позиціей, которую мы находили въ первые дни такой унылой и пустынной, теперь намъ

²⁸⁾ Въ чеченскомъ отрядѣ, передъ выступленіемъ его изъ Бани-юрта, налицо было: 2 генерала, 236 штабъ и оберъ-офицеровъ, 11460 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ однихъ музыкантовъ 276 и нестроевыхъ 430. Между тѣмъ въ составъ отряда входили: одиннадцать баталіоновъ и двѣ команды пѣхоты, восемь сотенъ иррегулярной и четыре эскадрона регулярной кавалеріи и двадцать четыре орудія.

было грустно разставаться: мы къ ней привыкли, полюбили ее; она уже не казалась намъ неуютной и негостепріимной,—но дѣлать нечего, разставаться съ ней было надо. Вотъ и горнисты играютъ генераль-маршъ; снимаются палатки, начинается разбираться осиротѣвшій шатеръ наказнаго атамана; на новомъ мѣстѣ мы его уже не увидимъ, и пустота, оставленная въ отрядѣ его смертью, станетъ еще ощутительнѣе. Около повозокъ суетятся люди, у коновязей также идетъ суета; лошади съ удивленіемъ оглядываются—какія это еще новыя тяжести привѣшиваются къ ихъ сѣдламъ. Ровно въ десять часовъ 1-го февраля мы покинули Бани-юртъ ²⁹⁾. Медленно догоравшіе костры, обѣдая на мѣстахъ бывшихъ коновязей да кое-гдѣ валявшіеся кухонные отброски одни свидѣтельствовали о недавнемъ пребываніи здѣсь шумнаго и многолюднаго кочевья.

Мы выступили двумя колоннами. Одна была въ составѣ четырехъ баталіоновъ пѣхоты—3-го и 4-го Навагинскаго пѣхотнаго полка и 1-го и 2-го егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка—съ частью артилеріи и со всѣми тяжестями отряда, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Ольшевскаго. Переправившись на лѣвый берегъ Аргуна, она потянулась къ ханкальскому ущелью, откуда должна была опять повернуть къ Аргуну и на лѣвомъ его берегу, на мѣстѣ раззореннаго аула Тепли, остановиться. Туда же, съ 1-мъ баталіономъ Эриванскаго карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, 2-мъ и 3-мъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, 4-мъ егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова, 1-мъ, 2-мъ и 4-мъ князя Чернышева полковъ, командами кавказскаго сапернаго и стрѣлковаго баталіоновъ, всею кавалеріею

²⁹⁾ О выступленіи изъ Бани-юрта мы узнали только утромъ 1-го февраля, такъ что оно было для насъ такою же неожиданностью, какъ и всѣ наши ночныя движенія.

и остальною артилерією двинулся и князь Барятинскій, но только правымъ берегомъ Аргуна, мимо лѣсистаго кургана Гойтенъ-Кортъ, остававшагося у насъ влѣво, на которомъ, въ лѣсу, стоялъ еще нетронутый нами аулъ того же имени. Какъ странно было видѣть этотъ и два другіе аула, пріютившіеся по сторонамъ ханкальскаго ущелья, уцѣлѣвшими среди всеобщаго погрома и опустошенія на такомъ близкомъ разстояніи отъ нашихъ крѣпостей и лагерныхъ расположеній, одинаково изолированныхъ какъ отъ большой, такъ и отъ малой Чечни. Почему начальники лѣваго фланга ихъ не раззоряли? А между тѣмъ аулы ханкальскаго ущелья иногда даже тревожили наши оканіи. Позиціей нашей у Бани-юрта мы прикрывали Воздвиженскую; теперь эта крѣпость было обнажена, и надо было подумать объ усиленіи ея гарнизона. Съ этою цѣлью туда направлены были изъ отряда три роты своднаго кавказскаго линейнаго баталіона; четвертая же его рота возвратилась въ Грозную, откуда, взамѣнъ линейнаго, въ отрядъ прибылъ 1-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, такъ какъ теперь нашей новой операціонной линіей мы прикрывали Грозную. Всѣ эти комбинаціи явно свидѣтельствуютъ объ ограниченности нашихъ боевыхъ ресурсовъ. Когда мы стали приближаться къ Гойтенъ-Корту, отъ колонны отдѣлились два всадника, должно быть милиціонеры, поскакавшіе по направленію къ кургану, за которымъ тотчасъ же и скрылись. Послѣ мы узнали, что князь Барятинскій посылалъ ихъ въ аулъ предупредить жителей, что если по отряду будетъ сдѣланъ хоть одинъ выстрѣлъ, то отъ аула ничего не останется кромѣ золы и пепла. Мы не могли понять, я и теперь не понимаю, какъ могъ князь Барятинскій допустить самую мысль о томъ, чтобы аулъ, стоявшій совершенно одиноко, рѣшился напомнить русской ко-

лоннѣ о своемъ существованіи; это значило бы напроситься на раззореніе, отъ котораго судьба такъ долго охраняла его. Въ часть пополудни мы остановились на правомъ берегу Аргуна. Это и было урочище Тепли. На лѣвомъ берегу рѣки уже стояла колонна Ольшевскаго. Мѣсто было очень таинственное: кругомъ высокій лѣсъ, и мимо его вѣковыхъ деревьевъ, съ гнѣвнымъ рокотомъ, обгоняя другъ друга, катились темносинія волны рѣки, то сверкая на солнцѣ, то убѣгая въ тѣнь. Такъ какъ таинственность на театрахъ военныхъ дѣйствій считается самымъ опаснымъ атрибутомъ мѣстности, то цѣлыхъ три дня, 2-го, 3-го и 4-го февраля, войска рубили лѣсъ. Отрядъ, здѣсь какъ и въ Бани-юртѣ, расположился по обоимъ берегамъ рѣки, а для сообщеній, особенно въ половодье, черезъ поэтический Аргунъ очень скоро переброшенъ былъ прозаическій мостъ. Очистивъ мѣсто для лагеря, войска 5-го и 6-го февраля вырубали лѣсъ кругомъ лагернаго расположенія по обѣ стороны Аргуна. Здѣсь мы занимали лѣвый уголъ равнобедреннаго треугольника, правымъ угломъ котораго была Грозная, а вершина приходилась въ кр. Воздвиженской.

Вечеромъ 1-го февраля лазутчики принесли извѣстіе начальнику отряда, что Шамиль въ тотъ же день зналъ о нашемъ передвиженіи на Тепли. Не увлекаясь самообольщеніемъ, и вполнѣ сознавая цѣль нашей экспедиціи, проницательный имамъ предвидѣлъ, что намъ скоро нечего будетъ дѣлать у Бани-юрта, и что мы неминуемо должны будемъ перенести свой лагерь на другое мѣсто. Случай обморочить чеченцевъ былъ слишкомъ заманчивъ для того, чтобы Шамиль имъ не воспользовался—и вотъ онъ заранѣе распускалъ слухъ въ горахъ, что заставитъ русскихъ своими усиленными канонадами или разойтись по штабъ-квартирамъ, или укрыться отъ артилерійскаго огня гдѣ нибудь въ лѣсахъ Аргуна, подальше отъ Черныхъ горъ.

Этимъ онъ еще разъ доказалъ всегда отличавшую его находчивость. Смѣялись, конечно, всѣ у насъ въ отрядѣ; но больше всѣхъ смѣялся Бата, называвшій Шамиля старымъ фокусникомъ. 7-го февраля, въ девять часовъ утра, колонна изъ пяти баталіоновъ пѣхоты и всей кавалеріи, при шести легкихъ орудіяхъ, выступила изъ лагеря подъ начальствомъ самого князя Барятинскаго. Отъ Аргуна взяли нѣсколько вправо, къ юго-востоку и по дорогѣ, давно заглохшей, но довольно широкой, существовавшей еще, можетъ быть, въ мирныя времена, до возстанія Чечни; мимо кустарниковъ и перелѣсковъ мы достигли лѣваго берега Джалки. Здѣсь пѣхотѣ съ артилеріей князь Барятинскій приказалъ остановиться, а самъ, переправившись съ кавалеріей на противоположный берегъ, тотчасъ повернулъ на сѣверъ внизъ по теченію рѣки. Мы опять вступили въ одинъ изъ величественныхъ лѣсовъ большой Чечни. Между деревьями ни колючихъ кустарниковъ, ни паразитныхъ растений, которыя бы затрудняли движеніе. Это былъ настоящій паркъ, но только деревья его своими размѣрами напоминали мачтовые лѣса восточнаго берега Чернаго моря. Здѣсь царствовало безмолвіе, которое среди грандіозныхъ ландшафтовъ природы какъ-то особенно дѣйствуетъ на душу, смиряя гордость человѣка и вселяя въ него безотчетное благоговѣніе. Мы говорили вполголоса, точно боялись нарушить это безмолвіе, хотя движенія своего отъ непріятеля не скрывали. Его нигдѣ не было видно, но присутствіе его почему-то всѣми сознавалось. Обозрѣвъ версты на двѣ мѣстность вдоль лѣваго берега Джалки, мы повернули на востокъ и вышли на поляну, которая отдѣляетъ лѣсъ отъ другаго лѣса, окаймляющаго лѣвый берегъ р. Хулхулау. У опушки того другаго лѣса князь Барятинскій остановился, и простоявъ нѣсколько минутъ, повернулъ назадъ опять къ Джалкѣ. Предчувствіе насъ не обмануло: непріятель былъ

дѣйствительно недалеко. Когда колонна предприняла обратное движеніе отъ лѣваго берега Джалки къ лагерю, изъ лѣса, выше того мѣста, гдѣ мы переправлялись, выѣхала небольшая конная партія. Нѣсколько всадниковъ разсыпались по правому берегу рѣки и пытались завязать перестрѣлку съ нашимъ арріергардомъ, но колонна отвѣчала на эту попытку презрительнымъ молчаніемъ, и партія скрылась. Однако у насъ выбылъ изъ строя одинъ штабъ-офицеръ князя Воронцова полка, маіоръ Карповъ, раненый пулею въ голову ³⁰⁾. 8-го и 9-го февраля войска продолжали вырубать лѣсъ кругомъ лагеря, по обоимъ берегамъ Аргуна. Работы производились такъ близко, что къ обѣду люди сходились въ лагерь, а послѣ двухчасоваго отдыха опять уходили. 8-го числа прибылъ въ отрядъ давно ожидаемый новый начальникъ кавалеріи, командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка полковникъ князь Чавчавадзе. Въ одиннадцать часовъ утра мы собрались къ палаткѣ подполковника Эттингера и оттуда вмѣстѣ съ нимъ отправились привѣтствовать своего начальника.

За три часа до разсвѣта, 11-го февраля, четыре баталіона пѣхоты, при четырехъ батарейныхъ и четырехъ легкихъ орудіяхъ, и часть кавалеріи ³¹⁾, подъ начальствомъ полковника Веревкина, выступили изъ лагеря по той дорогѣ, по которой 7-го князь Барятинскій ходилъ на рекогносцировку. Мы двигались очень медленно и тѣмъ по крайней мѣрѣ на половину заглушали гулъ, который далеко

³⁰⁾ На рекогносцировкѣ 7-го февраля находились: 1-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, 2-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго, 2-й и 4-й князя Воронцова полковъ.

³¹⁾ 2-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго, 3-й и 4-й Навагинскаго полковъ, взводы батарейныхъ орудій батарейной № 3 и донской № 7 батарей, взводъ легкихъ орудій батарейной № 4 и конно-артилерійской № 15 батарей, 3-й дивизіонъ драгунъ, сотни моздокская, гребенская и кизлярская и одна тысяча четыреста топоровъ.

отдается въ закрытыхъ мѣстностяхъ при движеніи большихъ массъ, повторяясь нескромнымъ эхо. Горцы кромѣ того имѣли обыкновеніе прислушиваться, приложивъ ухо къ землѣ—средство, къ которому они прибѣгали, стоя на пикетѣ, всякій разъ, какъ что нибудь подозрительное коннется ихъ слуха. Версты за три до опушки лѣса, протянувшись полосой по Джалкѣ, мы остановились переждать разсвѣта, и какъ только онъ показался, опять тронулись. На Джалкѣ никого не было; сверхъ ожиданія, даже пикетъ сигнальными выстрѣлами не предупредилъ о нашемъ приближеніи. На лѣвомъ берегу рѣки, вправо отъ лѣса, мы опять остановились. Полковникъ Веревкинъ отдавалъ приказанія вполголоса. Всѣ бывшіе съ нимъ батальоны онъ построилъ въ одно общее карре и двинулъ его къ лѣсу лѣвымъ фасомъ впередъ. Передній, правый и задній фасы должны были оцѣпить весь предназначенный къ истребленію участокъ лѣса съ трехъ сторонъ, а четвертый, лѣвый фасъ, углубившись въ самый лѣсъ, долженъ былъ приступить къ рубкѣ. И началась давно знакомая всѣмъ музыка: стукъ топоровъ, сначала мѣрный, методическій, а затѣмъ частый и наконецъ непрерывный. Лѣсные великаны, до сихъ поръ хранившіе гордое молчаніе, съ глухимъ стономъ и грохотомъ падали, задѣвая другъ друга, и при паденіи иногда раскалываясь съ оглушительнымъ трескомъ. Шесть орудій, подъ прикрытіемъ дивизіона драгунъ, стали на позиціи у праваго передняго угла карре, подлѣ кладбища аула Мискирь-юрта. Съ этой позиціи артилерія могла обстрѣливать все пространство, лежавшее противъ передняго фаса карре. На случай же появленія непріятеля въ тылу колонны противъ задняго фаса, у праваго задняго угла карре поставлены были два орудія и ракетная команда, подъ прикрытіемъ трехъ сотень казаковъ. Эта послѣдняя предосторожность не оправдывалась обстоятельствами: заднему

фасу не могла угрожать никакая опасность, такъ какъ воѣ непріятельскіе сборы сосредоточены были далеко впереди, за Хулхулау, и еслибы Шамиль предпринялъ обходное движеніе, то оно не могло бы укрыться отъ передняго, а въ особенности отъ праваго фаса, обращеннаго фронтомъ къ верховьямъ рѣкъ. Цѣль рекогносцировки 7-го февраля была вѣрно угадана непріателемъ, и онъ, должно быть, въ одно время съ нами выступилъ съ ночлега, потому что не прошло и часа послѣ того, какъ раздались первые удары топовъ, какъ на противоположномъ берегу Джалки показались значительныя массы пѣшихъ и конныхъ съ восемью значками. Пѣшіе почти всѣ были высокаго роста, безъ шапекъ, и въ нихъ не трудно было признать дагестанскихъ горцевъ; кавалерія же была смѣшанная, но чеченская преобладала. Если подъ каждымъ значкомъ выходило пять сотень человѣкъ, какъ говорилъ Бата, то непріатель выступилъ противъ насъ на Джалкѣ въ числѣ четырехъ тысячъ. Въ колоннѣ г. м. барона Вревскаго было почти столько же. Наканунѣ лазутчики предупредили начальника отряда, что Шамиль намѣревается сдѣлать нападеніе на наши войска на Джалкѣ, если только они начнутъ уничтожать лѣсъ.

Тавлинцы потянулись вправо берегомъ рѣки, хотя лѣсомъ они могли бы почти безнаказанно пройти мимо передняго фаса карре и, переправившись черезъ Джалку ниже нашего расположенія, броситься на лѣвый фась, производившій работы и прикрытый слѣва только лѣсною чащей. Но они не могли безъ огромнаго урона добраться до того лѣса черезъ открытое пространство, отдѣлявшее ихъ отъ него: хотя оно было не велико, но его охраняла картечь и два эскадрона драгунъ; поэтому, поровнявшись съ кладбищемъ, котораго они за деревьями не видѣли, они бросились въ страшномъ смятеніи назадъ и начали толпиться около своихъ значковъ. Въ грозномъ молчаніи съ обѣихъ сторонъ

прошло минутъ двадцать, и только топоры съ лѣвой стороны продолжали выбивать свою монотонную музыку. Вдругъ, за правымъ берегомъ рѣки раздался орудійный выстрѣлъ, заглушаемый лѣсомъ и разстояніемъ, и передъ самой серединой нашей батареи въ землю ударилась граната. Глаза всѣхъ устремились на нее съ выраженіемъ, котораго нельзя передать; съ секунды на секунду всѣ ожидали взрыва, и каждый, можетъ быть, думалъ про себя: авось не меня. Взрыва не послѣдовало. Кавалерія, по приказанію колоннаго начальника, разомкнула ряды. Послѣ перваго непріятельскаго выстрѣла на открытое пространство выѣхалъ всадникъ въ черной буркѣ на красивой сѣрой лошади; онъ вѣроятно посланъ былъ удостовѣриться: точно ли снаряды долетаютъ по назначенію. Веревкинъ обратился къ казакамъ: „не возьмется ли кто изъ васъ ссадить этого молодца“? Нѣсколько человѣкъ изъ кизлярской сотни—они всѣ были хорошіе стрѣлки—въ одно мгновеніе спѣшили, вынули винтовки изъ чехловъ и побѣжали къ орудіямъ; всадникъ же, ничего не подозрѣвавшій, стоялъ на мѣстѣ, наклонившись нѣсколько впередъ, ожидая вѣроятно слѣдующаго выстрѣла. Съ минутой цѣлились казаки. Наконецъ, раздался залпъ изъ трехъ винтовокъ—всадникъ снялъ папаху и поклонился; раздался выстрѣлъ изъ четвертой винтовки—и сѣрая лошадь зашаталась. Не успѣлъ горецъ высвободить правую ногу изъ стремени, какъ она вмѣстѣ съ нимъ грохнулась на землю. Веревкинъ подарилъ казаку три рубля. Артилерія наша, съ свойственной ей быстротой и неутомимостью, принялась отвѣчать непріятелю. Мѣткости отъ нея нельзя было требовать, потому что здѣсь, какъ и почти на всѣхъ другихъ позиціяхъ, стрѣлять приходилось на дымокъ и притомъ не въ тотъ моментъ, когда онъ клубомъ вырывается изъ пасти орудія, но когда, поднявшись въ безформенную массу, онъ становится видимымъ нашей

артилеріи. Непріятель поражалъ насъ навѣсными выстрѣлами; ядра и гранаты его ложились въ колонну и только изрѣдка перелетали, или не долетая ударялись въ лѣвый берегъ. На открытомъ пространствѣ нѣсколько разъ показывались одиночные всадники, которые также слѣдили за полетомъ своихъ снарядовъ, но долго не оставались на полянѣ: урокъ, данный первому изъ нихъ, не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Веревкинъ не скрывалъ своего желанія атаковать непріятельскую позицію и часто посматривалъ въ ту сторону, судорожно потирая руки. Это казалось тѣмъ возможнымъ, что берега Джалки противъ нашей позиціи расходились не далѣе какъ на пушечный выстрѣлъ и, предпринимая атаку, кавалерія удалилась бы отъ пѣхоты на довольно безопасное разстояніе. Но впервыхъ, въ его распоряженіи въ этотъ день было только два эскадрона драгунъ и три сотни казаковъ, а непріятель выступилъ противъ насъ въ значительныхъ силахъ; вовторыхъ, мѣстность вправо отъ нашей позиціи, т. е. вверхъ по теченію Джалки, была совершенно намъ незнакома, за исключеніемъ самыхъ верховьевъ, такъ какъ рекогносцировка 7-го февраля произведена была влѣво. Въ часть пополудни рубка лѣса была окончена. Пространство, охваченное нашимъ карре, было обнажено, и оставались кое-гдѣ лишь деревья необъятной толщины, вырубка которыхъ могла задержать колонну подъ артилерійскимъ огнемъ часа на три, если даже не на четыре. Но эти деревья не вредили общему впечатлѣнію: участка лѣса, предназначеннаго къ уничтоженію, все-таки не существовало, и на его мѣстѣ образовалась довольно широкая просѣка—окно, черезъ которое можно было видѣть съ нашей лагерной позиціи лѣса Хулхулау.

Началось отступленіе. Передній фасъ карре превратился въ арріергардъ, правый и лѣвый въ боковыя цѣпи, а задній слѣдовалъ въ авангардѣ. Драгуны, съ шестью ору-

діями, остались у праваго передняго угла, а казаки передвинулись на лѣвый передній; такимъ образомъ кавалерія съ артилеріей образовали крылья колонны. Непріятель не тотчасъ началъ переправляться черезъ Джалку; онъ продолжалъ канонаду, направивъ свои выстрѣлы противъ пѣхоты, какъ только она показалась изъ лѣса. Но когда мы отошли на ружейный выстрѣлъ отъ лѣваго берега Джалки, онъ всею массою бросился къ переправѣ. Колонна остановилась. Джалка, какъ я уже говорилъ, рѣка широкая: разстояніе отъ одного берега до другаго въ томъ мѣстѣ, гдѣ производилась рубка лѣса, не менѣе пушечнаго выстрѣла; главное же русло, по которому вода бѣжитъ даже и въ мелководье, не болѣе двадцати сажень ширины. Почему непріятель не переправился нѣсколько выше, прикрываясь лѣсами—этого мы не могли понять. Можетъ быть, спускъ у праваго берега былъ слишкомъ обрывистъ. Здѣсь же онъ долженъ былъ проходить подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ восьми орудій—шести съ праваго крыла колонны, двухъ съ лѣваго. Это его не остановило; онъ только ускорилъ свою переправу, бросая на мѣстѣ раненыхъ и убитыхъ. Когда на переправѣ показались два его орудія, полковникъ Веревкинъ сильно ударилъ ногойкой своего маленькаго иноходца, и по лицу его пробѣжала саркастическая улыбка, точно онъ хотѣлъ сказать: „теперь ты не уйдешь отъ меня“. Ободренный скромными размѣрами нашей колонны, и въ особенности малочисленностью кавалеріи, непріятель открыто заявилъ о своемъ намѣреніи преслѣдовать насъ артилерійскимъ огнемъ даже и съ лѣваго берега Джалки. Прерванное отступленіе продолжалось. Мѣстность усѣяна была перелѣсками и кустарниками, служившими намъ ширмами, за которыми мы могли отъ времени до времени скрывать наши передвиженія. Какъ только мы вступили въ нихъ, Веревкинъ тотчасъ же сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ боевомъ порядкѣ: арріер-

гардная цѣпь раздалась вправо и влѣво, такъ чтобы занять возможно большее протяженіе; боковыя цѣпи выдвинулись къ ея флангамъ, примкнувъ крайними своими парами къ крайнимъ парамъ арріергарда; два легкихъ орудія оставлены были за серединой его; драгуны съ остальными четырьмя осадили къ авангарду и спѣшились, такъ что непріятель не могъ ихъ видѣть; казаки, съ двумя орудіями, продолжали занимать прежнее мѣсто на лѣвомъ флангѣ арріергардной цѣпи. Мы отступали не останавливаясь, такъ скоро, какъ только позволяло достоинство нашего оружія, но въ стройномъ порядкѣ. Веревкинъ старался заманить непріятеля на плоскость, поближе къ колоннѣ, подальше отъ Джалки: завѣтною мечтою всѣхъ колонныхъ и отрядныхъ начальниковъ завладѣть непріятельскими орудіями заразился и онъ. Непріятель дался въ обманъ. Замѣтивъ, какъ быстро увеличивается разстояніе между нимъ и нашими войсками, и принявъ это за уклоненіе отъ боя, онъ съ каждымъ шагомъ становился самонадѣяннѣе. Впереди всей его массы, разсыпавшись въ цѣпь, попарно шли рослые тавлинцы. Я никогда не видѣлъ прежде такого правильнаго строя у горцевъ. Обыкновенно они дѣйствуютъ поодиначкѣ или партіями большими и малыми, безпрестанно перебѣгая съ мѣста на мѣсто, но эта цѣпь ничѣмъ не отличалась отъ нашей; даже перестрѣлка, завязавшаяся между ею и нашимъ арріергардомъ, отзывалась чѣмъ-то регулярнымъ. Ея нельзя было назвать очень бойкою, въ которой всегда бываютъ промежутки затишья, но за то она ни на минуту не прерывалась. За лѣвымъ флангомъ непріятельской цѣпи двигалась кавалерія, человѣкъ около четырехсотъ, съ двумя значками. Намѣреніе ея было слишкомъ очевидно: она хотѣла броситься на нашу правую цѣпь, но почему-то медлила. Вдругъ, за серединою тавлинской цѣпи показалась другая масса кавалеріи, съ пятью значками; она подвига-

лась быстро, имѣя за собою пѣхоту. Все это мы видѣли урывками, когда позволяли промежутки между кустарниками и группами деревьевъ. Къ намъ подъѣхалъ колонный начальникъ. На этотъ разъ лицо его выражало торжество и удовольствіе человѣка, которому вполне удалось задуманное предпріятіе. „Подполковникъ Эттингеръ“, сказалъ онъ, обращаясь къ нашему дивизіонеру, „непріятель сейчасъ откроетъ по насъ изъ своей цѣпи канонаду. Я отвѣчать ему не буду, а прямо поведу пѣхоту въ атаку. Вы, тѣмъ временемъ, посадите свои эскадроны на конь, и какъ только непріятель сдѣлаетъ первый картечный выстрѣлъ—скачите прямо на выстрѣлъ, и черезъ десять минутъ орудія будутъ въ нашихъ рукахъ; пѣхота прикроетъ ваше отступленіе“. Колонна во второй разъ остановилась; непріятель также остановился. Баталіонъ, стоявшій въ авангардѣ, перестроился въ ротныя колонны и въ примѣрномъ порядкѣ, съ барабаннымъ боемъ, двинулся впередъ. Намъ приказано было садиться. Не успѣлъ сорваться послѣдній слогъ довольно протяжной команды „сидись“, какъ мы уже всѣ были на конѣ. Рвенія нашего нельзя передать никакими словами: сколько разъ двигались колонны по открытымъ равнинамъ, точно нарочно созданнымъ для кавалерійскихъ атакъ — и ни одного кавалерійскаго дѣла за все истекшее время.

Кавалерія съ двумя значками, собиравшаяся изъ за лѣваго фланга тавлинской цѣпи атаковать нашу правую цѣпь, зашевелилась и уже начала размахивать шашками; но когда вдругъ надъ нашей колонной выросли два эскадрона драгунъ, она замялась и приостановилась. Авангардъ между тѣмъ продолжалъ наступать; роты шли въ ногу и даже равнялись какъ на смотру, а когда вышли за арріергардную цѣпь, взяли на руку. Непріятель брызгнулъ въ нихъ картечью; онѣ не только не дрогнули, но съ крикомъ „ура“ бросились къ орудіямъ и такъ близко подбѣжали

къ нимъ, что второй картечный выстрѣлъ перелетѣлъ черезъ ихъ головы. Не смотря на то, что между ними и непріятельской артилеріей оставалось не болѣе восьми или десяти сажень, орудія успѣли ускакать и скрыться за перелѣсками по направленію къ Джалкѣ. Это были конныя орудія съ прекрасною упряжью. Въ нѣсколько мгновеній они далеко оставили за собой бросившуюся въ погоню за ними пѣхоту. Казаки, стоявшіе на лѣвомъ флангѣ, не получали никакого приказанія, такъ какъ Веревкинъ опасался, что они появленіемъ своимъ впереди арріергарда заставятъ непріятеля убрать свои орудія прежде, нежели драгуны понесутся въ атаку. Однако они рванулись впередъ, долго не видя драгунъ; но было уже поздно: непріятельская артилерія бѣжала съ позиціи. Гдѣ же были драгуны? Когда раздался первый картечный выстрѣлъ, раздалась и команда нашего дивизіонера: „шашки вонъ“! Наконецъ-то мы вынули шашки, отточенныя еще при Круковскомъ и съ тѣхъ поръ остававшіяся въ ножнахъ. Въ дивизіонѣ наступила тишина. Всѣ ждали команды „рысью“ и потомъ „маршъ-маршъ“; но проходили минуты—мы стояли на мѣстѣ. Мы слышали „ура“ и второй картечный выстрѣлъ—и все стояли на мѣстѣ. Наконецъ авангардъ, послѣ своего славнаго подвига, выдержавъ два раза перекрестный огонь тавлинцевъ, возвратился къ колоннѣ—а мы все продолжали съ шашками у плеча стоять на прежнемъ мѣстѣ. Во второй разъ Веревкинъ подтѣхалъ къ дивизіонеру. Брови его были сдвинуты, губы дрожали. „Подполковникъ Эттингеръ—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ—намъ ваши шашки больше не нужны: Шамиль далеко увезъ свои орудія“. Подполковникъ Эттингеръ повернулся лицомъ къ дивизіону и командовалъ: „шашки въ ножны“. Подлѣ меня стоялъ мой эскадронный командиръ капитанъ Резановъ ²²⁾, суровый

²²⁾ Онъ очень сердился, когда его фамилію писали черезъ *н*.

педантъ во всемъ—и по службѣ, и въ частной жизни. „Вѣрите ли“, обратился онъ ко мнѣ, „плакать хочется, честное слово, хочется плакать! Что жъ это такое? Колонный начальникъ отдаетъ приказаніе, ясное, категорическое—и его не исполняютъ. И кто же не исполняетъ? Человѣкъ, который былъ предметомъ ужаса для своихъ подчиненныхъ, когда служилъ въ Каргопольскомъ драгунскомъ полку“. Не одинъ мой эскадронный командиръ высказывалъ свое негодованіе: весь третій дивизионъ ропталъ—и солдаты, и офицеры. Тѣмъ временемъ непріятельская пѣхота, прикрывавшая орудія, подалась къ лѣсу; часть кавалеріи, съ двумя значками, вслѣдъ за артилеріей понеслась къ Джалкъ; главная же ея масса, съ тремя значками, присоединилась къ той партіи съ двумя значками, которая все время угрожала нашей правой цѣпи. Восьмой значокъ куда-то исчезъ. Тавлинцы, разступившіеся передъ баталіономъ, штурмовавшимъ непріятельскую позицію, и провожавшіе его сильнымъ ружейнымъ огнемъ при наступленіи и при отступленіи, снова сомкнулись и возобновили прерванную съ арріергардомъ перестрѣлку. На этотъ разъ колонна отступала медленно и два раза останавливалась, чтобы картечью и бѣглымъ огнемъ пѣхоты разсѣять кавалерію, покушавшуюся, подъ предводительствомъ сына Шамиля Кази-Магомы, ворваться въ колонну черезъ правую цѣпь. Тенгинскіе и навагинскіе баталіоны вели себя примѣрно въ этотъ день и доказали непріятелю, что и красные солдаты могутъ быть такими же грозными противниками, какъ и черные, если во главѣ ихъ стоятъ достойные офицеры. Послѣ втораго натиска непріятельской кавалеріи перестрѣлка стала постепенно ослабѣвать и скоро совершенно стихла. Непріятель долженъ былъ понести серьезный уронъ: были моменты, когда онъ въ какомъ-то чаду, забывая опасность, густою лавою носился подъ самымъ сильнымъ перекрест-

нымъ картечнымъ огнемъ нашей артилеріи. Переправа черезъ Джалку также обошлась ему не дешево: нѣкоторые раненные снесены были теченіемъ воды и утонули. За то колонна Веревкина, благодаря его распорядительности и стойкости бывшихъ съ нимъ баталіоновъ, вернулась въ лагерь всего съ однимъ убитымъ и двадцатью восемью ранеными нижними чинами; лошадей у насъ убито три, ранено одиннадцать. Въ донесеніи князя Барятинскаго о славномъ дѣлѣ подъ Мискирь-юртомъ между именами отличившихся отсутствуетъ имя подполковника Эттингера. Въ шесть часовъ вечера, черезъ полтора часа по прибытіи въ лагерь нашей колонны, его потребовали черезъ ординарца въ штабъ чеченскаго отряда. Зачѣмъ его требовали, что тамъ происходило между нимъ и начальникомъ штаба—этого никогда никто не могъ узнать. Такъ это и осталось тайною до настоящаго времени. Вскорѣ послѣ зимней экспедиціи подполковникъ Эттингеръ возвратился въ свой прежній Каргопольскій драгунскій полкъ, изъ котораго по собственному желанію за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ переведенъ въ Нижегородскій. Можетъ быть, существовала связь между этимъ переводомъ и секретной аудіенціей въ штабъ чеченскаго отряда.

Счеты наши съ Джалкой еще не были покончены. Вырубкой лѣсовъ, которыми покрыты были берега этой рѣки и ея притоковъ, мы преслѣдовали ту же цѣль, которая была достигнута нами проложеніемъ просѣкъ у подножія Черныхъ горъ, въ окрестностяхъ шалинской поляны: тамъ мы открыли широкой путь въ глубь большой Чечни со стороны Воздвиженской, какъ крайняго лѣваго пункта чеченской передовой линіи; здѣсь намъ предстояло открыть такой же широкой путь и туда же со стороны Грозной, стоявшей также на лѣвомъ флангѣ, но только во второй чеченской линіи, носившей названіе сунженской. Просѣка, про-

ложенная Веревкинымъ 11-го февраля, была только окномъ въ большую Чечню, но не военной дорогой. 12-го февраля полковникъ Левинъ, съ колонной, состоявшей изъ трехъ баталіоновъ, съ частью артилеріи, производилъ рубку лѣса въ безопасномъ мѣстѣ на половинѣ разстоянія между лагеремъ и Мискирь-юртомъ. Ни одного выстрѣла не было сдѣлано по колоннѣ, хотя издали, съ береговъ Джалки, за нею наблюдали значительныя партіи, состоявшія преимущественно изъ пѣшихъ. 13-го числа предполагалось произвести окончательную вырубку лѣса по лѣвому берегу Джалки въ окрестностяхъ Мискирь-юрта, для чего назначена была колонна изъ пяти баталіоновъ пѣхоты—3-го и 4-го Навагинскаго пѣхотнаго полка, 1-го и 2-го егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка и 1-го егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка—двухъ командъ, одной кавказскаго сапернаго и другой стрѣлковаго баталіоновъ, при соотвѣтствующемъ числѣ артилеріи, и всей кавалеріи, подъ командою новаго начальника кавалеріи чеченскаго отряда полковника кн. Чавчавадзе. Мы выступили ночью и прибыли въ Мискирь-юртъ на разсвѣтѣ. Въ этотъ день мнѣ уже не въ первый разъ пришлось наблюдать тотъ странный феноменъ нашей нравственной природы, который у всѣхъ народовъ носитъ названіе предчувствія, и я могъ убѣдиться, что по крайней мѣрѣ девять разъ изъ десяти оно не есть напрасная тревога сердца, не имѣющая подъ собой реальной почвы. Вѣроятно, нервы наши, въ силу неизвѣданныхъ еще законовъ, приходятъ или въ упадокъ, или въ возбужденное состояніе всякій разъ, когда организму чело-вѣка готовится ударъ, или въ жизни его долженъ наступить переломъ, который будетъ имѣть вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу. При моемъ взводѣ состоялъ барабанщикъ, молодой чело-вѣкъ лѣтъ двадцати двухъ или трехъ—не болѣе, веселый, развязный, разговорчивый. 13-го февраля

онъ прибылъ къ фронту задумчивый, грустный. Напрасно старый взводный вахмистръ старался заставить его разговориться: ни слова, ни улыбки не могъ онъ добиться отъ него. Насъ ожидали у Мискирь-юрта, потому что, когда мы стали подходить къ кладбищу, изъ опушки лѣса и съ праваго берега рѣки раздались ружейные выстрѣлы, которые прекратились, какъ только кавалерія, съ частью пѣхоты, начала переправляться черезъ Джалку. Пѣхота, оставшаяся на лѣвомъ берегу, тотчасъ же приступила къ рубкѣ лѣса. Баталіоны, переправившіеся съ кавалеріей, принялись раскидывать и жечь завалы, сложенные изъ деревьевъ, которыя 11-го февраля были срублены колонной Веревкина. Оказалось, что пѣшія партіи, видѣнныя наканунѣ колонной полковника Левина, посланы были сюда не для наблюденія за нею, а для прикрытія работъ по устройству заваловъ. И для чего эти завалы? невольно приходило намъ въ голову. Неужели только для очищенія совѣсти? Неужели въ чеченцахъ уже тогда стало возникать смутное предчувствіе скорого покоренія ихъ края, и они вслѣдствіе того стали апатично относиться къ его оборонѣ? Иначе чѣмъ объяснить, что завалы не были заняты, когда мы подошли къ нимъ, не смотря на то, что нашего прибытія ожидали? Когда опушка лѣса на лѣвомъ берегу рѣки настолько отодвинулась влѣво, внизъ по теченію ея, что колонны наши могли свободно двигаться по большой военной дорогѣ, не опасаясь засадъ, и снаряды непріятельской артиллеріи не могли долетать до нихъ, еслибы даже чеченскіе наибы и отваживались устраивать тамъ свои батареи, тогда пѣхота, производившая рубку лѣса, переправилась черезъ Джалку и принялась уничтожать деревья на правомъ берегу; но здѣсь она успѣла обнажить только небольшую лѣсную площадку. Поданъ былъ сигналъ къ отступленію. Непріятель сдѣлалъ въ это утро нѣ-

сколько выстрѣловъ изъ орудій по войскамъ, пока производились работы, и то вначалѣ, но съ такого разстоянія, что ядра его, даже и послѣ рикошетовъ, ложились далеко впереди насъ.. Подъ конецъ онъ подвезъ свою артилерію ближе, но пока молчалъ, опасаясь, вѣроятно, кавалеріи. Когда же войска зашевелились, чтобы начать обратную переправу, опять раздался выстрѣлъ. Кавалерія стояла уже лицомъ къ переправѣ. Почти въ одно время съ выстрѣломъ я услышалъ совсѣмъ близко отъ себя, на разстояніи вытянутой руки, ударъ, который почему-то заставилъ меня вздрогнуть. Я не сразу понялъ значеніе этого удара, такъ какъ онъ похожъ былъ на ударъ массивнаго резинового мячика обо что нибудь твердое. Я взглянулъ налѣво и увидѣлъ того самаго молодого барабанщика, о которомъ говорилъ выше; наши лошади стояли такъ близко одна къ другой, что его нога почти касалась моего стремени. Онъ оставался еще въ сѣдлѣ, но былъ убитъ, и голова его склонилась къ лѣвому плечу; трехфунтовое ядро попало ему въ правый високъ, и онъ умеръ, мгновенно. Онъ, вѣроятно, задумался передъ тѣмъ и не слышалъ, какъ кавалеріи скомандовали „направо кругомъ“, и тогда только сталъ поворачивать лошадь, когда замѣтилъ, что взводъ стоитъ лицомъ къ нему. Еслибы онъ тотчасъ послѣ команды повернулъ свою лошадь, ядро пронеслось бы мимо его лѣваго виска на поларшина. „Прекрасная смерть!“ воскликнулъ командиръ 5-го эскадрона капитанъ Зиновьевъ. „Даже и вздохнуть не успѣлъ; никакихъ страданій“. — „Да, но у него было предчувствіе, а это, право, не лучше предсмертныхъ страданій“, замѣтилъ я. Послѣ этого выстрѣла, скосившаго такую молодую жизнь, канонада продолжалась еще нѣкоторое время, а когда мы отступили отъ лѣваго берега Джалки, горцы, по обыкновенію, завязали съ арріергардомъ перестрѣлку, которая, впрочемъ, скоро прекратилась. Мы

потеряли, кромѣ убитаго барабанщика, пять человѣкъ ранеными и одного оберъ-офицера егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полка, штабсъ-капитана Меллярта, контуженымъ; лошадей убито пять—всѣ ядрами.

Быстро измѣнялась мѣстность вокругъ нашего стана, въ ущербъ конечно красотѣ, но съ пользою для военныхъ цѣлей. На мѣстѣ лѣсовъ, придававшихъ ландшафту столько величія и разнообразія, лежали обнаженные пространства, представлявшія печальную картину опустошенія; вездѣ торчали безобразные пни, вездѣ валялись деревья далеко не въ живописномъ безпорядкѣ, и многія изъ нихъ были обуглены; отъ другихъ же ничего не осталось, кромѣ вершины и комля, разлученныхъ грудами угля, золы и пепла. Кругозоръ расширялся, но между глазомъ и горизонтомъ на прекрасной чеченской равнинѣ появились непривлекательныя пятна, оставленные неумолимыми русскими и американскими топорами ³³⁾. Среди нихъ мѣстами виднѣлись черные круги съ сѣдымъ налетомъ—слѣды гигантскихъ костровъ. 14-го февраля опустошенія продолжались. Колонна, подѣ начальствомъ подполковника Меркулова, продолжала рубить лѣсъ на полпути отъ долины Аргуна къ Мискирь-юрту. 15-го генераль-маіоръ баронъ Меллеръ-Закомельскій долженъ былъ, согласно инструкціи, полученной имъ отъ начальника отряда, произвести „капитальную и рѣшительную рубку“ на правомъ берегу Джалки, начатую 13-го. Мы выступили ночью; съ нами было восемь баталіоновъ пѣхоты ³⁴⁾, двѣ команды—одна саперъ, другая кавказскаго стрѣлковаго баталіона—четыренадцать орудій и вся кавалерія.

³³⁾ Американскіе топоры въ первый разъ появились въ отрядѣ въ началѣ февраля.

³⁴⁾ 2-й баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, 3-й и 4-й Навагинскаго, 1-й Эриванскаго карабинернаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича и 2-й и 4-й баталіоны егерскаго генераль-адъютанта князя Воронцова полковъ.

Еще не начинало свѣтать, какъ опять въ темнотѣ начали выстраиваться передъ нами высокія мачты мискиръ-юртовскаго кладбища. Такъ какъ въ отрядѣ получено было извѣстіе, что непріятель намѣренъ отстаивать лѣсъ праваго берега Джалки, и что онъ содержитъ въ окрестностяхъ Мискиръ-юрта постоянные наблюдательные посты, то баронъ Меллеръ-Закомельскій, не дождавшись разсвѣта, предпринялъ очень смѣлую предварительную рекогносцировку. Онъ хотѣлъ озадачить непріятеля, если тотъ скрывается здѣсь, отрѣзать его отъ сообщеній съ Хулхулау, если это окажется возможнымъ, и затѣмъ уже приступить къ работамъ. Колоннѣ онъ приказалъ стоять на лѣвомъ берегу Джалки въ полной готовности къ бою до его возвращенія, и даже кавалеріи не велѣлъ спѣшиваться; самъ же, съ двумя баталіонами—1-мъ Эриванскаго карабинернаго Наслѣдника Цесаревича полка и 2-мъ князя Чернышева—и съ двумя батарейными орудіями, переправившись черезъ Джалку, повернувшись налѣво, вступилъ въ лѣсъ, рассыпалъ оба баталіона и съ этою длинною цѣпью прошелъ полосу лѣса во всю ея ширину и вышелъ на поляну. Это была своего рода облава. Въ лѣсу скрывалась непріятельская партія, но составъ ея былъ такой сравнительно незначительный, что она не только не рѣшилась, но даже не могла задержать наступленіе нашихъ баталіоновъ. Чеченцы, какъ летучія мыши, застигнутыя совой, бѣжали въ полумракѣ черезъ поляну къ крутому оврагу, протянувшемуся черной лентой вдоль восточнаго ея края, не сдѣлавъ даже ни одного выстрѣла. Баронъ Меллеръ-Закомельскій, не останавливаясь на полянѣ, продолжалъ наступленіе вплоть до оврага, оказавшагося пересохшимъ русломъ одного изъ правыхъ притоковъ Джалки. Чеченцы успѣли перебѣжать черезъ него прежде, нежели къ нему подошли баталіоны, и скрылись на правомъ берегу его за кустарниками и рощами, разсѣян-

ными по ту сторону поляны и составлявшими какъ бы ведеты, выдвинувшіеся со стороны другаго лѣса, широкой каймой устилавшего почти весь лѣвый берегъ Хулхулау. Этого другаго лѣса мы не трогали, и онъ одинъ на всей плоскости продолжалъ сохранять дѣвственность по отношенію къ русско-американскому всеокрушающему топору. Почти совсѣмъ разсвѣло, когда вся остальная колонна переправилась на другой берегъ рѣки. Пѣхота тотчасъ же приступила къ рубкѣ лѣса, а саперы принялись въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрабатывать спуски въ обрывистыхъ берегахъ оврага. Сначала кругомъ все было тихо, и никто не тревожилъ колонны; даже и тѣ чеченцы, которые скрылись за рощами, ни разу не выходили изъ своихъ убѣжищъ. Опытный колонный начальникъ зналъ, какъ понимать эту тишину, и войскамъ отдано было приказаніе не расходиться. Черезъ часъ со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться тавлинцы и чеченцы; нѣкоторые изъ нихъ переправились даже на лѣвый берегъ Джалки и показались въ тылу нашей колонны. Этимъ послѣднимъ, въ видѣ предостереженія, послано было нѣсколько гранатъ внушительнаго калибра, заставившихъ ихъ укрыться за перелѣсками вправо, къ сторонѣ верховьевъ. Послѣ нашихъ первыхъ орудійныхъ выстрѣловъ стали появляться всадники, точно вызванные ими на тревогу, на дорогѣ отъ разореннаго аула Герменчука, впереди старой просѣки; ихъ было, можетъ быть, тридцать, и никакъ не болѣе сорока. Они вереницей потянулись къ оврагу, надъ которымъ стояли наши два баталіона, но только далеко вправо отъ нихъ, переѣхали черезъ него и пропали въ рощахъ за его правымъ берегомъ. Черезъ нѣсколько минутъ и впереди насъ, на лѣвомъ берегу Хулхулау, показалась кавалерія; но это была уже не партія, а настоящая фаланга, двигавшаяся довольно стройно, съ развѣвавшимися надъ нею пятью значками, въ числѣ которыхъ,

не смотря на разстояніе, не трудно было отличить и артилерійскій. Эта кавалерія отъ рѣки Хулхулау повернула на сѣверо-западъ и, не доходя праваго берега оврага, куда-то скрылась—вѣроятно, остановилась за тѣми же рощами, оказавшимися превосходными ширмами.

Работы между тѣмъ шли безостановочно. Раздававшійся по лѣсу частый, усиленный стукъ топоровъ, сопровождавшійся гуломъ и трескомъ безпрестанно падавшихъ деревьевъ, не прерывался пока ни однимъ выстрѣломъ. Только около десяти часовъ изъ за праваго берега оврага горы завязали перестрѣлку съ авангардной цѣпью. Ровно въ одиннадцать часовъ надъ поляной прошипѣла первая непріятельская граната, лопнувшая высоко надъ землей, почти на половинѣ описанной ею параболы, очень далеко отъ колонны. Гдѣ стояли непріятельскія орудія—опредѣлить было очень трудно. Судя по направленію снаряда, позиція Шамиля должна была находиться почти на одной горизонтальной линіи съ нашей колонной. Разстояніе до нея, если за данную величину принять ту точку параболы, въ которой лопнула граната, было очень велико. Въ донесеніи начальника отряда (22-го февраля № 36) сказано, что непріятель открылъ по колоннѣ огонь изъ аула Эрсеной; но это ошибка, которую ничѣмъ инымъ нельзя объяснить, какъ сбивчивыми или завѣдомо искаженными показаніями лазутчиковъ, такъ какъ Эрсеной, аулъ пока еще населенный и только въ послѣдствіи испытавшій участь Саитъ-юрта, отстоялъ въ то время отъ Мискирь-юрта по меньшей мѣрѣ верстъ на восемь. Можетъ быть, послѣ возобновленія своего на другомъ пунктѣ, онъ придвинулся къ Мискирь-юрту. Чеченцы, дѣйствительно, послѣ раззоренія нами ауловъ, переносили ихъ иногда на новыя мѣста, сохраняя за ними прежнія названія. Бата, не читавшій нашихъ донесеній, которыя старательно скрывались въ штабѣ, по всей вѣроятности не до-

пустилъ бы сдѣлать такую грубую ошибку, еслибы узналъ о ней. Преждевременный взрывъ второй непріятельской гранаты наши войска привѣтствовали также взрывомъ, но только гомерическаго смѣха. Улыбнулся даже всегда безстрастный баронъ Меллеръ-Закомельскій. Вслѣдъ за второй гранатой со свистомъ пронеслось въ воздухъ ядро, которое, ударившись о правый берегъ оврага и вырвавъ изъ него цѣлый фонтанъ гравія и грязи, мирно скатилось на дно его. Раздраженный этими тремя неудачными выстрѣлами, непріятель навремя прекратилъ канонаду и началъ сбѣгаться къ рощамъ и перелѣскамъ, обступавшимъ съ трехъ сторонъ нашу позицію, и изъ за нихъ открылъ по колоннѣ довольно сильный перекрестный ружейный огонь. Артилерія наша, по одному и по два орудія, подъ прикрытіемъ свободныхъ частей пѣхоты, принуждена была разбросаться на разныхъ пунктахъ нашей боевой позиціи, чтобы отвѣчать всѣмъ требованіямъ обороны и не позволять горцамъ на близкомъ разстояніи поражать мѣткими выстрѣлами войска, охранявшія работы. Не ограничиваясь дѣйствіями съ фронта и противъ правой цѣпи, довольно сильныя партіи пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ опять показались на лѣвомъ берегу Джалки, противъ нашего арріергарда. Такъ какъ оттуда онѣ могли угрожать баталіонамъ, разсыпавшимся по лѣсу съ топорами, то баронъ Меллеръ-Закомельскій немедленно переправилъ на лѣвый берегъ всю кавалерію, при четырехъ легкихъ орудіяхъ, и тѣмъ обезпечилъ тылъ и лѣвый флангъ колонны. Положеніе колоннаго начальника было въ этотъ день затруднительное: сборы непріятельскіе были велики, и хотя въ его распоряженіи было шесть баталіоновъ, но три изъ нихъ были посланы на рубку лѣса, которая должна была производиться, согласно инструкціи, „капитально“. Приходилось изворачиваться съ тремя баталіонами и кавалеріей. Г. м. баронъ Меллеръ-Зако-

мельскій, съ своей проницательностью и быстротою соображенія, стоялъ на высотѣ задачи и вышелъ съ честью и съ ничтожнымъ урономъ изъ труднаго дѣла. Къ тремъ часамъ пополудни рубка лѣса была окончена, спуски къ оврагу разработаны, и колонна начала отступать. При переправѣ нашихъ войскъ черезъ Джалку, ружейный огонь съ праваго берега оврага усилился, но пули падали въ колонну наизлетѣ. Горцы, перебѣжавъ черезъ оврагъ по разработаннымъ нами спускамъ, осмѣливались показываться на открытой полянѣ и съ особенною назойливостью налегали на два баталіона, все время стоявшіе въ авангардѣ надъ оврагомъ. Когда мы перенесли за кладбище, канонада возобновилась, частая, ожесточенная; но наша артилерія не истощила своей энергіи и дала такой отпоръ непріятельскимъ орудіямъ, что послѣ двадцати или двадцати двухъ выстрѣловъ они должны были признать себя побѣжденными и пререканія съ нами прекратили. 15-го февраля у насъ вышло изъ строя нижнихъ чиновъ убитыми четверо и ранеными одиннадцать; лошадей убито ядрами двѣнадцать, ранено осколками гранатъ двѣ, пулями двѣ. Вообще, если мы понесли въ этотъ день ничтожную сравнительно потерю, то много обязаны этимъ артилеріи: пока производилась рубка лѣса, она все время держала непріятеля на такомъ разстояніи отъ колонны, что пули его или совсѣмъ не долетали, или падали наизлетѣ, а при нашемъ отступленіи такими дружными репликами отвѣчала на вызовы непріятельской артилеріи, что она волей-неволей должна была отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, лишившись большей половины своей прислуги и двухъ выносныхъ лошадей—о чемъ намъ сообщили не лазутчики, а бинокль колоннаго начальника. Такъ какъ всѣ думали въ колоннѣ, что рубка лѣса на правомъ берегу Джалки была послѣднею въ эту экспедицію, то баталіоны возвращались

въ лагерь съ пѣснями. 16-го февраля мы никуда не трогались и были увѣрены, что и ночью никуда не тронемся, такъ какъ по отряду съ быстротою электрическаго тока пронеслась молва, что зимняя экспедиція кончилась, и что черезъ два дня войска будутъ распущены по своимъ штабъ-квартирамъ. Начальники частей, нѣсколько ближе стоявшіе къ приближеннымъ начальника отряда, подтвердили этотъ слухъ, и сами исподоволь стали готовиться къ выступленію: выносились за палатки и осматривались въючные сундуки и переметныя сумы, выколачивались старые ковры, очищались отъ грязи и починялись брезенты, которыми накрываютъ въюки. Ярче обыкновеннаго запылали костры по всему лагерю, хотя весна быстро приближалась, и погода стояла тихая и теплая; раньше обыкновеннаго раздались пѣсни и загремѣли бубны,—вообще, радовались всѣ. Но больше всѣхъ радовалась пѣхота, въ глазахъ которой скучное и утомительное ремесло дровосѣковъ не могло быть особенно заманчивымъ, хотя рвенію, съ какимъ она выполняла всѣ работы, оставалось только удивляться³⁵⁾. Даже драгуны, которые все время одинъ только разъ обнажили шашки, и то не надолго, даже они не прочь были отдохнуть на лаврахъ, если не на своихъ, то хоть на чужихъ.

³⁵⁾ Въ донесеніи отъ 5-го марта № 43 князь Барятинскій между прочимъ пишетъ: «этимъ заключились военныя дѣйствія чеченскаго отряда, который въ продолженіе кампаніи съ 3-го января по 5-е марта оказалъ такую дѣятельность, какую только отъ ревностныхъ и храбрыхъ войскъ, составлявшихъ его, и можно было ожидать и требовать». Въ концѣ того же донесенія говорится: «въ остальное время, предназначенное г. главнокомандующимъ для сбора войскъ, чеченскій отрядъ произвелъ такія работы въ низовьяхъ Аргуна въ продолженіе шести дней, для исполненія которыхъ при другихъ, менѣе благоприятныхъ, обстоятельствахъ надобно было бы снаряжать особую экспедицію». Бата говорилъ намъ, что горцы поражены были быстротою, съ какою лѣса падали на равнинѣ и у предгорій большой Чечни. Шамиль утѣшалъ ихъ тѣмъ, что у нихъ за то много прибавилось пахатной земли, а лѣса еще довольно въ горахъ и по ущельямъ.

Въ то время, какъ всѣ предавались надеждѣ на скорое возвращеніе къ своимъ пенатамъ, въ отрядѣ былъ человекъ, который зналъ, что эта надежда для многихъ не осуществится. Онъ зналъ о настроеніи войскъ; онъ не могъ не знать, такъ какъ слухъ о выступленіи отряда въ Грозную и оттуда на линію по домамъ распущенъ былъ имъ же самимъ для извѣстныхъ ему одному цѣлей. Въ то время, какъ кругомъ него все ликовало, онъ сидѣлъ въ своемъ шатрѣ надъ картой, испещренной ломанными и кривыми линіями, кружками, точками и штрихами, и думалъ глубокую думу, можетъ быть, не совсѣмъ веселую. Можетъ быть, въ эти минуты передъ его воображеніемъ вставалъ призракъ высокаго, стройнаго генерала, съ блѣднымъ лицомъ, выразительными глазами, съ черными, какъ ночь, волосами и съ траурной діадемой на лбу, на которой вмѣсто алмазовъ вышита была страшная цифра урона, понесеннаго этимъ генераломъ въ угрюмыхъ лѣсахъ Ичкеріи. Прислушиваясь къ глухому ликованію, доносившемуся до него со всѣхъ концовъ лагеря, онъ долженъ былъ говорить про себя съ улыбкой: отрядъ предполагаетъ, а князь Барятинскій располагаетъ.

IV.

Разочарованіе. Движеніе въ глубину б. Чечни. Трехчасовой бой въ гелъдыгенскомъ орѣшникѣ. Катастрофа въ цѣпи. Маюртупъ. Картина перевязочнаго пункта. Наши потери. Новый бой въ маюртупскомъ орѣшникѣ. Переправа. Штурмъ редута. Бата—спаситель жизни. Отправленіе части отряда за Мичикъ. Артиллерійскій бой—и послѣдній. Прибытіе въ укр. Куринское. Новый лагерь и рубка лѣса. Роспускъ отряда.

Въ ночь на 17-е февраля я проснулся часа за два до разсвѣта. Въ лагерьѣ царствовала та глубокая тишина, которая наступаетъ обыкновенно къ концу второй половины ночи; только Аргунъ своимъ сердитымъ шумомъ еще рѣзче отгѣнялъ безмолвіе всего окружающаго. Мысль объ оставленіи черезъ день отряда долго не давала мнѣ уснуть, и отъ нечего дѣлать я сталъ перебирать въ своемъ умѣ всѣ подробности послѣдняго нашего движенія къ правому берегу Джалки. Сколько времени прошло въ этомъ занятіи—съ точностью не могу опредѣлить; помню только, что глаза мои начинали уже смыкаться, какъ вдругъ я услышалъ давно и хорошо знакомый мнѣ шумъ. Во всякое другое время я бы не обратилъ на него особеннаго вниманія, такъ какъ мы къ нему привыкли; но почти наканунѣ роспуска отряда этотъ шумъ показался довольно страннымъ. Между палатками раздавались шаги куда-то бѣгущихъ людей; на коновязяхъ тихо ржали лошади; на переднихъ линейкахъ стучали прикладами, точно разбирали ружья,—словомъ, къ чему-то готовились. Я наскоро одѣлся и вышелъ изъ палатки. По положенію звѣздъ на небѣ я увидѣлъ, что не ошибся въ опредѣленіи времени: до разсвѣта оставалось дѣйствительно не болѣе двухъ часовъ. Нѣкоторые костры

догарали, другіе уже потухли, но мимо ихъ проходили не останавливаясь. По всему лагерю замѣтно было движеніе, которое всегда предшествовало нашимъ ночнымъ экскурсіямъ. Какъ же это такъ? О роспускѣ отряда еще накануне говорили такъ положительно, и слухъ о немъ подтверждался даже лицами, близко стоявшими къ штабу князя Барятинскаго. Какой же еще сюрпризъ готовится намъ? Ко мнѣ подошелъ офицеръ нашего дивизіона, который тѣ же вопросы и догадки повторилъ вполголоса, точно подслушалъ мои мысли. Подошелъ къ намъ и майоръ Моллеръ. „Что это значить, Александръ Антоновичъ“? обратился я къ нему. — „У Барятинскаго опять бессонница—вотъ что значить, и мы будемъ отдыхать какъ слѣдуетъ только на томъ свѣтѣ“.

Черезъ четверть часа мы выступили, но не къ Грозной, какъ нѣкоторые изъ насъ все еще надѣялись до послѣдней минуты, а по вновь проложеннымъ просѣкамъ прямо на Мискирь-юртъ. Колонна состояла изъ восьми баталіоновъ и двухъ командъ пѣхоты, восьми батарейныхъ и четырехъ легкихъ орудій и всей кавалеріи, подъ личнымъ начальствомъ князя Барятинскаго ³⁶⁾. Заря только начинала заниматься, когда войска стали подходить къ Джалкѣ. Такъ какъ мѣстность къ лѣвому берегу рѣки постепенно понижалась, то сначала надъ поверхностью земли показались верхушки мачтъ мискирь-юртовскаго кладбища, съ красивыми флюгерами, тихо колоблемыми предразсвѣтнымъ вѣтер-

³⁶⁾ 1-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, 2-й и 3-й Тенгинскаго пѣхотнаго, 1-й, 2-й и 4-й егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полковъ, 2-й и 4-й егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, команда кавказскаго стрѣлковаго и команда 3-го резервнаго сапернаго баталіоновъ; дивизіонъ батарейной № 1 батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, дивизіонъ батарейной № 4 батареи 20-й артилерійской бригады, дивизіонъ конно-артилерійской казачьей № 15 батареи и вся кавалерія.

комъ. Влѣво отъ кладбища, на просѣкахъ, среди жалкихъ развалинъ величественнаго когда-то лѣса, одиноко возвышались осиротѣлыя деревья, уцѣлѣвшія съ длинными рядами вымершихъ поколѣній у своего подножія. „Значки, значки“! радостно заговорили въ колоннѣ тѣ, которые еще не были у Мискиръ-юрта и не знали о существованіи кладбища. Наканунѣ радовались выступленію изъ отряда, а теперь не могли скрыть своей радости при мысли о новой встрѣчѣ съ непріателемъ. Пріятное заблужденіе, однако, скоро должно было разсѣяться: мнимые значки стояли на одномъ мѣстѣ, а мачты становились все длиннѣе и длиннѣе, и наконецъ показались у подножія ихъ могильные камни съ закругленными вершинами и невысокіе могильные курганы. Поляна за правымъ берегомъ Джалки была вся изрыта канавами и забросана завалами, такъ что мы подвигались очень медленно. Спуски къ оврагу, разработанные 15-го числа нашими саперами, были до того испорчены, что о возобновленіи ихъ нечего было и думать, и пришлось взять нѣсколько ниже, гдѣ берега не такъ обрывисты; но и тамъ переправа артилеріи потребовала много времени и усилій нѣсколькихъ ротъ пѣхоты. Солдаты смѣялись, понукали орудія какъ животныхъ, называли ихъ ласковыми именами, острили надъ массивностью батарейныхъ орудій, спрашивая у канонировъ—чѣмъ они ихъ кормятъ. Только князь Барятинскій слѣдилъ за переправой съ лѣваго берега оврага съ нахмуренными бровями: всѣ эти задержки, которыя, однако, онъ долженъ былъ предвидѣть, выводили его изъ себя. Одного дня было достаточно для непріателя, чтобы удобопроходимую мѣстность превратить въ трупобу. Для чего онъ это сдѣлалъ? Неужели онъ предвидѣлъ движеніе 17-го февраля, котораго изъ насъ никто не предвидѣлъ? Неужели въ распространившемся по лагерю слухѣ о роспускѣ отряда онъ угадалъ западню въ то время,

когда даже наши начальники такъ наивно повѣрили ему? Отъ оврага, мимо рощъ и живописно разбросанныхъ по полянамъ отдѣльныхъ группъ деревьевъ, служившихъ непріятелю ширмами во время послѣдней рубки лѣса, мы стали держаться юго-восточнаго направленія. Около восьми верстъ отошли мы отъ Мискирь-юрта, не встрѣчая ни населенныхъ ауловъ, ни непріятеля, и только попадались изрѣдка мелкіе хутора, уединенно стоявшіе сакли, да полуразрушенныя мельницы надъ высохшими ручьями. Все это давно было брошено, носило слѣды запустѣнія и въ то же время свидѣтельствовало о цвѣтущемъ состояніи края въ давно минувшіе годы. Наконецъ, показались первые признаки жилья: копны сѣна, расположенныя въ два ряда въ шахматномъ порядкѣ, а за ними, огороженныя высокими плетнями, сакли аула, который Бата назвалъ Цицынъ-юртомъ. Нѣсколько человѣкъ пѣшихъ чеченцевъ выбѣжали изъ аула при нашемъ приближеніи и спустились въ оврагъ, надъ которымъ стоялъ Цицынъ-юртъ. Этотъ оврагъ—одинъ изъ маленькихъ лѣвыхъ притоковъ многоводной рѣки Хулхулау; переправа черезъ него также не обошлась безъ затрудненій и нѣкоторой потери времени.

Изъ опушки лѣса, начинавшагося за оврагомъ, влѣво отъ дороги, по которой мы наступали, около десяти часовъ утра сдѣланъ былъ по войскамъ первый выстрѣлъ, послужившій сигналомъ къ довольно сильной перестрѣлкѣ въ лѣвой цѣпи, начальство надъ которой ввѣрено было полковнику флигель-адъютанту князю Воронцову. Въ ней было два баталіона, 2-й и 4-й егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка. Курияцы два раза порывались штыками выбить непріятеля изъ опушки, и оба раза чеченцы, зная, что черные солдаты не ограничатся острасткой, убѣгали въ глубь лѣса и снова появлялись у опушки. Перестрѣлка въ лѣвой цѣпи прекратилась вмѣстѣ съ

лѣсомъ. На другихъ фасахъ колонны было пока тихо, хотя мѣстность позволяла непріятелю зайти намъ въ тылъ и завязать дѣло съ арріергардомъ. Въ верстѣ къ юго-востоку отъ Цицынъ-юрта мы встрѣтили другой аулъ Эманы. 2-й и 4-й баталіоны князя Воронцова полка вступили въ него безъ выстрѣла. Онъ былъ оставленъ жителями только на время, такъ какъ всѣ продовольственные запасы его были налицо; но ихъ не жгли, потому что время было дорого, и колонна шла безостановочно. Далеко вправо, за правымъ берегомъ Хулхулау, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка образуетъ большую исходящую дугу, замелькали между деревьями значки. Они передвигались то вправо, то влѣво, то пропадали за деревьями, то снова вступали въ ихъ промежутки. Число ихъ опредѣлить было трудно; на самомъ же дѣлѣ ихъ было въ той сторонѣ въ моментъ появленія всего одиннадцать. Этотъ значительный сборъ непріятеля въ такой ранній часъ дня и на такомъ далекомъ разстояніи отъ Джалки также заставлялъ предполагать, что Шамилю было извѣстно о намѣреніи князя Барятинскаго проникнуть въ глубь Чечни. Присутствіе аварскихъ значковъ въ его кавалеріи также было подозрительно: обыкновенно дагестанскіе горцы уходили домой за нѣсколько дней до роспуска нашего отряда, иногда даже за двѣ, за три недѣли, смотря по состоянію наличныхъ продовольственныхъ запасовъ чеченцевъ, а въ настоящемъ году, не смотря даже на слухъ объ окончаніи экспедиціи, имамъ держалъ ихъ при себѣ. Хотя берега Хулхулау и покрыты лѣсомъ, котораго не успѣлъ еще коснуться нашъ топоръ, однако авангардъ и боковыя цѣпи переправились безъ выстрѣла; за то, загремѣла перестрѣлка, какъ только арріергардъ началъ спускаться къ руслу рѣки. Въ арріергардѣ шли красные солдаты—2-й и 3-й баталіоны Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Чеченцы приходили въ изступленіе. Напрасно Верева

кинѣ, командовавшій арріергардомъ, старался вразумить ихъ картечью; они не только не отставали, но даже толпой выбѣжали изъ лѣса съ сверкавшими въ рукахъ шапками. Арріергардъ проходилъ въ это время по дну рѣки; резервы остановились, пропустили мимо себя цѣпь—и передъ изумленными глазами чеченцевъ выросла въ нѣсколькихъ мѣстахъ стальная щетина, которая всегда оказывала на нихъ магическое дѣйствіе. Еслибы чеченцы привели въ исполненіе свою угрозу и, спустившись къ рѣкѣ, врубились въ ряды тенгинскихъ баталіоновъ, то воды Хулхулау окрасились бы кровью, какъ нѣкогда воды Валерика. Перестрѣлка не унималась все время, пока арріергардъ переходилъ черезъ рѣку; она даже усилилась, когда онъ сталъ подниматься на противоположный берегъ, и тогда только совершенно прекратилась, когда колонна скрылась изъ вида непріятеля въ лѣсу праваго берега Хулхулау.

Не болѣе четверти часа пробирались мы лѣсомъ, и когда вышли на открытое пространство, то увидѣли передъ собой огромный аулъ. „Что это за аулъ?“ спрашивали мы и не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ: передъ нами стоялъ Гельдыгентъ, Москва большой Чечни, который, подобно бѣлокаменной, былъ превращенъ въ пепелъ и въ какихъ нибудь полтора мѣсяца выросъ изъ пепла, не сохранивъ ни малѣйшаго слѣда отъ пожара 6-го января. Мы подходили къ нему теперь съ западной стороны, тогда какъ 5-го февраля вышли на него съ юга. Автуръ остался у насъ назади и вправо; вѣроятно и онъ поднялся изъ развалинъ, такъ какъ былъ настоящею столицею большой Чечни. Князь Барятинскій стянулъ отрядъ къ аулу и здѣсь расположился на отдыхъ: нужно было оказать помощь раненымъ, исправить кое-какія поврежденія въ обозѣ, который очень и очень былъ намъ полезенъ въ этой отчаянной экскурсіи. Что подумалъ князь Барятинскій, когда

увидѣлъ передъ собой воскресшій Гельдыгентъ? Можетъ быть, въ его памяти воскресла симпатичная фигура атамана въ тотъ моментъ, когда онъ останавливалъ бѣгущихъ къ аулу кабардинцевъ, которымъ самъ онъ, Барятинскій, подарилъ Гельдыгентъ въ день полковаго праздника. Напрасно ржали наши проголодавшіяся лошади, рассчитывая на запасы превосходнаго чеченскаго сѣна: они были убраны—что служило новымъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что непріятель ожидалъ нашего наступленія. Мы все еще не понимали назначенія той огромной партіи съ одиннадцатю значками, которую видѣли за правымъ берегомъ Хулхулау: она еще не вступала въ бой. При движеніи къ Гельдыгенту мы нѣсколько разъ оглядывались на нее, и она продолжала стоять на томъ же мѣстѣ. Но вотъ, на высотахъ, впереди и вправо отъ Гельдыгента, съ противоположной, т. е. съ сѣверной стороны, вѣроятно съ Мичика, показались новыя партіи пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ съ тремя значками. Въ первомъ часу мы тронулись отъ Гельдыгента дальше, т. е. впередъ, въ самую глубь Чечни. Тутъ только мы догадались, что князь Барятинскій предпринялъ сквозное движеніе черезъ Чечню, отъ одного входа въ нее, съ шалинской просѣки, до другаго—Качкалыковскаго хребта. Въ боевомъ порядкѣ отряда, при дальнѣйшемъ его наступленіи, сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія: въ арріергардѣ должны были слѣдовать, подъ командой флигель-адъютанта барона Николаи, 1-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго Наслѣдника Цесаревича полка и 1-й и 2-й баталіоны князя Чернышева полка; тенгинскіе баталіоны, 2-й и 3-й, назначены были въ главную цѣпь; 4-й баталіонъ князя Чернышева полка и 2-й князя Воронцова составляли лѣвую цѣпь подъ начальствомъ маіора Цитовскаго; въ головѣ колонны шли—4-й баталіонъ князя Воронцова полка, саперы и стрѣлковая команда, на-

чальство надъ которыми ввѣрено было флигель-адъютанту князю Воронцову. Въ середину этого подвижнаго паралелограмма помѣстили кавалерію и обозъ, представлявшіе изъ себя какъ бы очень цѣнный предметъ, которому остальные войска должны были служить футляромъ.

Между Гельдыгеномъ и слѣдующимъ ауломъ Кулишъ-юртомъ, черезъ который пролегалъ нашъ путь, дорога пересѣкается оврагомъ, однимъ изъ лѣвыхъ притоковъ Гудермеса, который въ свою очередь служитъ правымъ притокомъ Хулхулау, сливаясь съ нею недалеко отъ впаденія ея въ Сунжу. Черезъ оврагъ переброшенъ былъ мостъ, который чеченцы успѣли разобрать, но почему-то не сожгли; другой переправы не было. При совершенно отвѣсныхъ берегахъ оврага, о разработкѣ спусковъ къ нему нечего было и думать; пришлось строить новый мостъ изъ остатковъ стараго. Почему непріятель не препятствовалъ этой работѣ? Неужели впереди предстояли другія, болѣе опасныя преграды, у которыхъ онъ надѣялся заставить насъ отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія? Спрошенные объ этомъ милиціонеры, знавшіе хорошо большую Чечню, отвѣчали утвердительно. Пока Шамиль ограничился нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій по арріергарду съ той стороны, гдѣ мы видѣли партіи со значками на правомъ берегу Хулхулау, но только съ ближайшаго разстоянія, потому что снаряды долетали до колонны и причиняли ей вредъ. Ни значковъ, ни орудій на этотъ разъ мы не могли видѣть: позиція непріятельская была завѣшана отъ насъ лѣсами. Едва мостъ былъ готовъ, мы двинулись дальше, на Кулишъ-юртъ и Инды-юртъ, и не доходя послѣдняго аула, вступили въ орѣшникъ, который длинною и довольно широкою каймою тянется вдоль праваго берега оврага. Это былъ моментъ, котораго нашъ проводникъ Бата, какъ онъ самъ сознавался впослѣдствіи, ожидалъ съ замираніемъ

сердца, а непріятель, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ, потому что какъ только войска показались у входа въ орѣшникъ—со всѣхъ сторонъ хлынули на насъ, подобно потокамъ лавы, густыя массы пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ, тавлинцевъ и аварцевъ, охватившихъ колонну плотнымъ обручемъ, которому наглухо сомкнуться помѣшалъ оврагъ съ лѣвой стороны; но и за оврагомъ, на одной высотѣ съ лѣвою цѣпью, показались мелкія партіи чеченцевъ, преимущественно пѣшихъ. Партія съ тремя значками, прибывшая со стороны Мичика и все время слѣдившая за нами издали, быстро спустилась съ высотъ и понеслась къ Инды-юрту, который стоялъ на пути нашего наступленія. Главныя силы непріятеля, т. е. скопище съ одиннадцатю значками, до этого момента остававшіяся у насъ въ тылу, бросились къ арріергарду и правой цѣпи. Но въ арріергардѣ было тихо—онъ еще не вступилъ въ орѣшникъ; бой кипѣлъ пока только съ правой стороны. Въ орѣшникѣ насъ ожидала непріятельская пѣхота, разсыпавшись цѣпью вдоль внутренней его опушки. Не успѣли мы, такъ сказать, просунуть голову въ эту непроницаемую чашу, какъ въ правой цѣпи завязалась такая частая перестрѣлка, что пули жужжали какъ безконечный рой пчелъ, застигнутыхъ въ полѣ ненастьемъ. Еще послѣднія пары боковыхъ цѣпей не вступали въ орѣшникъ, а уже изъ строя выбыло четырнадцать рядовыхъ и два унтеръ-офицера. Отъ насъ нельзя было скрыть ни одного раненаго, ни одного убитаго: ихъ проносили и проводили мимо насъ къ обозу. Тенгинскіе баталіоны, стоявшіе въ правой цѣпи, отвѣчали непріятелю бойкимъ огнемъ, но былъ ли этотъ огонь дѣйствителенъ—никто не могъ сказать. Люди пробирались въ цѣпи ощупью, какъ въ темную ночь по неизвѣстной мѣстности; они не могли видѣть своихъ сосѣднихъ паръ, не только непріятеля. Резервы правой цѣпи пытались вытѣснить непріятеля

изъ внутренней опушки штыками, но встрѣтили такой сильный отпоръ, что подались назадъ, и число выбывшихъ изъ строя убитыми и ранеными увеличилось еще двадцатью однимъ. Они три раза возобновляли эту попытку впослѣдствіи, но всякій разъ были отбрасываемы съ урономъ, такъ какъ число ихъ противниковъ увеличивалось съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ. Прежде нежели арріергардъ вступилъ въ орѣшникъ, авангардъ встрѣтилъ какое-то препятствіе, и горнисты протрубили „стой“. Нѣсколько разъ повторялся этотъ сигналъ, котораго, за адскимъ шумомъ перестрѣлки, долго не могли слышать. Наконецъ, колонна остановилась.

Въ арріергардѣ все еще было тихо. Восемь орудій его, все время слѣдовавшія въ цѣпи на отвозахъ, каждую минуту готовы были встрѣтить непріятеля картечью, еслибы онъ вздумалъ показаться въ тылу колонны. Сначала онъ и бросился къ арріергарду, но уstraшенный грознымъ видомъ батареи, прикрываемой черными солдатами, остановился въ сторонѣ выжидать его вступленія въ орѣшникъ. Мы подвигались такъ медленно, какъ будто шли въ гололедицу или взбирались на очень крутую и высокую гору. Колонна опять тронулась, простоявъ на мѣстѣ около двадцати минутъ. Вотъ, наконецъ, и арріергардъ вступилъ въ чащу. Когда за нимъ, какъ надъ утопленникомъ волны, сомкнулись послѣдніе ряды орѣшника, непріятель открылъ по войскамъ канонаду изъ пяти орудій. Глубина нашей колонны была такъ велика, что внутри ея свободно двигалась вся кавалерія, состоявшая изъ тысячи двухсотъ всадниковъ, и весь обозъ, и потому представляла уже не гадательную, а надежную цѣль для орудійныхъ выстрѣловъ, и всѣ непріятельскіе снаряды падали въ колонну. Сначала они были настильные, и еслибы очень скоро не смѣнились почему-то навѣсными, то могли бы произвести въ нашихъ

рядахъ страшныя опустошенія. Артилерія наша въ первый разъ за все время обречена была на бездѣйствіе; она съ чрезвычайнымъ трудомъ пролагала себѣ дорогу сквозь эту плотную, почти сплошную массу тонкихъ и гибкихъ стволовъ, раздвигая ихъ направо и налево, оберегая себя и лошадей отъ ударовъ, наносимыхъ ихъ упругими вѣтвями. Лошади спотыкались, падали, не смотря на то, что ихъ вели подъ уздцы; орудія накренились и на каждомъ шагу угрожали паденіемъ. Перевязочнаго пункта не существовало, да и не могъ онъ существовать подъ такимъ перекрестнымъ огнемъ, въ колоннѣ, гдѣ не было уголка, куда бы не залетали снаряды, не попадали пули. На моихъ глазахъ ядромъ убило раненаго, который, полулежа на повозкѣ, мечталъ, можетъ быть, объ отставкѣ и скоромъ возвращеніи на родину. Одинъ бѣдный солдатъ, раненый въ колѣнную кость, со слезами на глазахъ умолялъ доктора отрѣзать ему ногу: „боль, говорилъ онъ, невыносимая“. Онъ то вскрикивалъ, то въ полубоморокѣ закрывалъ глаза. Но операція, даже самая легкая, требуетъ вниманія и спокойствія—чего въ данной обстановкѣ нельзя было требовать отъ хирурга: надъ головой то граната прошипитъ, то ядро съ зловѣщимъ свистомъ пронесется, а пули мимо ушей жужжатъ не умолкая. Священникъ, въ поношенной глазетовой епитрахили, съ запасными дарами, безпрестанно переходилъ отъ одного умирающаго къ другому, выслушивая ихъ послѣднія признанія. Въ чемъ они каялись, эти невинные труженики, завершившіе честною смертью свое скромное и вмѣстѣ славное поприще? При этомъ мнѣ невольно вспомнились слова Козловскаго, сказанныя имъ весьма серьезно въ зимнюю экспедицію 1851-го года, когда съ наступленіемъ великаго поста поднять былъ вопросъ о говѣнны нижнихъ чиновъ: „кавказскому солдату некогда грѣшить. Да и какіе грѣхи могутъ быть у него? Говѣть я буду отпускать побаталіонно,

но только не теперь, а когда Шамиль уберется отсюда“. Часа полтора прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ орѣшникъ, и три раза за это время колонна останавливалась: одинъ разъ орудіе было подбито, но поврежденія наскоро исправлены, и войска двинулись далѣе; два раза приходилось засыпать канавы и разбирать устроенные впереди ихъ завалы. Не успѣла колонна двинуться послѣ третьей остановки, какъ далеко позади насъ слышались тревожные голоса, громкое „ура“, учащенная перестрѣлка, опять „ура“, а затѣмъ три ружейныхъ залпа. Послѣ этого на нѣсколько мгновѣній на всемъ протяженіи боя водворилась тишина, точно эпизодъ этотъ былъ явленіемъ постороннимъ, не относившимся къ битвѣ, одинаково интересовавшимъ обѣ воюющія стороны, въ родѣ подземнаго удара или паденія аэролита. Гдѣ все это происходило, въ арріергардѣ или въ правой цѣпи—разобрать было трудно. Послѣ минутнаго перерыва опять загудѣла канонада въ тылу колонны, и зажужжали пули съ правой стороны. Минуть черезъ десять мимо насъ, расчищая себѣ дорогу кинжаломъ, проѣхалъ урядникъ, состоявшій ординарцемъ при начальникѣ отряда. Онъ суетился, порывался скакать рысью, но торчавшій передъ нимъ безконечными рядами орѣшникъ точно смѣялся надъ его усиліями. Онъ былъ посланъ княземъ Барятинскимъ узнать, что случилось въ правомъ заднемъ углу колонны. Вѣсти оттуда получились неутѣшительныя: двѣ послѣднихъ пары правой цѣпи и три крайнихъ правыхъ арріергардной отрѣзаны были отъ колонны и изрублены, а тѣла ихъ брошены ³⁷⁾. Кабардинцы кинулись

³⁷⁾ Пять паръ, составлявшихъ правый задній уголъ колонны, наткнулись на залогъ, притаившійся въ кустахъ. Залогъ успѣлъ разсѣяться прежде, нежели вѣсть о катастрофѣ достигла до цѣпей. Тѣла изрубленныхъ пришлось подбирать подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, но они все-таки были подобраны, исключая двухъ, и сданы навремя артилеристамъ.

въ штыки, но никого не встрѣтили въ тущобѣ, кромѣ безконечныхъ ажурныхъ шпалеръ орѣшника, а когда возвращались за свою цѣпь, невидимый непріятель проводилъ ихъ залпомъ. Кабардинцы опять бросились на „ура“ прямо передъ собой, но ихъ обдали слѣва тремя ружейными залпами. Возобновлять слишкомъ дорого стоившія атаки признано было бесполезнымъ, и пришлось отказаться на этотъ разъ отъ репресалій; но кровная обида занесена была въ долговую книгу. Кабардинцы и куринцы честно расплачивались съ чеченцами за всѣ подобныя оскорбленія. Не прошло и четверти часа послѣ того, какъ урядникъ проѣхалъ мимо насъ обратно къ свитѣ начальника отряда—мы увидѣли его опять возвращающимся въ нашу сторону, но уже не въ качествѣ ординарца: его привезли къ обозу перекинутымъ черезъ сѣдло и положили рядомъ съ убитыми; осколкомъ гранаты ему разнесло лѣвую сторону груди. Вскорѣ послѣ него принесенъ былъ къ перевязочному пункту съ раздробленной кистью правой руки командиръ дивизіона конно-артилерійской казачьей батареи есаулъ Чуксѣевъ, прекрасный офицеръ и симпатичная личность.

Прежде нежели мы вышли изъ орѣшника, колонна еще два раза останавливалась. Послѣ втораго раза начальникъ отряда, предпешествуемый казаками, расчищавшими ему дорогу, направился къ обозу. Картина, представившаяся его глазамъ, должно быть, подѣйствовала на него далеко не успокоительно: всѣ повозки, а ихъ было тридцать пять при отрядѣ, заняты были убитыми; на тѣлахъ убитыхъ размѣщались раненые. Возвращаясь отъ обоза, князь Барятинскій очень близко проѣхалъ мимо нашего эскадрона, и такъ какъ я стоялъ у наружнаго фланга своего взвода, то хорошо могъ разглядѣть его лицо: въ глазахъ его, всегда ясныхъ и спокойныхъ, выражалась нѣкоторая тревога; на лбу, между сдвинутыхъ бровей, лежала глубокая складка.

Онъ нѣкоторое время хранилъ угрюмое молчаніе, и только поровнявшись съ слѣдующимъ эскадрономъ, вдругъ обратился къ своему проводнику: „Бата, скоро ли орѣшникъ кончится“? Что отвѣчалъ Бата, я никакъ не могъ слышать; но отвѣтъ его былъ, вѣроятно, неутѣшительный, потому что князь Барятинскій сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ. Послѣ этого онъ обернулся назадъ, положивъ ладонь правой руки на заднюю луку сѣдла, взглянулъ на офицера, ѣхавшаго за нимъ, хотѣлъ что-то сказать, но раздумалъ и опять отвернулся. Еще около часа прошло прежде, нежели мы выбрались изъ трущобы. Наконецъ, чаща стала замѣтно рѣдѣть; прутья, не разъ хлеставшіе насъ по лицу, мало по малу разступились, и въ авангардѣ заговорила наша артилерія. Это были первые выстрѣлы нашихъ орудій съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ орѣшникъ. Мы шли черезъ него цѣлыхъ три съ четвертью часа. Много перемѣнъ произошло въ нашихъ рядахъ въ этотъ роковой промежутокъ времени, много надеждъ разбито, и донельзя свободно вздохнули всѣ, когда вышли на открытое пространство. Я видѣлъ, какъ одинъ нестроевой солдатъ, правившій лошадьми на третьей транспортной повозкѣ, собралъ возжи въ лѣвую руку, снялъ фуражку и со слезами на глазахъ нѣсколько разъ перекрестился. Положеніе этихъ несчастныхъ фурштатовъ при слѣдованіи колонны черезъ орѣшникъ было въ самомъ дѣлѣ невеселое: не говоря уже о томъ, что они, наравнѣ со всѣми, три съ четвертью часа провели подъ перекрестнымъ огнемъ пяти орудій и нѣсколькихъ сотъ винтовокъ, они каждую минуту должны были опасаться за цѣлость своихъ подводъ, на которыхъ покоились тѣла убитыхъ, тѣснились раненые. Движеніе отряда черезъ гельдыгенскій орѣшникъ (такъ называли его сами чеченцы) было самымъ выдающимся событіемъ въ зимнюю экспедицію 1852-го года, не исключая и

катастрофы у верховьевъ Гойты. Подобное описаніе его со всѣми частностями, крупными и мелкими эпизодами, могло бы составить предметъ отдѣльнаго очерка. Я выбралъ только нѣкоторые изъ нихъ для общей окраски дѣла, и при томъ такіе, въ абсолютной достовѣрности которыхъ нельзя было сомнѣваться. Мы миновали небольшой аулъ Инды-юртъ, по которому нашъ авангардъ открылъ канонаду по выходѣ изъ орѣшника, переправились черезъ оврагъ, за которымъ стоялъ хуторъ Лачи-юртъ, и безъ выстрѣла заняли раскинувшійся по берегамъ Гудермеса огромный аулъ Маюртупъ, третій по величинѣ на всемъ пройденномъ нами пространствѣ, начиная отъ Аргуна.

День былъ теплый, въ орѣшникѣ было даже душно; но передъ закатомъ солнца вѣтеръ вдругъ переимѣнился, и въ воздухѣ начало становиться замѣтно холоднѣе. Въ первую минуту по вступленіи нашемъ въ Маюртупъ отдано было приказаніе не разводить огней, но потомъ это приказаніе было отмѣнено. Солдаты принялись разбирать плетни, которыми такъ богаты чеченскіе аулы, и черезъ нѣсколько минутъ по всему Маюртупу запылали костры, и небо разомъ потемнѣло надъ нами, не смотря на то, что заря еще не совсѣмъ потухла. Какъ въ мирное время и въ мирной сторонѣ, отъ всѣхъ частей войскъ назначены были квартирьеры, которые должны были отводить намъ помѣщенія. На долю той партіи офицеровъ, къ которой принадлежалъ и я, досталась довольно сносная сакля, просторная и, насколько позволяла видѣть темнота, довольно опрятная. Не успѣли мы расположиться въ ней съ своими бурками и сѣдельными подушками, какъ наружная дверь сакли съ шумомъ растворилась и въ комнату вошелъ какой-то посторонній офицеръ, предлагая намъ очистить саклю. Поводъ къ этому приглашенію заключался въ томъ, что князю Барятинскому, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ,

угодно было перевести штабъ въ другое мѣсто, и наше помѣщеніе понадобилось для начальника штаба. „Если для васъ не будетъ неудобно—сказалъ офицеръ—провести одну ночь слишкомъ далеко отъ лагернаго расположенія вашихъ эскадроновъ, то сакля начальника штаба къ вашимъ услугамъ; она теперь никѣмъ не занята; васъ проводитъ казакъ, котораго я взялъ съ собой, а эту, господа, прошу васъ очистить сейчасъ же“. Онъ отворилъ дверь и отдалъ казаку приказаніе. Насъ провели въ самый центръ аула къ другой саклѣ, которая оказалась гораздо просторнѣе, и откуда открывался видъ на весь аулъ. На распоряженіе князя Барятинскаго относительно перемѣщенія штаба мы взглянули очень подозрительно: нужно было имѣть капитальныя причины, чтобы промѣнять такой бельведеръ на лачуги, лѣпившіяся внизу аула. На другое утро мы узнали эти причины и узнали также, что ночевали въ самомъ опасномъ мѣстѣ аула: съ вечера Батѣ дано было знать родственниками его молодой жены, третьей по счету, служившими въ отрядѣ Талгика, что въ Маюртупѣ скрываются фанатики въ числѣ семи человѣкъ, которые поклялись на коранѣ, въ присутствіи Шамиля и его приближенныхъ, въ эту же ночь убить князя Барятинскаго для блага всего чеченскаго народа, хотя бы самимъ пришлось погибнуть отъ руки гяуровъ; что они простились со всѣми, какъ люди, идущіе на вѣрную смерть, и пробрались въ аулъ прежде, нежели колонна выступила изъ орѣшника. Вотъ почему всѣ чины штаба, отъ начальника отряда до послѣдняго ординарца, переведены были изъ центра аула въ тотъ скромный кварталъ, изъ котораго насъ выпроводили, и гдѣ, по понятіямъ чеченцевъ, ни одинъ русскій наибъ не рѣшился бы расположиться на ночлегъ, тѣмъ болѣе такой могущественный, какъ князь Барятинскій. Конечно, князь Барятинскій могъ бы сильнымъ карауломъ оцѣпить свою

саклю, но впервыхъ, войска нужны были для охраны аула, на всѣхъ подступахъ къ которому расположены были баталіоны и полубаталіоны, смѣнявшіеся черезъ каждые два часа; вовторыхъ, въ случаѣ ночной канонады сакля, окруженная карауломъ, сдѣлалась бы непременно мишенью для непріятельской артилеріи, и первая пострадала бы отъ ея выстрѣловъ; наконецъ, третьихъ, князь Барятинскій только ради приличія терпѣлъ около своей ставки часового. „Это“, говорилъ онъ, „липняя пара ушей, которую непріятно имѣть въ мирное время и опасно въ военное“. И такъ, офицеръ, столь обязательно уступившій намъ саклю въ центрѣ аула, подводилъ насъ подъ непріятность имѣть дѣло съ фанатиками. Заручившись прекраснымъ помѣщеніемъ, которому навѣрное позавидовалъ бы нашъ дивизіонеръ, мы стали думать о средствахъ утолить свой голодъ, который имѣетъ благородное обыкновеніе молчать, когда всему организму угрожаетъ опасность, но за то потомъ съ удвоенною энергіею заявляетъ о своихъ правахъ. Такъ какъ о движеніи въ Чечню никто не былъ предупрежденъ, то въ цѣломъ отрядѣ ничего нельзя было достать, кромѣ солдатскихъ сухарей. Рѣшено было удовольствоваться этою незатѣйливою провизіею и одному изъ насъ отправиться на поиски. По счастью, выборъ палъ не на меня, и я расположился на тахтѣ, собираясь уже встрѣтить пароксизмъ, приближеніе котораго начиналъ чувствовать, какъ вдругъ невдалекѣ отъ насъ послышался протяжный, болѣзненный стонъ. Мы въ одно мгновеніе были на ногахъ, схватили пашки и выскочили изъ сакли. Стонъ повторился. Мы бросились въ его сторону, спустились почти бѣгомъ около двадцати шаговъ съ бугра, на которомъ стояла наша сакля, и... дальше не пошли. Глазамъ нашимъ представилась картина до того странная, что она до сихъ поръ, со всѣми своими аксесуарами, такъ живо сохранилась въ моемъ

воображеніи, какъ будто копія съ нея постоянно висить у меня въ комнатѣ. Мы остановились за стѣною мечети, въ ея черной, безпрестанно двигавшейся тѣни. Впереди мечети, на разстояніи двѣнадцати или пятнадцати сажень отъ нея, разведенъ былъ огромный костеръ, пламя котораго, поминутно колеблемое вѣтромъ, дробилось на множество отдѣльныхъ языковъ, казавшихся растрепанными волосами какого нибудь огненнаго чудовища изъ преисподней. Между костромъ и мечетью разостлана была кукурузная солома. На ней, прикрытые бережно бурками, полушубками, шинелями офицерскими и солдатскими, полулежали и сидѣли раненные; нѣкоторые были распростерты на соломѣ. Большая часть изъ нихъ тихо переносила свои страданія; нѣкоторые же метались, говорили несвязныя рѣчи, а одинъ изъ нихъ издавалъ повременамъ тѣ протяжные, болѣзненные стоны, которые привели насъ къ этому мѣсту. Свѣтъ отъ костра и тѣни сидѣвшихъ ближе къ нему, перебѣгая по ихъ страдальческимъ лицамъ, придавали имъ фантастическое, иногда страшное выраженіе. На противоположномъ концѣ перевязочнаго пункта мы увидѣли фигуру доктора, низко наклонившагося надъ паціентомъ. Дальность разстоянія и слишкомъ подвижной свѣтъ пламени не позволяли намъ разглядѣть лицо паціента; но это былъ офицеръ. Подлѣ доктора на колѣняхъ стоялъ фельдшеръ съ маленькой церковной свѣчкой въ рукѣ. Другаго освѣщенія нельзя было достать даже въ штабѣ начальника отряда, гдѣ всего было два стеариновыхъ огарка. Это было причиной трагическаго исхода многихъ ранъ, особенно тѣхъ, которыя требовали немедленной ампутаціи. „Какой богатый сюжетъ для художника“! воскликнулъ бы Моллеръ, еслибы увидѣлъ эту странную и печальную картину. Она была создана исключительными обстоятельствами нашего смѣлаго похода, и едва ли когда нибудь повторится опять. Настали другія

времена; условія войны сильно измѣнились съ тѣхъ поръ, и перевязочные пункты сдѣлались предметомъ особенной заботливости правительства и широкой общественной благотворительности. „А гдѣ же Чуксѣевъ? Его что-то не видно между ранеными“, замѣтилъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ. — „Да не его ли докторъ перевязываетъ? сказалъ другой; кажется, его“. И мы всѣ направились къ противоположному концу перевязочнаго пункта. Раненый офицеръ, надъ которымъ стоялъ наклонившись докторъ, оказался дѣйствительно Чуксѣевымъ. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, стоявшая у него за плечами: мы застали его въ глубокомъ обморокѣ. Въ двухъ шагахъ отъ него на соломѣ лежала его благородная рука, отрѣзанная немного ниже локтя, а изъ образовавшейся раны мелкими струйками бѣжала кровь, которую докторъ напрасно усиливался остановить. При слишкомъ скудномъ освѣщеніи церковной свѣчки и при безпрестанно колебавшемся свѣтѣ костра, перехватить и перевязать жилы, поминутно выскользавшія изъ окровавленныхъ пальцевъ доктора, было дѣломъ положительно невозможнымъ. Раненый, между тѣмъ, исходилъ кровью. На стереотипный вопросъ нашъ, сдѣланный конечно шопотомъ: „есть ли надежда?“ докторъ отвѣчалъ такой гримасой, въ значеніи которой трудно было сомнѣваться. Къ утру Чуксѣева не стало. Ночь проведена была нами въ чуткомъ снѣ, такъ какъ неоднократно въ разныхъ концахъ аула начинались фальшивыя тревоги — впрочемъ, скоро прекращавшіяся; сцены въ орѣшникѣ не могли не повліять на нервную систему каждаго, кто принималъ въ нихъ какое бы то ни было участіе. Подобная воспріимчивость вполне присуща человѣческой натурѣ, и едва ли повѣритъ ктонибудь, чтобы послѣ трехъ слишкомъ часовъ, проведенныхъ подъ непрерывнымъ градомъ пуль, при свистѣ и шипѣніи артилерійскихъ снарядовъ, налетающихъ съ тыла, человѣкъ

могъ находиться въ такомъ настроеніи, какъ будто онъ провелъ три часа въ паркѣ, слушая музыку.

На дальнихъ террасахъ Черныхъ горъ горѣли бивачные огни, слѣдовательно скопище непріятельское не расходилось. Эта бдительность горцевъ, замѣнившая въ послѣднее время ихъ апатію, вызвана была присутствіемъ Шамиля, который не хотѣлъ даже укрыться въ саклѣ отъ ночнаго холода и до самаго разсвѣта просидѣлъ у костра, впадая иногда лишь въ легкую дремоту. Оба лагеря привѣтствовали восходъ солнца молитвою: солдаты, по обыкновенію, снимали шапки и крестились на востокъ; горцы заунывнымъ голосомъ, но довольно стройно, пропѣли какой-то стихъ изъ корана. Едва замерла въ воздухѣ послѣдняя его нота, какъ съ террасы по аулу загремѣла канонада, на этотъ разъ изъ единороговъ, и когда мы выступили изъ аула черезъ сѣверныя ворота, одна граната опередила насъ и, ударившись въ землю передъ фронтомъ третьяго эскадрона, вырвала изъ строя двухъ лошадей. Поровнявшись съ обозомъ, который ожидалъ насъ у самаго выхода выстроенымъ въ двѣ линіи, я съ удивленіемъ насчиталъ только восемнадцать тѣлъ убитыхъ и въ числѣ ихъ тѣло есаула Чуксѣева, тогда какъ наканунѣ ими переполнены были повозки. Я сообщилъ свое замѣчаніе эскадронному командиру. „А развѣ вы не знаете—сказалъ онъ мнѣ тихо—что убитыхъ похоронили въ Маюртупѣ въ нѣсколькихъ общихъ могилахъ, и на насыпяхъ велѣно было развести большіе костры, чтобы чеченцы не могли догадаться. Эти же восемнадцать чело-вѣкъ, которыхъ вы видите, умерли въ эту ночь отъ ранъ на перевязочномъ пунктѣ“. Сколько именно было убитыхъ 17-го февраля передъ вступленіемъ въ Маюртупъ, онъ мнѣ не могъ сказать. Князь Аргутинскій, молодой офицеръ 3-го эскадрона и племянникъ знаменитаго Моисея Захаровича, присутствовавшій при этой печальной церемоніи, увѣрялъ

меня, что въ аулѣ похоронено сто восемьдесятъ человѣкъ. То же самое я узналъ отъ своего взводнаго вахмистра, проважавшаго въ послѣднее жилище одного унтеръ-офицера Кабардинскаго полка, его двоюроднаго брата. Цифра эта подтвердилась въ послѣдствіи показаніями другихъ очевидцевъ и нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ связи въ штабѣ чеченскаго отряда. Такъ какъ до привала у Гельдыгена было двадцать три убитыхъ, то на долю орѣшника приходится сто пятьдесятъ семь, не считая двухъ оставленныхъ на мѣстѣ и восемнадцати умершихъ отъ ранъ. Провести болѣе трехъ часовъ въ такомъ аду и лишиться всего ста семидесяти семи человѣкъ убитыми и умершими отъ ранъ и двухсотъ четырехъ ранеными—это чудо, за которое мы должны благодарить провидѣніе. Кюстрами, набросанными на могилахъ убитыхъ, намъ однако не удалось ввести въ заблужденіе чеченцевъ: они очень скоро открыли секретъ, какъ мы увидимъ ниже.

Кавалерія съ обозомъ, какъ и наканунѣ, при движеніи отъ аула Гельдыгена, слѣдовала за авангардомъ, состоявшимъ изъ 4-го баталіона князя Воронцова полка, саперъ и команды стрѣлковъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Воронцова. И на другихъ фасахъ колонны боевой порядокъ не измѣнился: два баталіона Тенгинскаго полка занимали правую цѣпь; одинъ баталіонъ Эриванскаго и два Кабардинскаго полковъ шли въ арріергардѣ; баталіонъ Кабардинскаго и баталіонъ князя Воронцова полковъ, подъ начальствомъ майора Цитовскаго, прикрывали движеніе слѣва. Мѣстность за Маюртупомъ, сначала почти совершенно открытая, пересѣченная неглубокими оврагами, уходила версты на полторы въ орѣшникъ, чередовавшійся небольшими прогалинами и протянувшійся на этотъ разъ широкой полосой, такъ что пули непріятельскія не должны были залетать въ середину колонны. Еще

мы не доходили до орѣшника, когда услышали далеко впереди себя, къ сторонѣ Мичика, канонаду. Звукъ, производимый полетомъ снарядовъ и необыкновенно отчетливо доносившійся до насъ, походилъ на такомъ разстояніи на заываніе въ трубѣ. Отъ Баты мы узнали, что по распоряженію князя Барятинскаго, отправленному съ нарочнымъ ночью въ укрѣпленіе Куринское, на встрѣчу намъ съ Качкалыковскаго хребта спустилась другая колонна, подъ начальствомъ полковника Бакланова. Эта колонна должна была развлекать силы непріятеля. Противъ маленькаго отряда Бакланова въ зимнюю экспедицію 1852-го года дѣйствовалъ съ однимъ орудіемъ нѣкто Эски, наибъ южной окраины большой Чечни, извѣстной подъ общимъ именемъ Мичика, хотя рѣчка, которая носитъ то же названіе и впадаетъ въ Хулхулау съ правой стороны, уступаетъ по величинѣ другимъ рѣкамъ, орошающимъ страну. Хотя Эски съ своими чеченцами и сторожилъ восточную границу своего округа, т. е. спуски съ Качкалыковскаго хребта, и къ общему непріятельскому сбору не примыкалъ при движеніи нашемъ къ Гельдыгену и Маюртупу, но 12-го февраля онъ почему-то пропустилъ колонну Бакланова, не потревоживъ ее ни разу. Появленіе на плоскости войскъ, прибывшихъ изъ укрѣпленія Куринскаго, не имѣло никакого вліянія на дальнѣйшій ходъ событій, и численный составъ непріятельскихъ партій, дѣйствовавшихъ противъ отряда князя Барятинскаго, остался тотъ же, что былъ и наканунѣ: тѣ же пять орудій, тѣ же четырнадцать значковъ. На выстрѣлы Бакланова мы гораздо больше обращали вниманія, нежели непріятель, для котораго они предназначались. Когда войска наши прошли больше половины разстоянія, отдѣлявшаго Маюртупъ отъ орѣшника, со стороны аула, противъ правой цѣпи и арріергарда, въ большихъ массахъ показался непріятель. Чеченцы бѣжали къ орѣшнику, надѣясь опере-

дѣть колонну и, занявъ внутреннюю опушку, безнаказанно повторить вчерашнія сцены кровопролитія; но тенгинскіе баталіоны предупредили ихъ и заняли наружную опушку. Въ правой цѣпи и въ арріергардѣ завязалось дѣло. Кажется, на сторонѣ непріятеля былъ незначительный численный перевѣсъ въ этотъ день; но въ стойкости противники не уступали другъ другу. Чеченцы бросались въ шашки съ отвагою людей, доведенныхъ до отчаянія, которымъ ничего больше не остается, какъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ, если нельзя побѣдить, такъ какъ свободная земля ихъ осквернена вторженіемъ невѣрныхъ. Съ мужествомъ, которому нельзя подыскать достойнаго эпитета, съ присутствіемъ духа, которое спасло, можетъ быть, правую цѣпь отъ большихъ несчастій, выступали на встрѣчу имъ тенгинцы. Чеченцы ни разу не показали тыла, хотя, съ собственными имъ быстротою и ловкостью, всякій разъ уклонялись отъ удара, мгновенно раздаваясь въ стороны и провожая штурмующихъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ съ фланговъ. Нѣсколько разъ возобновлялись попытки непріятеля прорвать нашу правую цѣпь; но позоръ этотъ миновалъ ее, благодаря высокому мужеству и благородному соревнованію тенгинцевъ, не желавшихъ отставать въ доблести отъ черныхъ солдатъ—кабардинцевъ и куринцевъ. Въ арріергардѣ карабинеры и баталіоны князя Чернышева полка, при самомъ началѣ боя, такъ близко сошлись съ непріятелемъ, что перестрѣлка на нѣсколько минутъ смолкла, и въ распрю вмѣшалось холодное оружіе: завязался споръ между шашками и кинжалами съ одной стороны и штыками съ другой. Кабардинцы честно заплатили свой вчерашній долгъ—можетъ быть, даже съ процентами, и чеченцы подались назадъ. Перестрѣлка возобновилась. Перерывъ ея, продолжавшійся, какъ уже сказано, всего нѣсколько минутъ, показался намъ въ авангардѣ мучительно долгимъ.

Какъ-то страшно стало за арріергардъ, когда въ немъ вдругъ наступила тишина. Боже мой, что тамъ случилось? невольно задавались мы про себя этимъ вопросомъ. Было бы несправедливо видѣть въ нашей тревогѣ эгоистическое чувство самосохраненія, опасеніе за беззащитную въ густомъ лѣсу кавалерію и за обозъ, еслибы арріергардъ не выдержалъ натиска и далъ ворваться непріятелю въ середину колонны. Нѣтъ, мы объ этомъ не думали; въ насъ говорило болѣе высокое побужденіе—чувство солидарности, неразрывными узами связывавшее всѣ войска кавказской арміи, а также преданность однихъ частей отряда другимъ и готовность постоять каждому за всѣхъ и всѣмъ за одного.

Минуть черезъ двадцать послѣ рукопашнаго боя въ арріергардѣ, въ то время, какъ одни чеченцы вели перестрѣлку съ цѣпями—другіе, пользуясь непроницаемой чащей, образовавшейся въ одномъ мѣстѣ орѣшника, недалеко отъ прогалины, незамѣтно подкрались къ кабардинцамъ и, съ шашками въ одной рукѣ и кинжалами въ другой, гикнули. Такое неожиданное нападеніе могло бы смутить и озадачить другія части войскъ, только не кабардинцевъ, которымъ давно и хорошо знакомы были приемы ихъ противниковъ, и потому они всегда были насторожѣ. Пространство, на которомъ сдѣлано было нападеніе, было такъ тѣсно, и промежутокъ времени такъ коротокъ, что имъ не пришлось развернуться какъ бы они того хотѣли. Стоявшіе въ цѣпи только повернулись и молча схватились съ непріятелемъ, почти не покидая своихъ мѣстъ; мелкіе резервы, подходившіе въ это время къ прогалинѣ, вернулись и побѣжали въ цѣпь выручать своихъ товарищей. Нѣкоторые солдаты пришли въ такое изступленіе, что бросали ружья и руками принимались душить своихъ противниковъ; нѣсколько прикладовъ оказались поломанными. У одного кабардинца отрѣзана была сума; въ схваткѣ изъ за

этой сумы другой кабардинецъ и два чеченца заплатились жизнью, но сума была отбита назадъ. Главные резервы арріергарда проходили посерединѣ прогалины, когда сдѣлано было нападеніе; они тотчасъ же построились въ отдѣльныя карре и довольно близко подошли къ цѣпи, а когда чеченцы, послѣ рукопашнаго боя, начали отступать, одно изъ карре открыло по нимъ бѣглый огонь съ двухъ фасовъ. Артилерія наша не могла дѣйствовать, но моментъ былъ настолько серьезенъ, что орудія, съ сильными прикрытіями, увезены были за интервалы карре. Этотъ эпизодъ можно назвать кульминаціонной точкой всего боя 18-го февраля; но въ донесеніи начальника отряда онъ какъ-то стушевался, затерявшись въ общихъ мѣстахъ, которыя всѣ, читавшіе наши военные бюллетени того времени, должны были знать наизусть, такъ какъ они неизмѣнно повторялись, съ незначительными иногда варьяціями, во всѣхъ почти официальныхъ документахъ. Отступление кабардинцевъ черезъ прогалину обошлось имъ дорого; они нѣсколько разъ останавливались, чтобы удерживать сильно тѣснившаго ихъ непріятеля. За то, на противоположномъ концѣ прогалины, въ опушкѣ, чеченцевъ ожидала новая, густая цѣпь и четыре орудія, которымъ наконецъ-то мѣстность позволила хоть одинъ разъ заявить о своемъ присутствіи. Какъ только старая цѣпь перебѣжала за новую, горцевъ встрѣтили такимъ частымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, что они поспѣшно вернулись назадъ въ орѣшникъ, не подобравъ даже своихъ раненыхъ. Лѣвая цѣпь все время молчала; она, вмѣстѣ съ авангардомъ, составляла публику, присутствовавшую на спектаклѣ, дававшемся правою цѣпью и арріергардомъ, спектаклѣ, отъ котораго до насъ доносилась одна только музыка. Пока мы шли орѣшникомъ, непріятельская артилерія ни разу не подавала голоса. Это объясняли тѣмъ, что Талгикъ, въ распоряженіи котораго были

всѣ пять орудій, предупредилъ чеченцевъ, что онъ стрѣлять не будетъ, и отдалъ имъ строгое приказаніе по пятамъ слѣдовать за нашими войсками, а гдѣ только будетъ позволять мѣстность—бросаться въ пашки. Они такъ и дѣлали. У слѣдующей прогалины они забѣжали впередъ и устроили засаду противъ главнаго резерва, съ которымъ слѣдовала артилерія. Какъ только резервъ поровнялся съ ними, они выскочили изъ засады и молча, съ пашками наголо, бросились прямо къ артилеріи, и даже, какъ говорятъ, ухватились за колеса одного изъ орудій; но имъ не дешево обошлась эта безумная попытка: они оставили на мѣстѣ семнадцать человѣкъ, заколотыхъ штыками. На одномъ изъ убитыхъ было дорогое оружіе, у другаго на груди была серебряная медаль. Снятые съ семнадцати джигитовъ доспѣхи были единственнымъ трофеемъ всего нашего движенія отъ Аргуна до Куринскаго. Мы вышли изъ маюртупскаго орѣшника съ потерей, которую можно назвать незначительною, если принять во вниманіе упорное преслѣдованіе непріателемъ арріергарда и правой цѣпи, чѣмъ главнымъ образомъ мы обязаны своевременнымъ занятіемъ наружной опушки тенгинскими баталіонами.

Небольшая колонна Бакланова, состоявшая изъ пяти ротъ пѣхоты, при двухъ легкихъ орудіяхъ, и полка иррегулярной кавалеріи, ожидала насъ у выхода изъ орѣшника, на лѣвомъ берегу Гонсаула, лѣваго притока Мичика. Баклановъ выступилъ изъ укрѣпленія Куринскаго въ два часа пополудни и въ семи верстахъ вправо отъ него, около урочища Истису (горячій источникъ), спустился съ Качкалыковскаго хребта и безъ выстрѣла прошелъ до Мичика. Переправившись безпрепятственно черезъ эту рѣку, онъ оставилъ на лѣвомъ ея берегу, въ аулѣ Гурдали, двѣ роты пѣхоты, а съ остальными тремя ротами и кавалеріей расположился на лѣвомъ берегу Гонсаула, гдѣ мы и встрѣтились съ нимъ.

лицомъ къ лицу. Этою встрѣчею двухъ колоннъ, вторгнувшихся въ большую Чечню—одной со стороны Грозной черезъ юго-западный входъ въ нее, другой со стороны кумыкской плоскости черезъ сѣверо-восточный входъ—осуществлялась завѣтная мечта князя Барятинскаго открыть прямое сообщеніе южной окраины Чечни съ сѣверной, т. е. между Грозной и Воздвиженской съ одной стороны и Куринскимъ укрѣпленіемъ съ другой. Двѣнадцатый часъ достопамятнаго дня 18-го февраля былъ часомъ торжества для начальника лѣваго фланга. Встрѣча на Гонсаулѣ была плодомъ глубоко обдуманнаго его комбинацій. Для осуществленія ихъ, пылкому, нетерпѣливому князю Барятинскому пришлось вооружиться терпѣніемъ и, не торопясь, систематически вести всѣ подготовительныя работы. Только теперь для насъ стала вполне понятной цѣль нашихъ ночныхъ походовъ и проложенія просѣкъ то въ одной, то въ другой сторонѣ, не имѣвшихъ повидимому никакой связи между собою. Мы были ея мелкими орудіями, слѣпо приводившими въ исполненіе великій планъ; мы были тѣми незримыми полипами, которые, сами того не сознавая, выдвигаютъ со дна океана цѣлый островъ надъ пустынными его водами. Изъ своихъ скромныхъ рядовъ, въ которыхъ мы автоматически двигались, мы не могли видѣть того, что князь Барятинскій однимъ взоромъ обнималъ съ высоты своего орлиного полета.

Сквозное движеніе черезъ большую Чечню задумано имъ было еще передъ началомъ зимней экспедиціи, но для приведенія въ исполненіе этого слишкомъ смѣлаго плана ему не доставало человѣка, который бы превосходнымъ знаніемъ мѣстности и безусловной преданностью намъ могъ облегчить ему задачу. Судьба, никогда не покидавшая своего баловня, и на этотъ разъ позаботилась уредить ему путь, пославъ въ лицѣ эксъ-наиба Баты незамѣнимаго проводника,

много лѣтъ управлявшаго большой Чечней въ качествѣ главнаго наиба, и своимъ отпаденіемъ отъ Шамиля поставившаго себя въ невозможность измѣнить русскимъ. Никто изъ начальниковъ отряда не имѣлъ никогда такого руководителя, который, со всеѣми преимуществами, какихъ только можно требовать отъ проводника, соединялъ превосходное знаніе русскаго языка и тѣмъ устранялъ не всегда надежное посредничество переводчиковъ. Однако, князя Барятинскаго, какъ видно, не особенно радовало торжество: оно было слишкомъ дорого куплено, и онъ оставался задумчивъ. Впереди же предстояли новыя столкновенія съ непріятелемъ и новыя жертвы. Говорили, будто Бата предлагалъ ему съ самаго начала провести отрядъ предгорьями, въ обходъ орѣшниковъ, но онъ не согласился, опасаясь за цѣлость артилеріи, а теперь раскаявался.

Ни одинъ изъ овраговъ, попадавшихся намъ въ большой и малой Чечнѣ, не задерживалъ насъ такъ долго на переправѣ, какъ Гонсаулъ. Обледенѣлые, почти отвѣсные берега его потребовали болѣе пяти часовъ для разработки по нимъ спусковъ. Пять часовъ провели мы въ бездѣйствіи, голодные, на голодныхъ лошадяхъ и безъ огня, при шести градусахъ мороза; это—своего рода отличіе, въ которомъ драгуны не отставали по крайней мѣрѣ отъ другихъ частей отряда. Изъ людей и лошадей никто не поплатился увѣчемъ или сколько нибудь серьезнымъ ушибомъ, но за то сильно пострадалъ шанцевый инструментъ. Только въ половинѣ пятаго намъ удалось наконецъ, и то съ неимовѣрными усиліями, втащить послѣднее орудіе на правый берегъ рѣки. Почему непріятель не тревожилъ насъ въ продолженіе цѣлыхъ пяти часовъ—это не долго оставалось для насъ тайной: присутствіе четырехъ эскадроновъ драгунъ и мѣстность на противоположномъ берегу Гонсаула, за которымъ онъ стоялъ на позиціи, благоприятная для

кавалерійскихъ атакъ, заставили его быть неумѣренно осторожнымъ. Шамиль не зналъ, что послѣ смерти Крюковскаго долготерпѣніе нашей кавалеріи простиралось за предѣлы правдоподобнаго, и что еслибы онъ подвезъ свои орудія къ намъ на картечный выстрѣлъ, мы бы не дали ему ни малѣйшаго повода, раскаляться въ этомъ. Полковникъ Баклановъ, съ донскимъ № 17 казачьимъ полкомъ, состоявшимъ изъ шести сотень, и съ двумя сотнями линейныхъ казачьихъ полковъ Хоперскаго и Волгскаго, двинулся, по приказанію начальника отряда, съ праваго берега Гонсаула къ переправѣ черезъ Мичикъ. Тамъ онъ долженъ былъ занять позицію на правомъ берегу рѣки противъ того мѣста, съ котораго отряду предстояло подниматься на Качкалыковский хребетъ. Непріятель, увидѣвъ изолированное положеніе иррегулярной кавалеріи, тотчасъ же воспользовался имъ: отъ главныхъ силъ отдѣлились два орудія, съ партіей изъ нѣсколькихъ сотъ пѣшихъ и конныхъ, при двухъ значкахъ и, прикрывшись лѣсомъ, въ полуверстѣ вверхъ по Мичику открыли по казакамъ канонаду. Баклановъ, конечно, не отвѣчалъ, не имѣя при себѣ артиллеріи. Замѣтивъ свою ошибку, происшедшую вѣроятно отъ разсѣянности, князь Барятинскій немедленно направилъ къ Мичику 4-й баталіонъ князя Воронцова полка съ двумя батарейными орудіями. Куринцы побѣждали, какъ будто семействамъ ихъ и имуществу угрожала опасность. На одиннадцатый выстрѣлъ непріятеля уже послѣдовалъ отвѣтъ. Многихъ очень удивила ошибка князя Барятинскаго; его самого она, можетъ быть, удивила еще болѣе. Но въ первыхъ, приводя въ исполненіе какой нибудь обширный планъ, не трудно сдѣлать промахъ въ одной изъ его деталей; во вторыхъ, начальникъ отряда, какъ я уже замѣтилъ, былъ очень задумчивъ, и, наконецъ, онъ не былъ бы человекомъ, еслибы никогда не ошибался.

Между правымъ берегомъ Гонсаула и лѣвымъ Мичика, ближе къ послѣднему, окруженная высокимъ, но довольно рѣдкимъ лѣсомъ, стоитъ одинокая возвышенность—можетъ быть, искусственная насыпь или просто могильный курганъ домусульманскаго періода. Эта возвышенность не поражаетъ своими размѣрами, но странной формой своей напоминаетъ въ миньятюрѣ тѣ горы южнаго берега Африки, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ Столовыхъ. Дѣйствительно, съ своей плоской четырехугольной площадкой вмѣсто вершины и съ прямолинейными покатостями, она имѣетъ видъ накрытаго стола. Площадка ея, обведенная брустверомъ, представляла изъ себя редутъ, въ которомъ незадолго передъ тѣмъ, какъ мы должны были выступить съ Гонсаула, расположились главныя силы непріятеля, прямо противъ того мѣста, откуда два его орудія завязали канонаду съ колонной Бакланова. Когда спуски къ Гонсаулу были окончательно разработаны, и тяжести отряда стали показываться на правомъ берегу оврага, канонада прекратилась, и орудія съ прикрытіями отступили къ редуту. Позицію Шамяля нельзя было назвать неприступною, но съ нею онъ могъ сильно затруднять переправу нашихъ войскъ черезъ Мичикъ и затѣмъ обстрѣливать дорогу, поднимавшуюся на Качкалыковскій хребетъ; слѣдовательно, оставлять ее въ тылу было не совсѣмъ безопасно, тѣмъ болѣе, что день начиналъ клониться къ вечеру, и на переправѣ, которую нужно было окончить засвѣтло, могли встрѣтиться новыя, вполнѣ непредвидѣнныя задержки, особенно подъ огнемъ артилеріи. Князь Барятинскій рѣшился овладѣть редутомъ. Онъ могъ быть въ нашихъ рукахъ раньше, чѣмъ непріятель успѣлъ занять его, и тогда мы выиграли бы по крайней мѣрѣ два часа времени и понесли бы гораздо меньшій уронъ при переправѣ черезъ Мичикъ и при подъемѣ на Качкалыковскій хребетъ; но редутъ былъ возведенъ

очень недавно, и самъ Бата не зналъ о его существованіи, такъ какъ былъ личнымъ врагомъ Эски и въ округѣ у него не имѣлъ ни родственниковъ, ни довѣренныхъ людей. Но странно, что начальникъ подвижнаго резерва, ближайшій сосѣдь Мичика, ничего не зналъ о возведеніи новаго укрѣпленія. Князь Барятинскій отдалъ приказаніе полковнику Ба-кланову—тотчасъ же съ двумя баталіонами пѣхоты, четвертымъ князя Воронцова и первымъ князя Чернышева полковъ, атаковать непріятельскую позицію съ фронта; прочіе баталіоны, съ артилеріей, остановились въ лѣсу противъ праваго фаса редута; кавалеріи велѣно было заскочить въ тылъ непріятельской позиціи, и, обогнувъ лѣвый задній уголъ ея, противъ лѣваго фаса остановиться и выжидать непріятельскую артилерію, которая должна была, спустившись съ лѣвой покатости высоты, выйти прямо на нашу кавалерію. Второй и третій баталіоны Тенгинскаго полка, подъ начальствомъ полковника Веревкина, должны были поддерживать атаку кавалеріи и прикрыть ея отступленіе къ Мичику, тѣмъ болѣе, что при ней будутъ находиться отбитыя у непріятеля орудія—трофей, съ которымъ онъ не легко разстанется. „Вамъ предстоитъ славная схватка“, сказалъ мимоходомъ маіору Моллеру офицеръ, состоявшій въ свитѣ начальника отряда и передававшій его распоряженія начальнику кавалеріи. „Едва ли“ подумалъ я про себя; „намъ, видно, суждено играть въ эту экспедицію нѣмую роль театральныхъ статистовъ“. Капитанъ Резановъ также сомнительно покачалъ головой.

Противъ ожиданія, непріятель слабо защищалъ свою позицію. Онъ встрѣтилъ, правда, бѣглымъ огнемъ штурмовавшую ее колонну, но огонь этотъ скоро прекратился, и прежде нежели наши штыки поровнялись съ подошвой бруствера, покинулъ ее; артилерія Шамиля, не сдѣлавъ даже и одного выстрѣла, поспѣшно отступила. Наша кавалерія,

исполнивъ первую половину задачи, т. е. обскакавъ тылъ непріятельской позиціи, противъ лѣваго ея фланга остановилась фронтомъ къ Мичику, а правымъ флангомъ къ реду-ту. Не смотря на то, что въ конвой начальника кавалеріи отдѣлены были двѣ сотни линейныхъ казаковъ Горскаго и Моздокскаго полковъ и два эскадрона драгунъ—третій и четвертый, въ нашемъ кавалерійскомъ отрядѣ оставалось еще пять сотень линейныхъ казаковъ, донской № 17 казачій полкъ и два эскадрона драгунъ—пятый и шестой, что все вмѣстѣ составляло около тысячи трехсотъ всадниковъ; кромѣ того, въ арріергардѣ у насъ стоялъ Веревкинъ съ двумя баталіонами,—колонна внушительная, съ которою можно было оправдать ожиданія начальника отряда. Мы уже минутъ десять стояли на мѣстѣ и все время глазъ не спускали съ непріятельской позиціи, ожидая обѣщанной намъ артилеріи Шамиля. Наконецъ, она показалась. Медленно спустились съ горы три орудія и рысцой, съ небольшимъ кавалерійскимъ прикрытіемъ, направились вдоль лѣвой ея покатости къ лѣсу, за редутъ. Разстояніе между нами было невелико, можетъ быть, на дальній картечный выстрѣлъ, потому что, не смотря на сумерки, начинавшія стучаться надъ лѣсомъ, мы не только явственно могли различать орудія и зарядные ящики, но видѣли даже номеровъ съ банниками и пальниками. Вся эта артилерія была конная. „Мы сейчасъ понесемся наперерѣзъ и окупимъ всѣ потери въ орѣшникахъ“, сказалъ съ ироніей мой эскадронный командиръ. Но кавалерія не трогалась и не получала ни откуда никакихъ приказаній. Ящикъ, состоявшій изъ двухъ сотень казаковъ и двухъ эскадроновъ драгунъ, въ серединѣ котораго находился начальникъ кавалеріи, стоялъ далеко отъ насъ и также неподвижно; онъ очень походилъ на кавалерійское карре, хотя такого строя не существовало ни въ одной тактикѣ. Мы съ минуты на минуту ожидали, что изъ этого ящика

высунется маленькая фигура армянина, состоявшаго въ качествѣ адъютанта при начальникѣ кавалеріи, но ящикъ упорно продолжалъ стоять на мѣстѣ, наглухо замкнутый со всѣхъ четырехъ сторонъ, и никто изъ него не показывался. Время, между тѣмъ, быстро уходило, а вмѣстѣ съ нимъ ускользала и добыча изъ нашихъ рукъ. Бываютъ случаи, конечно, очень рѣдкіе, когда дисциплина, составляющая краеугольный камень военной службы, особенно въ военное время, оказываетъ намъ медвѣжьёю услугу. Это замѣчаніе я сообщилъ моему эскадронному командиру, и онъ, вполнѣ съ нимъ согласился. Полковникъ Веревкинъ не получалъ приказанія атаковать непріятельскую артилерію, и ему велѣно было только поддерживать кавалерію, когда она понесется въ атаку; но онъ зналъ, что для начальника отряда все равно, кто бы ни отбилъ орудія, хотя бы фуруштатская команда, лишь бы они были отбиты, лишь бы можно было оговорить въ донесеніи: „я не только прошелъ съ отрядомъ всю большую Чечню изъ конца въ конецъ, но и лишилъ непріятеля большей части его полевой артилеріи, чѣмъ окончательно уронилъ престижъ великаго имама“.

Видя, что наша кавалерія продолжаетъ сохранять вооруженный нейтралитетъ, а разстояніе между ею и предоставленнымъ ей княземъ Барятинскимъ трофеемъ все увеличивается, Веревкинъ крикнулъ своимъ баталіонамъ „ура“. Обрадованные тенгинцы стремглавъ бросились къ орудіямъ; но было уже поздно: замѣтивъ движеніе нашихъ баталіоновъ, непріятельская артилерія въ каррьеръ понеслась къ лѣсу и очень скоро скрылась у насъ изъ вида. Тенгинцы, сильно огорченные своей неудачей, наскоро разсыпали цѣпь и въ порядкѣ предприняли обратное движеніе. Тогда въ тылу у нихъ, изъ за деревьевъ, выросла чеченская пѣхота, которая бойкимъ ружейнымъ огнемъ принялась преслѣдовать ихъ и не отставала до тѣхъ поръ, пока баталіоны не

подошли вплотную къ кавалеріи. „Если еще и послѣ этого“ сказалъ мнѣ эскадронный командиръ, „Шамиль сдѣластъ противъ нашей кавалеріи хоть одинъ выстрѣлъ—это будетъ съ его стороны самой черной неблагодарностью“. Тотъ самый офицеръ, который незадолго передъ тѣмъ мимоходомъ бросилъ Моллеру фразу, преисполнившую нѣкоторыхъ изъ насъ несбывшейся надежды, привезъ начальнику кавалеріи приказаніе начальника отряда—отступать, которое онъ передалъ сухо и отрывисто; Моллеру же онъ не сказалъ ни слова. Передъ самымъ отступленіемъ, къ нашему эскадрону пристроился Бата и, помѣстившись между мной и эскадроннымъ командиромъ, завелъ рѣчь о причинахъ неудавшагося кавалерійскаго дѣла. Очень можетъ быть, что онъ былъ подосланъ княземъ Барятинскимъ, и мы были очень осторожны, рассказавъ подробно, какъ все происходило, но удерживаясь при этомъ отъ коментарій. Почти въ одно время съ Батой, минутой или двумя позже, къ правому флангу эскадрона подскакалъ—мы не замѣтили откуда—статный, красивый и очень еще молодой человѣкъ, почти юноша, на горячей караковой лошади. Поровнявшись съ нами, онъ торопливо началъ заряжать винтовку. Мы сначала приняли его за одного изъ нукеровъ Баты, которыхъ у него было три, и потому не обратили на него вниманія; Бата также не замѣтилъ его присутствія и продолжалъ разговаривать съ нами. Но стукъ шомпола о стволъ винтовки заставилъ его посмотреть въ сторону молодого человѣка. Увидѣвъ всадника, успѣвшаго въ этотъ моментъ дослатъ зарядъ, онъ такъ гнѣвно крикнулъ на него, что тотъ пригнулся къ сѣдлу и, держа винтовку высоко надъ головой, стрѣлой помчался къ лѣсу. Мы вопросительно взглянули на Бату, и онъ тотчасъ же удовлетворилъ наше любопытство. „Этотъ чеченецъ,“ сказалъ онъ, изъ Инды-юрта, черезъ который мы вчера проходили, сынъ наиба Гехи.

Еслибы я вовремя не увидѣлъ его, пока онъ еще не успѣлъ зарядить винтовку, одинъ изъ васъ непременно былъ бы убитъ“. — „Почему же не вы, Бата“? спросили мы. „Я! отвѣчалъ онъ съ веселымъ смѣхомъ. Меня они не тронутъ; они знаютъ мою бѣлую черкеску и мою бѣлую лошадь и ни за что въ меня стрѣлять не станутъ: вопервыхъ, я много лѣтъ былъ у нихъ главнымъ наибомъ, и они привыкли уважать и бояться меня; вовторыхъ, у меня въ горахъ есть родственники, которые, въ случаѣ моей смерти отъ мусульманской пули, найдутъ виновнаго и будутъ мстить. У насъ, вы знаете, кровь за кровь. Они вообще не трогаютъ мирныхъ чеченцевъ, и Шамиль это знаетъ — и ничего“. Увѣреніе Баты, что его не станутъ трогать, и странное извѣстіе, сообщенное мнѣ утромъ при выступленіи изъ Маюртупа подтвердились очень скоро. Не успѣлъ онъ закончить разговора, какъ вправо отъ насъ, на разстояніи человѣческаго голоса, показалась непріятельская кавалерія съ двумя значками. Впереди ея, на бѣлой лошади, въ черной, какъ уголь, буркѣ, ѣхалъ, должно быть, предводитель. Бата окликнулъ его, и между ними завязался разговоръ, конечно очень громкій, сущность котораго Бата весьма обязательно передалъ намъ въ немногихъ словахъ. „Что вы хотите? крикнулъ онъ предводителю партіи. Русскіе безнаказанно прошли всю вашу землю, и сколько вы ни приставайте къ нимъ, они назадъ не вернутся“. — „Нѣтъ, не безнаказанно прошли, отвѣтилъ предводитель. Мы сосчитали ихъ тѣла въ Маюртупѣ; мы никогда не теряли столько народа въ нашихъ набѣгахъ на русскія станицы“. И такъ, секретъ, который надѣялись сохранить отъ чеченцевъ если не навсегда, то надолго, былъ открытъ ими въ самый день выступленія нашего изъ Маюртупа.

Штурмъ редута, по своимъ послѣдствіямъ, не оправдалъ ожиданій князя Барятинскаго: непріятельскія сборища

вовсе не разсѣялись въ паническомъ страхѣ; они, напротивъ, сосредоточились въ лѣсу противъ праваго фаса и въ тылу редута. Шамиль очень хорошо понималъ, что русскіе не оставятъ его за собой, и какъ только наши войска отступили къ Мичику, тотчасъ же снова занялъ его. Съ этой удобной для него позиціи онъ началъ обстрѣливать дорогу, извивавшуюся широкой волнистой лентой по западному склону Качкалыковского хребта, по которой поднимался въ то время нашъ обозъ. Одну повозку, на которой лежали убитые, ядромъ разнесло въ щепки, и ее пришлось бросить, а тѣла убитыхъ размѣстить по другимъ повозкамъ; одному раненому пулей въ правое плечо ядромъ оторвало лѣвую руку. Ночь быстро надвигалась, а мы все еще не покидали лѣваго берега Мичика. На небѣ показались первыя звѣзды. Грандіозный ландшафтъ, окружавшій насъ, мало по малу ступевался, и если выступалъ снова при каждомъ выстрѣлѣ, то по частямъ: то вдругъ гора встанетъ передъ нами съ растянувшимся по ней обозомъ; то лѣсъ, прямой, высокоствольный, вынырнетъ изъ мрака и опять въ немъ потонетъ; то на мгновеніе озарится черная пасть оврага и вспыхнутъ штыки или лица нѣсколькихъ солдатъ, осторожно спускающихся въ него. Третій баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, четвертый князя Чернышева и оба дивизіона драгунъ переправились на правый берегъ Мичика и вновь проложенной просѣкой потянулись къ подъему на Качкалыковскій хребетъ; остальные шесть баталіоновъ пѣхоты, казаки и вся артилерія, подъ начальствомъ старшаго въ отрядѣ штабъ-офицера полковника Бакланова, должны были, занявъ позицію на лѣвомъ берегу Мичика, прикрывать переправу и, въ случаѣ агрессивныхъ дѣйствій со стороны непріятеля, дать ему энергическій отпоръ. Завязалась упорная канонада между нашей и непріятельской артилеріей. Большая часть нашихъ орудій безъ умолка

громила четыре непріятельскихъ и долго не могла заставить ихъ замолчать ³⁸⁾). Картина была эффектная. Мы долго любовались ею издали: то наша позиція выступить на свѣтъ, то непріятельская. Къ девяти часамъ канонада стала понемногу стихать, и въ началѣ десятого раздались послѣдніе выстрѣлы; хриплое и протяжное эхо повторило ихъ и замерло въ воздухѣ. Въ наступившей тишинѣ слышно было съ полугоры, гдѣ мы остановились, какъ поспѣшно переправлялась черезъ Мичикъ наша артилерія. Когда мы поднялись на гребень Качкалыковского хребта, передъ нами въ отдаленіи замелькали огоньки, показавшіеся намъ въ эту ночь особенно привѣтливыми: мы подходили къ Куринскому укрѣпленію. Послѣ двухъ дней, проведенныхъ въ самыхъ сильныхъ ощущеніяхъ и въ липеніяхъ всякаго рода, отъ этого скучнаго, уединеннаго передоваго поста повѣяло на насъ чѣмъ-то роднымъ. Въ одиннадцать часовъ я уже сидѣлъ въ жарко натопленной низенькой комнаткѣ, при тускломъ освѣщеніи вставленной въ бутылку сальной свѣчи, и утолялъ свой сорока-восьмичасовой голодъ жалкими остатками жалкаго обѣда.

19-го февраля мы скучали, такъ какъ войскамъ данъ былъ отдыхъ. Въ Куринскомъ укрѣпленіи нѣтъ никакихъ достопримѣчательностей, которыя бы могли остановить на себѣ вниманіе самаго невзыскательнаго туриста; но оно само по себѣ составляетъ достопримѣчательность, потому что, говорятъ, возведеніе его стоило казнѣ баснословныхъ суммъ. Князь Барятинскій также скучалъ въ Куринскомъ и рано утромъ 20-го, подхвативъ всю кавалерію, выступилъ съ нею въ Грозную прямой дорогой, мимо укр. Горячеводскаго и Нефтянки. Въ Старомъ-юртѣ лежало нѣсколько человѣкъ

³⁸⁾ Канонада съ нашей стороны была открыта предумышленно лишь для того, чтобы замаскировать и прикрыть отступленіе черезъ Мичикъ нашей пѣхоты и тяжелой артилеріи.

раненыхъ русскими пулями и картечью: жители этого мирнаго аула дѣйствовали противъ насъ въ отрядѣ Шамиля, и уже не въ первый разъ. Когда мы подходили къ аулу, они толпой высыпали изъ него и провожали насъ ироническими взглядами. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, молодой князь Аргутинскій, о которомъ уже здѣсь упомянуто, поровнявшись съ жителями, громко крикнулъ имъ: „здорово, ребята! Шамиль пропалъ, Мичикъ пропалъ, Чечня юхлай“!— „А Матортупъ хорошо?“ отвѣтилъ ему одинъ изъ нихъ, дерзко прищутивъ свои черные глаза и положивъ руку на рукоятку кинжала. Изъ этихъ словъ мы имѣли случай убѣдиться еще разъ, что погребеніе убитыхъ ночью въ непріятельскомъ аулѣ, какъ ни старались скрывать его, теперь не было тайной ни для кого. Мы прибыли въ Грозную довольно поздно вечеромъ. Черезъ день, 22-го, къ намъ подошла пѣхота съ артилеріей. Урочище Тепли было брошено; остававшіеся въ немъ для прикрытія тяжестей отряда три баталіона пѣхоты и восемь орудій также прибыли въ Грозную 22-го числа. Положеніе ихъ у Тепли, въ виду большихъ непріятельскихъ сборовъ, не могло не внушать князю Барятинскому опасеній, и потому лагерь, по его приказанію перенесенный весь на лѣвый берегъ Аргуна, былъ укрѣпленъ засѣлками и представлялъ изъ себя твердыню съ довольно внушительными профилями, которая могла продержаться нѣсколько дней до возвращенія отряда, еслибы непріятель вздумалъ обложить ее. На помощь Грозной или Воздвиженской нечего было рассчитывать: гарнизоны этихъ двухъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ доведены были до минимума.

25-го февраля отрядъ выступилъ изъ Грозной въ полномъ составѣ, кромѣ 1-го баталіона Эриванскаго полка, который, по просьбѣ начальника владикавказскаго военного округа барона Вревскаго, еще 23-го возвращенъ во Влади-

кавказъ. Сначала мы держались сѣверо-восточнаго направленія, но мимо раззореннаго аула Ханбулатъ-юрта повернули на юго-востокъ, прошли черезъ высокій строевой лѣсъ и около урочища Устаръ-Гордой, на половинѣ разстоянія между нашимъ послѣднимъ лагеремъ и другимъ раззореннымъ ауломъ Гурдали, раскинули новый, третій по счету, лагерь по обоимъ берегамъ Аргуна. „Этимъ перекочевкамъ конца не будетъ“, говорили разочарованные офицеры. Мы думали, что на Аргунѣ не осталось болѣе ни одного дерева, а между тѣмъ съ 26-го февраля по 5-е марта только тѣмъ и занимались войска, что безостановочно рубили лѣсъ. Они вырубili только одну просѣку—правда, очень широкую; но все же по сторонамъ ея на корнѣ оставалось еще много лѣса, которому суждено было пережить покореніе восточнаго Кавказа. Лѣсамъ по нижнему теченію Джалки также не мало досталось отъ нашихъ топоровъ въ этотъ короткій промежутокъ времени. Не сбылось и предсказаніе, которымъ заканчивается донесеніе князя Барятинскаго 5-го марта № 43: „отрядъ, пройдя Хулхулау, Гельдыгенъ, Майортупъ и долину Мичика, и выйдя въ укрѣпленіе Куринское, вынесъ съ собою полное и драгоцѣнное убѣжденіе, прямое слѣдствіе своихъ подвиговъ, что для непокорной большой Чечни остался только одинъ годъ существованія, и никакія усилія непріятеля не могутъ отдалить времени совершеннаго завоеванія этого края“. Но послѣ движенія нашего черезъ большую Чечню 17-го и 18-го февраля, она, благодаря преимущественно наступившей кампаніи, просуществовала шесть съ половиною лѣтъ, т. е. почти до паденія Гуниба.

2-го марта наши эскадроны вернулись въ Грозную, а 4-го подошли къ вождедѣнной линіи,—и опять мы увидѣли николаевскій мостъ, черезъ который наши офицеры переправились всѣ до единого.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ СТАТЬЕ

„ЗИМНЯЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1852 Г. ВЪ ЧЕЧНѢ“.

Имя Баты было давно намъ знакомо по тѣмъ смѣлымъ поискамъ въ нашихъ владѣніяхъ, которыми онъ такъ часто тревожилъ наши передовыя укрѣпленія и аулы, лежавшіе по нижней Сунжѣ. Особенно часто развѣвались значки его подъ стѣнами Умахантюрта и въ окрестностяхъ Грозной. Личность эта пользовалась въ Чечнѣ репутаціею отчаяннаго наѣздника и опытнаго, даже слишкомъ опытнаго администратора. Впослѣдствіи судьба свела меня съ Батой, и мы даже очень близко познакомились, живя два года бокъ о бокъ: онъ въ аулѣ Ойсенгурѣ, стоявшемъ подъ защитой Курипскаго укрѣпленія, я—въ самомъ укрѣпленіи. Мнѣ даже удалось, благодаря его обязательному содѣйствію, перевести на чеченскій языкъ русскій словарь, присланный съ этою цѣлью покойнымъ Берже сначала на имя командира 2-го баталіона князя Чернышева полка маіора Властова, потомъ на мое. Бата былъ человекъ замѣчательный, оказавшій не мало услугъ русскому оружію. Прежде это былъ одинъ изъ самыхъ безпкойныхъ и предприимчивыхъ противниковъ нашихъ; съ того же дня, какъ онъ передался къ намъ, мы приобрѣли въ немъ незамѣнимаго проводника. Благодаря превосходному знанію мѣстности (только въ большой Чечнѣ), онъ много содѣйствовалъ покоренію Чечни и много русской крови сберегъ при ея замиреніи. У насъ не было вѣрной топографической

карты этого края, и мы ходили по Чечнѣ ощупью, подавались впередъ осторожно, шагъ за шагомъ. Вездѣ мерещились намъ преграды, преодолевать которыя предполагалось съ неимовѣрными трудностями и огромными жертвами: сады представлялись намъ чуть ли не дѣвственными лѣсами, канавы глубокими оврагами, овраги бездонными пропастями. Лазутчики, проводники, вліятельные мирные чеченцы и всѣ, имѣвшіе въ томъ прямой или косвенный интересъ, старались поддерживать въ насъ эти заблужденія. Является Бата—и завѣса, за которою скрывалась Чечня, не существуетъ ¹⁾: мы идемъ смѣло впередъ, дѣлаемъ отчаянныя рекогносцировки, почуемъ въ непріятельскихъ аулахъ, снимаемъ планы, составляемъ программы будущихъ экспедицій, вырубаемъ только тѣ лѣса, которые дѣйствительно могли намъ служить преградой, и почти определяемъ срокъ, до котораго можетъ продержаться Чечня. А такъ какъ Чечня служила житницей Дагестана, то и будущность этого послѣдняго не представлялась уже вопросомъ слишкомъ отдаленнаго времени. Вотъ чѣмъ обязаны мы Батѣ, и вотъ почему я называю его замѣчательнымъ человѣкомъ и помѣщаю здѣсь тѣ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, которыя мнѣ удалось собрать отчасти отъ него самаго, отчасти, помимо него, отъ людей, не совсемъ доброжелательно относившихся къ его обезпеченному положенію и слѣдовательно пристрастныхъ въ ущербъ его репутаціи.

Собственные сыновья Баты, Болотай и Шамиль, а также жители Ойсенгура, называли его Буота; настоящее же его имя, какъ мнѣ довелось дослѣдовать—Батый. Бата былъ родомъ изъ аула Хорочай, стоявшаго на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ Джалки и разореннаго русскими во время возстанія Чечни. Онъ носилъ фамилію Хорочаева, а не Шамурзова ²⁾, хотя въ официальной переписи

¹⁾ Въ настоящемъ XIII т. «Сборника» помѣщено описаніе сквознаго движенія въ 1831 году г. г. Вельяминова, которое черезъ двадцать лѣтъ повторилъ князь Вяртинскій. Ред.

²⁾ Фамилія Хорочаева легко могла принадлежать Батѣ по мѣсту его рожденія или выхода его представителей изъ аула Хорочай и усвоиться ему случайно. Официальныя же свѣдѣнія того времени едва ли могутъ быть ошибочны, такъ какъ Бата былъ самъ лицо официальное и даже видное. Въ этихъ свѣдѣ-

скѣ ³⁾ онъ извѣстенъ подъ этою послѣднею фамиліею. Ребенкомъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и дѣтство свое провелъ въ домѣ командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса барона Розепа, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ благодарностью, и котораго не иначе называлъ какъ Григоріемъ Владиміровичемъ. Впослѣдствіи, —опъ не помнилъ въ которомъ году—Бата уступленъ былъ барономъ Розепою бывшему намѣстнику Царства Польскаго Великому Князю Константину Павловичу, который держалъ его у себя до совершеннолѣтія, а затѣмъ предложилъ креститься. Бата поблагодарилъ Его Высочество за всѣ мплости, но креститься не пожелалъ, а просилъ отпустить его на родину, по которой, какъ онъ говорилъ, никогда не переставалъ тосковать. Цесаревичъ не имѣлъ причинъ отказать ему въ этомъ, потому что въ то время Чечня входила въ составъ нашихъ владѣній на Кавказѣ. Въ Варшавѣ Бата, между прочимъ, выучился говорить попольски. И такъ, въ одинъ прекрасный день счастливый плѣнникъ, передъ которымъ лежала широкая дорога къ почестямъ и отличіямъ, послѣ роскошныхъ палатъ намѣстника Царства Польскаго, вдругъ очутился въ тѣсной и темпой турлучпой саклѣ, въ обществѣ телятъ и домашней птицы; но за то онъ былъ свободенъ и дышалъ роднымъ воздухомъ. До сорока перваго года Бата былъ человѣкомъ маленькимъ; о возвращеніи его на родину и о походехъ въ Россіи поговорили въ Хорочаѣ и сосѣднихъ съ нимъ аулахъ, а потомъ и говорить перестали, и почти забыли о его существованіи. Но когда въ сороковомъ году Чечня, раззоряемая и притѣсняемая генераломъ Пулло и его клевретами съ одной стороны, разжигаемая фанатическими проповѣдями мюридовъ съ другой, отложилаь—Шамиль, умѣвшій, какъ и всѣ великіе историческіе дѣятели, выбирать себѣ сподвижниковъ, отличилъ Бату въ толпѣ, вывелъ его изъ неизвѣстности и сначала поручилъ ему управленіе шалинскимъ округомъ, а потомъ сдѣлалъ старшимъ наибомъ большой Чечни. Съ этихъ поръ имя Баты начинаетъ очень часто произноситься на

ніяхъ онъ вездѣ неизбѣжно именуется Шамурзовымъ (отъ имени Шамурза или Хамурза) и притомъ не Батыемъ, а Батіемъ. *Red.*

³⁾ Донесеніе штаба отд. кавк. корпуса 12-го марта 1852 г. № 579.

кумыкской плоскости, на Сунжѣ, на Терекѣ и даже за Терекѣ. Въ 1851-мъ году Бата узналъ, что начальникомъ лѣваго фланга и чеченскаго отряда назначается русскій вельможа, богатый, вліятельный и предприимчивый; онъ оставилъ парчевой значокъ имама и явился съ предложеніемъ услугъ къ князю Барятинскому ⁴⁾. Такое счастье выпадаетъ на долю немногихъ любимцевъ фортуны, къ числу которыхъ принадлежалъ и князь Барятинскій. Бата увѣдомилъ начальника чеченскаго отряда изъ Ойсенгура о выступленіи Шамиля въ Дагестанъ со всѣми способными носить оружіе жителями Ичкеріи и Чечни, слѣдствіемъ чего было предпринятое княземъ Барятинскимъ 6-го января движеніе къ Автуру и Гельдыгену; Бата же далъ знать въ отрядъ о посильномъ возвращеніи Шамиля съ отборною кавалеріею и всею чеченскою пѣхотою въ Чечню; наконецъ, онъ былъ вызванъ въ отрядъ и служилъ проводникомъ барону Меллеру-Закомельскому 10-го января при движеніи колонны къ мезонинскимъ хуторамъ ⁵⁾.

⁴⁾ Свѣдѣнія объ этомъ переходѣ Баты на нашу сторону и нѣкоторыя другія о немъ же помѣщены въ ~~IV~~ т. «Кавказскаго Сборника», въ статьѣ «Погромъ Чечни въ 1852 году». *Ред.*

⁵⁾ За анахронизмы, если они окажутся въ томъ мѣстѣ біографическаго очерка Баты, который относится до его пребыванія въ плѣну, *авторъ* слагаетъ съ себя отвѣтственность, такъ какъ передаетъ подлинный разсказъ бывшаго намба.

Опечатки.

Страницы. Строки сверху, снизу.			Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
494	8	»	дня	для
548	»	1	пиночныя	пи ночныя
575	»	9	бодоблемыи	болеблемыи